

ВАКАНСИЯ

для слепого чтеца

заявления принимаются только от женщин

ДЖОРДЖИЯ ЛЕ КАРР

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ и не только

Лара Я родилась слепой, как щенок, только моя слепота вечна. Все остальные видят мир, я же могу только догадываться, но, эй, не жалейте меня. Я не жалуясь. У меня все в порядке с воображением, и я представляю свой мир красивым, очень красивым, вы даже не можете себе представить каким. Когда я была маленькой, мама говорила, что я носилась по квартире, где стояла мебель, и если не часто ударялась о все углы и не получала много синяков, то продолжала свое занятие. Когда я подросла, я поняла, что мир не создан для слепых людей. Мне понадобилась белая трость и пришлось довериться моей лучшей подруге Элейн — прыгать, когда она кричала: «Лужа». Иногда, она кричала «лужа» для своего удовольствия, хотя лужи, на самом деле, не было, но в целом у нас получалось неплохо. Сейчас я выросла, и она сообщила мне, что самый загадочный мужчина, застрявший вот уже несколько лет в Дуранго-Фоллс, ищет кое-кого и мне следует на эту вакансию откликнуться. По-видимому, Кит Карсон ищет слепого чтеца. Честно говоря, это звучит немного похоже, когда она кричала «лужа», хотя ее, на самом деле, не было. Но какого черта? В конце пусть она посмеется, когда я прыгну. И я действительно прыгнула... Кит Я остался в Дуранго-Фоллс, потому что это было идеальное место, чтобы спрятаться. Здесь горожане не любят незнакомцев, а я не особо люблю людей. Поэтому я ни с кем не разговариваю, и никто не разговаривает со мной. И меня вполне это устраивает. Вот уже пять лет я живу один на краю этого леса. Только я и волки, которых приручил, но этой зимой моя душа захотела чего-то большего. Я знаю, точно не теплоту женского тела. Я закончил с этим. Армия превратила меня в гребаного монстра, ни одна женщина не вытерпит моего вида. Даже шлюха. Она, не иначе, должна быть с завязанными глазами, чтобы смогла получить удовольствие. Может, я просто грезил о мелодичном женском голосе, читающем мне так, как читала мама, когда мне было пять лет, пока она еще была жива. Я решил нанять слепого чтеца. Вернее, женщину, слепую чтицу. Мне казалось, что я хотел только этого. Но все мое дерьмо тут же вылетело в окно, как только я увидел ее. Теперь единственное, о чем я могу думать — о теле этой женщины... Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Джорджия ле Карр

Вакансия для слепого чтеца

*Вы не найдете на обычной американской карте города Дуранго-Фоллс.
Он существует только в голове Джорджии
«Вытянуть жребий ты можешь, закрыв глаза и припевая.»
Пабло Пикассо*

<https://www.youtube.com/watch?v=a33sB3ck28A>

Я с трудом толкнула тяжелую деревянную дверь библиотеки Дуранго-Фоллс и ступила в до сих пор тихое пространство. Библиотека была, без сомнения, моим любимым местом, после студии лепки. Я приходила сюда почти каждый день. Думаю, мне нравился запах старых книг, перемешанный с запахом чистого пола из сосны и тихое эхо внутри почти пустого, большого каменного здания.

В это время обычно никого здесь нет. Я слышала слева в углу комнаты бульканье воды в кулере, и лениво крутящийся звук механизма в старом радиаторе. Я стряхнула снег с шапки, очистила толстые перчатки и засунула их в карманы пальто. Проведя своею белой тростью дугой перед собой, я сделала двенадцать шагов к стойке регистрации.

Ханна Хейнбергер обычно дежурит по средам во второй половине дня, но по духам — шалфея и розы, я поняла, что сегодня за стойкой сидела Элейн. Должно быть, они поменялись сменами.

— Привет, Элейн, — поздоровалась я, упираясь в стойку регистрации.

— Оооо... вот кого я хотела увидеть, — сказала она.

Я могла сразу же сказать, судя по ее тону, что она имела какую-то очередную интересную сплетню. Было забавным, как Элейн умудрялась всегда отыскивать непристойные слухи в городке с населением меньше тысячи человек. Отъявленная сплетница или нет, у нее было золотое сердце, и я не могла вспомнить время, когда мы не были лучшими подругами.

Я положила левую руку на край стола. В независимости от того, какая была новость, Элейн кипела от энтузиазма. Энергия из нее просто была ключом.

— Что? — с любопытством поинтересовалась я.

Она наклонилась вперед, я почувствовала движение воздуха. Ее дыхание, она ела печенье с арахисовым маслом, было теплым на моих холодных щеках.

— Ты никогда не догадаешься, кто приходил сюда сегодня утром, — воскликнула она торжественно.

Я сохраняла свое лицо невозмутимым.

— Бейонс?

— Ладно, я не буду тебе говорить, и ты пропустишь самую горячую новость, город не слышал такого уже двадцать лет, — обиделась она, раздражаясь, потому что я испортила ей сюрприз. Я имею в виду, кого она могла придумать лучше, чем Бейонс?

Я злорадно усмехнулась.

— Хорошо. Уверена, что эту новость мне расскажет Эмма Жан.

— Я еще ей не сказала, — удовлетворенно произнесла она.

— Элейн Крокетт, я смогу пережить самую горячую новость, случившуюся в этом городе за двадцать лет, если ты мне ее не расскажешь, но ты же лопнешь, если не проболтаешься.

— Кит Карсон, — моментально выпалила она.

— Кит Карсон, — удивленно повторила я. Ну, что ж, на этот раз у нее действительно

была самая горячая новость.

В каждом маленьком городке есть одиночка, таинственный, пугающий и неуловимый, антисоциальный человек, отказывающийся быть частью общества. Кит Карсон был призраком нашего города. Он жил в лесной местности, превратив ее в заповедник для волков. Иногда он приезжал в город на своем пикапе, но ни на кого не смотрел и ни с кем не разговаривал, только что-то мычал в ответ.

Я слышала, что он был огромным: шесть футов семь дюймов ростом, объемом, как кирпичный дом, ходил немного прихрамывая и у него были шрамы на лице, которых на самом деле никто толком не видел.

Нечто не понятное было в Ките Карсоне, но он смог изменить ситуацию по отношению к себе в нашем крошечном городке. Мы не принимаем с любовью всех посторонних. Можно прожить в нашей среде пятьдесят лет и до сих пор считаться аутсайдером. Кит Карсон был не местным, и поселившись здесь где-то на отшибе, не зная души нашего города, он просто напрашивался на неприятности своим поведением.

Он пришел в Дуранго-Фоллс, когда мне было около семнадцати, в июле мне будет двадцать два. Он уже пять лет здесь, и хотя наши мужчины пытались протянуть ему руку дружбы, он наотрез отказался иметь с ними какие-то контакты, кроме торговых.

Два года назад Кейси Гуднайт сказала, что видела армейский жетон, выглядывающий из его рубашки, пока он расплачивался за стальные тросы в магазине стройматериалов. Да, этот сэр, тогда дал повод всему городу для сплетен. И эти разговоры еще долго продолжались за утренним кофе, хотя прошло уже несколько недель.

Ложными сладкими голосами добрые горожане перемывали кости «секрету» этого мужчины. Очевидно, он был с позором уволен из армии, и это был настоящий ужасный позор, который и заставил его избегать контактов с остальными людьми и даже отвернуться от Бога. Да, верно, Кита Карсона никогда не видели внутри нашей церкви. Естественно, у него не было жены, потому что Бог опасался за женщину, которая захочет такого безбожника.

Хотя, со временем последняя сплетня трансформировалась, якобы он сам убил свою жену. Люди говорили, что они слышали вой волков в полнолуние, когда проходили рядом с его лесными угодьями. Рассказы о нем становились все страннее и ужаснее. Некоторые из них были просто сумасшедшими. Его называли серийным убийцей. Думаю, что некоторым было просто скучновато у нас в городке, поэтому в подобных сплетнях они находили своеобразное развлечение.

— Да, — сказала Элейн тем же голосом, когда решила сообщить мне новость, — мужчина шагнул этим утром сюда, огромный, как дерево, прикрепил кусок бумаги на доске объявлений и ушел. Никому, не сказав ни слова.

— Вау, — прошептала я. — И кого он ищет? — Я подумала, что она скажет прораба или домработницу.

Она глубоко вдохнула.

— Что? — я была заинтригована этой тайной.

— Ты готова услышать?

— Возможно, будет лучше, если я прочитаю тебе, — я услышала, как она зашуршала бумагами. — Точно. Вот оно. — Она резко замолчала. — Хочу слепого чтеца. Два раза в неделю. Объявление принимается только от женщин. Кит Карсон. — Она замолчала. — Внизу имеется номер телефона.

Я закрыла открытый рот. Может я ослышалась?

— Ты сказала слепого чтеца?

— Здесь так написано.

— На кой черт ему понадобился слепой чтец?

— Слепой, думаю тот, кто читает.

Я нахмурилась.

— Зачем ему нужен слепой чтец?

— Я вот что думаю, — прошептала Элейн. — Мне кажется он настолько стыдится своих шрамов, поэтому не хочет, чтобы их кто-нибудь видел. — Она быстро выдохнула. — Думаю, ты должна согласиться.

— Что? Нет. Ты с ума сошла? Само объявление — настолько странное...

— Не глупи. Мужчина не опасен. Он просто не любит общество.

— Не опасен! Разве не ты говорила, что он убил свою жену и закопал ее в лесу, специально приручив волков, что никто не мог сунуться теперь в лес, чтобы отыскать ее останки?

Она захихикала.

— Ну, в тот день я умирала от скуки. Тебе не кажется, что это было смешно?

— Ты просто хочешь, чтобы я поставляла тебе новые сплетни, которые ты сможешь разнести по всему городу.

— Скажешь, тоже... Разве я смогу так с тобой поступить. Но я бы обязательно откликнулась на это объявление, если бы была слепой.

— Не правда.

— Точно, тебе говорю, — настаивала она.

— С каких это пор? — потребовала я ответа.

— Если бы он только посмотрел на меня, я сделала бы все для него. Ты не представляешь, какое тело у этого мужчины. Он такой сексуальный, я не возражала бы растаять под ним.

— Господи, Элейн.

— По любому, Лара, тебе стоит откликнуться на эту вакансию. Я имею в виду, что отвезу тебя к нему и буду сидеть рядом, в его гостиной, пока ты будешь читать. Ты будешь в полной безопасности. Это весело. Ну, по крайней мере, это интересно. Пожалуйста, Лара Сжался надо мной. Я тут умираю от скуки.

— Я знаю, ты хочешь новых сплетен.

— Ну, согласись. Я бы попросила кого-нибудь другого, но ты единственная слепая в городе.

— А разве миссис Мартле не слепая?

— Эта старая пташка, — тут же она отклонила ее кандидатуру. — Она может помереть

в любой момент. Я слышала ее сыновья уже приготовили могилу.

Я покачала головой, изумляясь на столь ужасные сплетни, которые ходили у нас по городу.

— Кроме того, мне нравится на него смотреть. Такой сексуальный мужчина, да еще и имеющий таинственно грозный вид.

Я засмеялась.

— Я не знала, что ты пялишься на него.

— Да, еще как, — призналась она. — Так ты согласишься на его предложение или нет?

— Не знаю, Элейн. Это нелепо.

— Послушай, если ты не согласишься, тогда я выколю себе глаза и соглашусь сама, — зарычала она.

Я засмеялась.

— Я подумаю об этом.

— Позвони ему.

— О, черт.

Моментажно, со скоростью молнии, она запустила свою руку ко мне в сумочку и извлекла мой мобильник. Прежде чем я могла запротестовать, я услышала, как она уже набрала номер.

— Элейн, — воскликнула я, услышав мелодию звонка.

Этот звук разнесся в тишине библиотеки и как не странно, но я почувствовала, что мне стало все равно, я успокоилась, словно ожидая чего-то важного, что должно было произойти. Элейн сунула телефон мне в руку. Я взяла мобильник как в тумане и поднесла к уху. У меня было такое чувство, словно я всю жизнь ждала этого момента, и наконец он настал. Я выдохнула, потом вздохнула.

— Мистер Карсон? — проквакала я.

— Говорите, — его голос был глубоким и успокаивающим, но слышалась настороженность.

— Меня зовут Лара Янг, и я... хм... звоню по поводу... эээ... чтения, работы. Можете мне рассказать побольше об этом?

— Ты слепая?

Я заморгала от такой резкой прямоты вопроса.

— Ну, я держу в руке белую трость не ради удовольствия.

— Хорошо. Я расскажу тебе все подробно, когда увижу. Когда ты сможешь приехать ко мне?

— Эээ...

— Завтра в девять, — прошептала мне в другое ухо Элейн.

— Завтра в девять утра, — ответила я ему.

— Ты знаешь мой адрес? — резко спросил он.

Элейн коснулась моей руки, тем самым говоря, что знает.

— Да, — ответила я.

— В девять, — произнес он и отключился.

Я положила свой телефон обратно в сумочку, по-прежнему находясь словно в тумане.

— Разве это не здорово? — хихикая спросила Элейн.

Луна была полной и ее отражающийся свет напоминал свежесвыпавший снег, освещая дом также ярко, как днем. До сих пор мне нравились эти холодные ночи, когда луна была полной, высоко на небе. Вместо того, чтобы отправиться спать и пропустить эту магию, я всегда сидел на крыльце, тусуясь с моими волками.

Я наблюдал, как они передвигались под холодным светом луны, их глаза начинали светиться зеленым и густой мех переливался, блестя серебром. Я видел, как перекачивались их крепкие мышцы на спине под мехом, четко показывая их внушительную мощь и силу. Они волновались, как обычно во время полнолуния.

Так же как и я...

Я увидел Коа, самого большого волка из стаи, поднявшего нос к небу, он завыл долго и пронзительно, дико, этот вой до сих пор вызывал у меня озноб по всему телу, несмотря на то, что прошло столько времени. Один за другим волки последовали его примеру. Я закрыл глаза, навязчивый вой ласкал мою кожу и проходил по всему телу. Их вой пробудил во мне старые воспоминания, старые призраки, спящих в темноте. И среди них многие были похоронены на кладбище моей души.

Когда я впервые очутился на краю этой горы, я был просто в *банном беспределе. Гонимый, как умалишенный, первобытной жестокостью и бессмысленным насилием, которые я видел в армии, я был в полном ауто. Я напоминал одного из тех, дошедших до ручки людей, которые могли зайти в торговый центр и расстрелять всех — мужчин, женщин и даже детей, четко веря, что делают им одолжение, потому что мир вокруг стал таким чертовски неисправимо уродливым.

Посттравматический синдром. Аууу... звучит так, словно это коробка с красивой красной лентой, обвязанной вокруг. Я расскажу вам, что это такое на самом деле. Это животный вой, именно вой, который поражает каждую чертовую клетку твоего мозга в течение всего дня и преследует тебя в твоих снах. Ты просыпаешься ночью от своего собственного крика вырывая у себя волосы. И я начал рассматривать все человечество, как что-то ужасное. Также и свое собственное существование.

Да, я подумывал, вложить дуло пистолета себе в рот.

Только возникающий образ моей матери в нашем доме, окруженном белым заборчиком и флаг, гордо развевающийся на ее идеальном дворе, удерживали мой мозг, чтобы не пустить себе пулю.

У меня было два варианта: погрузиться в терапевтическое лечение или разобраться со всем, что я видел, типа очень быстро слинять из кабинета терапевта и поиграть в прятки, это была совершенно тупая идея, попробовать противостоять моим ночным кошмарам самому. Только идиот может купиться на такую дерьмовую идею, противостоять тому, что я видел. Когда совершенно невинных детей разрывало в клочья, когда я видел кишки, от которых еще исходил пар, твоего брата по оружию.

Думаете какой вариант я выбрал?

Медики дали мне лекарства и пожелали удачи. Это курам на смех! Мой план был прост. Я хотел полностью отказаться от всего этого медицинского дерьма через какое-то время. Я сел в пикап и поехал, куда, я не знал. Я пересек две государственные границы и гнал через

Дуранго-Фоллис. Я не мечтал обосноваться здесь. Я хотел уехать подальше от городского шума.

Бл*дь, я чуял за спиной осуждающие разговоры и двуличность этих людей. Я вырос в маленьком городке. Я знал все об их мелких пересудах, их грязных маленьких секретах и инцестных связях между собой. Этот город, скорее бы я умер, чем остался бы здесь жить.

Но через тридцать минут по дороге из города, я увидел табличку:

В аренду или продажа
Старик Крик
Дом и все тридцать акров!

Тридцать акров! Дорога вся заросла сорняками, поэтому я не мог даже въехать на нее. Мне пришлось выйти из пикапа и пойти по длинной, ухабистой дороге.

Дорога напоминала тропу для коз, чем настоящую дорогу.

Дело было летом и передо мной открылся восхитительно красивый вид: земля, ручей, за ним лес, даже старый дом в печальном состоянии как бы взывал ко мне. Я протер грязь со стекла и заглянул в окно. Внутри он был весь отделан деревом, с большим каменным камином, обстановки почти никакой, но он идеально для меня подходил, но главное было то, что он стоял далеко и был изолирован от всех, я понял, что это было идеальное место, и я решил задержаться, хотя бы на пару недель. Здесь я мог охотиться и ловить рыбу, а главное восстанавливаться. Привести свою голову в порядок прежде, чем я двинусь дальше.

Пока я обходил дом вокруг, пробираясь через лианы и ежевику, которые встречались у меня на пути, честно, мне никогда раньше не приходило в голову, что я хотел бы осесть здесь на всю жизнь, но пара недель превратилась в месяц. Я чувствовал, как новая сила насыщает мое тело. Ничто не способствует исцелению человека, как тяжелый, физический труд и жизнь на земле.

Я спустил лекарства в унитаз.

Один месяц проскользнул за другим, и вскоре лес стал превращаться в золотой, бурый и коричневый. Никакие книги, видео, YouTube, сайты, документальные фильмы или фото, получившие какие-то награды, не могли подготовить меня к открывшейся красоте, которая предстала перед моими глазами. Несмотря на то, что я погружался в эффектные цвета осени, я понимал, что впереди будет суровая зима, которую мне придется пережить в одиночестве. Однако жить одному было тяжело, и станет еще тяжелее в десять раз, когда пойдет снег.

Я должен был принять решение: остаться или уехать? Я решил подождать, пока не закончится шоу, последние листья уже отпали, первый слой снега покрыл землю. Я бы ушел.

По правде говоря, я ждал снега, потому что хотел увидеть следы, я знал, что здесь живут звери, которые играют со мной в прятки, я чувствовал это, когда ходил пешком по лесу. Я чувствовал, что они близко подкрадываются ко мне, это своего рода предчувствие — результат побочного эффекта военных действий, но звери не показывались мне на глаза.

Я сделал шесть вязанок дров, прикрыв их брезентом, и стал ждать первого снега. Долго мне ждать не пришлось. Всю ночь снег застилал землю белым одеялом, воздух притих, пейзаж изменился, став похожим на рождественскую открытку.

Я собрал рюкзак и вышел рано из дома.

Предраассветный лес со свежавыпавшим снегом напоминал рай. Все деревья стояли высокие и белые на фоне неба, и полная тишина нарушалась изредка лишь вороньем карканьем или звуком сломанной веточки от тяжести снега. Мое теплое дыхание образовывало сосульки на капюшоне с мехом.

В утреннем свете, впервые с тех пор, как я обосновался в Дуранго-Фоллс, я увидел их следы. Я присел на корточки, чтобы получше их изучить. Волки! Вернее, крупный волк.

В одно мгновение эти отпечатки лап все изменили во мне. Я больше не был солдатом, который выбрал маленький городок, чтобы спрятаться от всех на окраине. Я внезапно, словно перенесся во времени на столетие назад. Я стоял на земле людей, которые прибыли сюда в крытых кибитках, первые поселенцы и первопроходцы старого Запада.

Если зловещие сказки про хищников-убийц были верны, то в данный момент я смотрел на короткую, неравную схватку на снегу, прежде чем все закончилось. Мои кости станут частью леса, и никто не узнает. Все в городе подумают, что я уехал туда, откуда прибыл.

Пока я шел вдоль деревьев понял, что за мной наблюдают... преследуют. Одинокая, темная тень медленно двигалась за мной по замерзшей земле. Без предупреждения тень сорвалась с места.

Огромный черный как полночь волк.

Его шкура поблескивала в бледном утреннем свете. Он направился ко мне, размашистыми прыжками, с гибкой грацией.

Я остановился, сбросил рюкзак и стал ждать. Дыхание стало быстрым, неглубоким. Через сотню ярдов он тоже остановился, поднял голову и попытался унюхать запах, гонимый ветром от меня. Он учуял его, поэтому стал лавировать между деревьями, потом снова замер и посмотрел на меня.

Огромный зверь достаточно близко приблизился ко мне, и я увидел его глаза: ярко-желтые, пронзительные. Он застыл в напряжении, как бы начеку, но не пошевелился и не издал ни звука. Мы стояли и смотрели друг на друга. Было странно, но у меня возникло такое чувство, будто я уже знал его. В другой жизни. В другом месте.

Я видел его таким, каким он был — Хранителем Земли. Он имел вневременное понимание гор, леса, земли и смены времен года. Это были своеобразные знания, который являлись даже редкостью среди некоторых людей.

Люди думали меньше о волках, больше об оленях, в том смысле, чтобы для волков не было охотничьего рая, но без волков, неконтролируемая популяция оленей превратят землю в бесплодную, пышные прерии станут пыльной равниной.

Послышался трест, и черный зверь умчался, исчез бесшумно в тени. С этого момента я понял, что останусь здесь навсегда. У меня имелись сэкономленные деньги, поэтому я купил у старика Крика дом с тридцатью акрами земли, и это, конечно, оказалось лучшее решение, которое я когда-либо принимал. Если бы я не остался, Адам бы умер.

Адам был моим первым.

В том году рано проснулись медведи, ягоды поспели позднее. Медведи были голодными. Если вы оставляли тарелку с фруктами у окна, то могли увидеть, как к вам заявлялся медведь, бл*дь, проходя сквозь стены, словно они были не из бревен, а из картона.

В тот год мне даже пришлось пару раз выстрелить в черного медведя, поскольку они были очень агрессивны.

Адам же был тогда молодняком. Ему от силы было пара лет. Сильно истерзанный медведем, от него отказалась его стая (да, животный мир почти так же жесток, как и наш), он еле-еле дотащил свое изувеченное окровавленное тело, все же каким-то чудом добравшись до моего двора.

Он почти был мертв, когда я занес его в дом. Я положил его на одеяло на полу в кухне, и он посмотрел мне в глаза. Тогда я понял, что желания бороться за свою жизнь у него нет. Он был готов умереть. Его тусклый взгляд не источал ни гнева, ни борьбы, ничего. Единственное — согласие со своей скорой смертью.

Но странное дело, несмотря на его тусклый взгляд, он как будто заглядывал всей своей мудростью в самую глубину моей души. Но какая-то часть меня, говорила, что в мире ничего нет вечного, все постепенно умирает.

Увядает, мать твою, и умирает. Но он был всего лишь щенком. И будь я проклят, если позволю ему умереть. Честно, я не много знал о волках, дороги были размыты, я не мог даже поспешно отвезти его к ветеринару, но я знал, как нужно промывать и перевязывать. Черт, у меня было достаточно опыта в этом. Я приделал трубочку к пластиковому пакету, чтобы теплое молоко капало ему в рот.

У меня не ушло много времени, чтобы он стал мне доверять.

В течение следующих нескольких недель я кормил его, возвращая ему силу, или, мне казалось, возвращая ему здоровье, по крайней мере, близко к этому. Ужасные шрамы покрывали его спину и бока, и одна лапа не двигалась, хотя я был уверен, что она не сломана. Несмотря на это, я наблюдал день ото дня, как к нему возвращается сила, он даже увеличился в размере.

Он начал уходить от дома все дальше и дальше. Я был уверен, что как только придет ветер весны, он исчезнет. Вместо этого, он возвращался и спал на крыльце. Как-то раз он взобрался вверх по лестнице на второй этаж, прыгнул ко мне на кровать и облизал все мое лицо, как кошка, я понял, что он останется.

Я назвал его Адамом, потому что он был первый, но за ним пришли и другие. Один за другим они присоединились к стае, и я дал каждому из них имя. Для меня это важно, я должен был знать их всех. Они — моя семья. По сути, они единственная компания, которая согревала меня все эти дни.

До сегодняшнего дня, когда я поговорил с Ларой Янг.

У нее сладкий голос. Музыкальный. Я даже почти мог представить ее смех. Он тоже должно быть звучал молодо и красиво. Почти по-детски. И еще у нее хватило достаточно нахальства, чтобы ответить мне с сарказмом — *«Я держу в руке белую трость не ради удовольствия»*.

Ха, ха. Я улыбнулся. Мне нравится такие вспыльчивые. Однажды, когда я подыскивал себе женщину... Мои мысли разбрелись, я задумался, как она выглядит, а потом быстро взял себя в руки. Какого черта я думаю? Я не хочу женщину. Я, естественно, не хочу никаких отношений. Я слишком хорошо знаю, на что способны люди. *Ложь. Лукавство. Убийство. Коррупция. Манипуляции. Жадность. Жестокость.*

Список был бесконечным.

Людей, которым бы я смог довериться, можно пересчитать по пальцам одной руки.

Зачем? Почему я оставил объявление о работе? Кто, бл*ть, знает?

Я вспоминал о прошлом, когда мне читала мама.

Я был одинок.

Я хотел видеть женщину, которая не могла видеть меня, а я бы смотрел на нее.

Я хотел побыть с другим человеком, который не видел бы мои шрамы.

Я хотел услышать женский голос в своем пустом доме.

Возможно, я хотел бы узнать, смогу ли я вести себя как нормальный мужчина с женщиной после стольких лет, прожив один в компании волков.

Я думал о старом Андаке, блуждающем по полям где-то вдали, он был одним из моих старых волков, и вероятно, самым мудрым. Он почти был слеп. Он передвигался настолько осторожно, его нос заменял ему глаза и обоняние, которое настолько у него обострилось, что стало гораздо сильнее, чем даже у молодых волков.

Я подумал о Ларе Янг. Какое чувство у нее заменяет повышенную осторожность?

Я знала, что луна этой ночью была полной, потому что воздух всегда становился наполненный чем-то, не знаю чем, но так происходило каждый раз. Часто я даже могла почувствовать странную и драгоценную магия с быстротой молнии, бегущую по моим венам. Она струилась из кончиков пальцев, пока я создавала свои творения. По-женски одержима, я работала в ранние часы утра, создавая произведения, которые потом упаковывала и отправляла в галерею в Нью-Йорке.

Владельцу галереи Саше Смирнову в начале я не сказала, что была слепа. Я хотела, чтобы люди покупали мои скульптуры, потому что они были красивы и давали пищу для размышлений, а не потому, что они были созданы скульптором с патологией.

Я не хотела, чтобы они были снисходительны ко мне.

Я хотела, чтобы меня судили также, как и всех остальных. Поскольку я переживала о своей слепоте, но для творческого человека не существует ограничений в правах или инвалидности по трудоспособности, поэтому не стоило меня жалеть. Скорее это было преимущество, которому можно было только позавидовать. Думаю, Сашу потрясло больше всего мое сочетание цветов.

— Кто-то говорит тебе, какие цвета использовать? — спросил он, беспокойно кружа вокруг скульптуры, пока я над ней работала.

— Нет.

— Ты когда-нибудь видела?

— Я родилась слепой.

— Но тогда, откуда ты знаешь, как выглядят цвета, если ты их никогда не видела? — спросил он, сбитый с толку.

— Я различаю их по запаху и текстуре.

— Все цвета пахнут по-разному? — с удивлением спросил он.

— Абсолютно.

Он стоял позади меня и целый день наблюдал за моей работой, потом улетел в Нью-Йорк ни с чем. Думаю, что для тех, кто видит, несколько трудно постигать жизнь, основанную не на том, что видят твои глаза, а не на том, что подсказывают тебе другие органы чувств.

Он не мог понять, что у меня в голове были довольно-таки яркие образы, не хуже тех, существующих в мире, в котором он жил. Он думал, что я жила в ужасной темноте. Он был потрясен, когда я заявила ему, что моя слепота — дар. Я делаю такие красивые вещи, потому что я слепая, поэтому я благословила свою слепоту. Мое искусство более красивое, потому что я не вижу окружающий мир.

— И ты не хочешь увидеть? — недоверчиво поинтересовался он.

Я прикусила нижнюю губу. Если честно никто никогда не спрашивал меня об этом.

— Я не знаю, — правдиво ответила я ему.

— Как не знаешь? Если бы меня спросили, хочу ли я испытать что-то новое, я бы сказал: «Да», — он, казалось, искренне недоумевал.

Я еще раз поразмыслила над своим ответом.

— А что если бы тебе пришлось отказаться от чего-то очень ценного, чтобы получить

это взамен?

Он так и не понял, о чем я говорю.

— Отчего ты должна отказаться? — спросил он недоверчиво.

Это было невозможно объяснить. Глубина, движение, перспектива, точка обзора, поверхность, контур, край и другие характеристики, которых зрячим людям вполне хватает. Когда я касаюсь куска дерева, он разговаривает со мной. Я не вижу его как кусок дерева.

В моей семье никогда не было слепых, поэтому, когда я была еще маленькой, люди очень часто меня жалели, хотя и не должны были. Поскольку я никогда не видела их взглядов, это не оказывало на меня никакого физического, психологического или социального воздействия. Ребенком я даже не осознавала, что я была без зрения.

Я сбегала вниз по лестнице, купалась, играла в саду, ела, разговаривала, дралась с моим братом. Я постоянно натыкалась на стены и мебель, и всегда на мне была целая коллекция синяков различной стадии. Моя мама говорила, что если я падала и не слишком сильно ушибалась, поднималась и опять бежала за своим следующим приключением, совершенно не подозревая, что беспокоиться было о чем.

Когда я подросла, я узнала, что мир создан для зрячих людей. Моя мать говорила мне, что у меня может занять вдвое больше времени, но я всегда могу сделать все, что захочу.

Когда настало время мне пойти в школу, мама сказала, что я слишком особенная для местной школы у нас, в Дуранго-Фоллс. В этом вопросе она была непреклонна, заявив, чтобы будет меня обучать сама.

Много лет спустя, когда она умерла, я нашла ее дневники, она все их перевела на шрифт Брайля. Вот тогда я и поняла, почему она посадила меня на домашнее обучение, она очень за меня боялась, что другие дети могут сломать мою трость, украсть мой обед, смеяться надо мной... на самом деле, список несчастий, которые она думала могут со мной случиться, был буквально безграничен.

Я плакала над ее дневниками, поняв, как она за меня боялась и насколько мудрой она была, никогда не показывая мне свой страх, чтобы не заразить меня им. Благодаря этому я смело пробовала и многому доверяла. Даже когда у меня не было причин особо доверять, я все равно доверяла и никогда не переставала верить в себя.

Никто не верил, что я могу скакать, но я доверилась своей лошади, и она, словно дала мне крылья за спиной. Она неслась, я пришпоривала ее, с головокружительной быстротой, я же повисла у нее на шеи, как клещ, ветер трепал мои волосы, и я точно знала, что с ней могу полететь на луну, если бы на самом деле попыталась. Но она внезапно затормозила, я взлетела в воздух, но удачно приземлилась, так что все закончилось хорошо.

Когда мы были еще детьми, Элейн обожала кричать «Лужа», пока мы с ней гуляли, и я прыгала, чтобы не наступить в нее.

Иногда она кричала «Лужа», хотя лужи на самом деле не было. Я прыгала, она смеялась надо мной. По идеи я должна была рассердиться на нее за это, но не могла. Мне нравилось слышать ее смех.

Когда вы доверяете, всегда случается что-то хорошее.

Я боролся с простынями всю ночь, как дикая собака, попавшая в капкан, и проснулся перед рассветом. Яркая полная луна опустилась за деревья, и комната наполнилась голубым светом. Я волновался и чувствовал непроходящее беспокойство. Внизу моего живота, словно в темной яме, извивались змеи.

Впервые с момента поселения в доме старика Крика, сюда должен был прибыть другой человек! Я собирался принять посетителя в своем доме, причем женщину. И моя проблема заключалась в том — я не совсем был уверен, смогу ли я нормально с ней общаться, вернее смогу ли я нормально общаться с людьми в целом. Я привык слышать только собственное сердце и вой диких волков, обосновавшихся вокруг меня.

— Ты сам создал себе все эти неприятности, — проворчал я себе под нос.

Я даже уже начал разговаривать сам с собой. Поэтому откинув одеяло, я ощутил, что в доме слишком холодно. Слишком холодно и неудобно для молодой леди. Я выпрыгнул из постели, быстро оделся и спустился вниз.

Внизу было темно и тоже холодно. Также, как и волки, я привык к холоду, но сейчас было бы неплохо разжечь камин. Я не разжигал огонь с прошлой зимы. Я открыл входную дверь и вышел на морозный утренний воздух. Андак спал на крыльце на стуле, но он все же поднял свои старые кости и подошел ко мне, чтобы уткнуться своим носом мне в руку. Я потерял его морду.

— Тебе лучше вести себя хорошо, потому что ко мне должен прийти посетитель, старина, — сказал я ему.

Чепи, молодая волчица, последняя присоединившаяся к стае, тут же оказалась рядом со мной, стоило мне выйти из хижины. Я замер, любуясь, как она резво каталась по снегу. Она хотела, чтобы я почесал ей брюхо. Из всех волков, она была самой дорогой для меня. Иногда она вела себя точь-в-точь как собака, а не как волк.

Я набрал дров и направился в дом, я вычистил камин, поняв, что дымоход не забит, я набросал газету для растопки на решетку, и произвел старый индейский трюк, поддав максимальную тягу.

Я понюхал воздух. Мне показалось, что пахло хорошо, но вполне возможно, что я за столько времени стал невосприимчив к запаху волков и немытого тела человека. Из шкафчика под раковиной я достал тряпки и чистящие средства, ведро и швабру.

Следующий час я вытирал пыль, пылесосил, полируя и чистя все вокруг, как демон. Время пролетело быстро, и сжатие в груди постепенно стало уходить. Я окинул взглядом свою гостиную, она радовала глаз. Стало намного чище, чем раньше, такого даже не было, когда я покупал этот дом. Исчезли остатки шерсти, пол блестел, благодаря какому-то воску с запахом лимона.

Я снова понюхал воздух.

Гораздо лучше.

За пятнадцать минут я тоже самое проделал с прихожей, а потом переместился на кухню. Бледный желтый солнечный свет проникал сквозь деревья, я закончил свою уборку. Потом стал убирать свои вещи.

Туалет?

Что, если она захочет сходить в туалет? Опять достал швабру и тряпки, и все тщательно убрал в туалете. Краны блестели также, как и зеркало, только потом я поймал себя на мысли, что она не сможет этого всего увидеть.

Я вернулся в гостиную, присев перед камином. Я поджег сухое дерево, используя жидкость для розжига, и наблюдал за огнем, который заставлял потрескивать поленья, перемещаясь от их центра к краям.

Огонь пылал весело и беззаботно, я закрыл камин каминной решеткой, с силой укрепив ее. Дом нагреется и в нем станет комфортно через пару часов. Я быстро через две ступеньки сбежал по лестнице вниз, в душ. Вода была ледяная, оставляя иглы холода у меня на коже, что даже пощипывало. Я вышел из душа посвежевший и встал перед зеркалом. Кожа покраснелась, и глядя на себя в зеркало, у меня словно что-то зашкалило в голове, я опять услышал тот взрыв.

А потом белая вспышка.

И жуткая боль.

А потом, как я лежал на больничной койке в Кандагаре. Сорок процентов моего тела обгорело, ожог третьей степени, кожа с правой стороны на лице просто свисала клочьями. Было жутко больно, мать твою, ужасно больно. Ой, бл*дь, адски больно. Я кричал тогда, как свинья, которую режут.

Я коснулся своего лица. Шрамы выделялись, но по крайней мере, они не были столь ужасными, слава Богу, чтобы пугать маленьких детей, но они все равно выделялись на моем лице, поэтому дети могли пялиться на них и указывать пальцем. Плохо было то, что я так и не смог с ними свыкнуться. И хуже всего было то, что я никогда не забуду, как они появились.

Насупившись, я отвернулся от зеркала. Какого хрена со мной происходит? Уже столько лет прошло, как я не вспоминал свое адское прошлое. Я переоделся во все чистое и спустился вниз. Огонь отлично грел в камине, в доме становилось тепло и пахло чистотой. Я вышел на крыльцо. Воздух был морозным. Из рта шел пар. Я нервно сжал и разжал кулаки. Странно, что я так отреагировал на женщину, которая должна была ко мне прийти. Даже когда я был еще ребенком, мне было насрать, что обо мне думают другие, но видно, не в данный момент...

Чепи подняла голову с пола, обратив свой взор к дороге и наострила уши. Волк обладает самым потрясающим слухом, никто не может с ним тягаться в этом. Один старый индеец, мой друг, как-то мне сказал, что волки могут слышать за несколько десятки миль, и их слух намного сильнее, чем у большинства собак. Я полностью согласен с ним, поскольку несколько раз видел сам, как они за пятнадцать минут до того, как появится машина на проселочной дороге, уже наострили уши, как бы предупреждая меня об этом.

Другими словами, мои волки самая лучшая система безопасности, которая вообще может существовать в мире.

Конечно, спустя несколько минут я увидел потрепанную синюю Тойоту медленно тащившуюся по дороге. Трое волков, лежавшие у забора, поднялись на ноги и побрели за дом, к холму. Они всегда уходили подальше, когда кто-то ехал по этой дороге. Обычно люди как правило сбивались с пути.

Машина остановилась на полпути.

Несмотря на то, что внешне я был невозмутим, сердце стучало слишком быстро, а мозг просто ушел в овердрайв — она передумала. Она не зайдет в мой дом. До этого момента я

даже не осознавал, насколько жду ее появления. Разочарование наполнило каждую клеточку моего тела.

Сокрушенно, я прислонился к столбу крыльца.

До его дома мы ехали почти полчаса.

— Ну, сукин сын, — вдруг воскликнула Элейн и остановила машину. Мы только что съехали с гладкой асфальтированной трассы, повернув на проселочную дорогу всю в рытвинах.

— Что? Что случилось? — забеспокоившись, поинтересовалась я.

— Показался его дом.

— И?

Она повернулась ко мне.

— Думаю, что это была очень плохая идея, Лара.

— Почему?

— Похоже, это чертов дом проклят.

Ничего не говоря, я опустила боковое стекло и вдохнула воздух. Он был наполнен сосновым ароматом, морозным снегом и еще чем-то. Чем-то, что очень влекло меня вперед.

— Опиши мне дом, — попросила я.

— Послушай, Лара. Я знаю, что именно я уговорила тебя взяться за эту работу, но, честно говоря, я не думаю, что тебе следует заходить к нему в дом. Он меня пугает.

— Пожалуйста, Элейн. Просто опиши мне дом.

— Хорошо. Дом выглядит очень старым, видно построен на рубеже двух столетий. Он стоит между деревьями, за ним начинается настоящий густой лес.

— И у дома имеется широкое крыльцо?

— Как черт побери ты это делаешь?

Я улыбнулась.

— Я говорила же тебе раньше, что эти картинки как будто сами появляются у меня в голове. Ученые говорят, что я получаю информацию из той же части мозга, как и ты, когда видишь что-то своими глазами.

— Я не знаю, что ты видишь своим мозгом, но я явно смотрю на дом с привидениями.

— Это не проклятое место, просто очень одинокое. Я хочу устроиться на эту работу.

— Думаю, ты совершаешь большую ошибку, — предупредила она.

— Не думаю, — твердо ответила я и подняла назад стекло.

Элейн завела машину.

— Просто чтобы ты знала, я не пойду. Я подожду тебя снаружи.

Машину тряхнуло на очередной колдобине на дороге.

— Замечательно.

— Если что-то произойдет громко кричи, насколько хватит сил, я быстро помчусь в город за помощью, хорошо?

Я засмеялась.

— Спасибо, Элейн. Приятно слышать, что ты готова меня спасти.

— И не стоит говорить со мной таким тоном, девочка. Ты явно двигаешься против здравого смысла.

— Он ждет на крыльце?

Какое-то время в машине было тихо, пока она смотрела вперед и рулила.

— О, Боже! Да. Он. Ты тоже его увидела у себя в голове?

— Неее. Это было всего лишь предположение.

Старый автомобиль приближался, безумно трясясь на колдобинах дороги. Я весь подтянулся и тело напряглось. Это были не нервы — инстинкт самосохранения зашкаливал. Военная подготовка никогда не умирает, и любая новая ситуация всегда заставляла меня вставать в оборону.

Уверен, что терапевты много бы рассказали мне об этом инстинкте, но мой слепой чтец подъезжал, и тело приготовилось встретить его. Машину опасно занесло перед тем, как она остановилась.

Женщина в темных очках вышла и повернулась в сторону дома, и... все умиротворение утреннего воздуха разлетелось полностью. Кровь ударила мне в голову, все тревожные кнопки замигали, потому что я в шоке пялился на нее.

Я знал, что она была молода, это я понял по ее голосу, но я не рассчитывал, что она была потрясающе красивой. Гребанный ад. Она выглядела так, словно сошла со страниц модного журнала. Я не мог совершить вдох. Я однозначно ожидал не такого. Не ее такую. Эта девушка была особенной. Слишком особенной для меня... но мать твою, если я не хотел ее так, как я что-либо хотел больше всего в своей жизни. Я хотел сделать ее своей и никогда не отпускать.

Я схватился за перила и наблюдал, как она перед собой выставила трость, и целеустремленно, уверенно зашагала ко мне. Ее длинные медовые кудри подскакивали при каждом шаге. На ней была вязаная шапочка и синее пальто, но оно было расстегнуто, и парень, у нее была такая фигура! Ее лицо, напоминающее кошачье, было сконцентрированным, на носу красовались милые веснушки, но я понял, что стоит ей улыбнуться — это была убийственная улыбка.

Краем глаза я заметил движение сбоку. Один из молодых волков Томас. Я нашел его в лесу полтора года назад, он угодил в ловушку, где бился и выл в агонии. Его бедная нога была сломана. Я вытащил его и принес сюда, выхаживать. Его не нужно было уговаривать присоединиться к моей стае. В данный момент он следовал за девушкой по дорожке, каждый раз останавливаясь, как только она притормаживала, потом подходил немного ближе.

Черт, я понимал, что он вытворял.

Я тоже хотел бы подойти к ней поближе!

Удивительно, но она поняла, что за ней следует волк. Она остановилась и слегка повернула голову в сторону. Практически она не повернулась, но было ясно, что она отчетливо слышит или чувствует позади себя волка. Я жил среди волков не один год и поверьте мне, когда они хотят, чтобы их не слышали, вы не услышите их, никогда. Но несмотря настолько Томас бесшумно следовал за ней, она все равно смогла услышать его.

Да. Интересно.

И когда она подошла к нижней ступеньки лестницы, честно говоря, я не знал, что нужно сделать. Может спуститься и помочь ей? Или так и стоять на крыльце? А может нужно что-то сказать?

— Я слышу, как ты дышишь, — произнесла она, улыбаясь.

И будь я проклят, если эта улыбка не осветила все ее лицо, словно лампочка зажглась и высветила все ее красоту, она оказалась еще более красивой, чем я увидел ее

первоначально... если такое вообще возможно.

Мой желудок ухнул вниз.

— Привет, — тупо произнес я. Это единственное слово, которое пришло мне на ум. Голос звучал хрипло и как-то странно даже для меня самого.

— Привет, мистер Карсон. Я Лара, — она протянула руку, и ее улыбка стала шире.

Я быстро шагнул вперед и неуклюже стуча по ступенькам спустился к ней, я напоминал себе йети. У нее не было перчаток, хотя было холодно. Я взял ее руку в свою. Она была маленькой и изящной. Наверное, я никогда в жизни не пожимал столь прекрасную руку. На ощупь она была столь же прекрасной — теплой, мои внутренности превратились в полную кашу.

Мне хотелось вечно держать ее за руку. Какого черта! Я резко отдернул свою руку.

Ее улыбка дрогнула, но внутри меня какая-то часть была счастлива, но я не хотел зря терять время и давать повод ей понять, что готов был удерживаться ее мягкую руку вечно, но другая часть меня чувствовала себя плохо, потому что гостя может засомневаться во мне. Я взглянул на женщину, все еще сидящую в машине. Она вытянула шею вперед и пялилась в лобовое стекло, выпучив глаза.

— А ваша подруга останется ждать в машине?

Она усмехнулась.

— Она придет, когда замерзнет... или когда не сможет сдержать любопытства.

Я кивнул и поймал себя на мысли, что она не видит, как я кивнул.

— Хорошо. Здесь четыре ступеньки.

Она даже не попыталась подняться по ступенькам. Она ждала меня, чтобы я спустился за ней? Или я должен взять ее за руку и повести? Я не знал, что делать и потер щеку. Как, черт возьми, стоит поступать со слепой женщиной? Я адски уверен, что не хочу ее как-то задеть или оскорбить.

— Идите впереди меня, а я последую за вами. Я очень хорошо следую на звук туда, куда мне нужно, — сказала она, нарушая неловкое молчание.

Вот, все и уладили, наконец-то. Я поднялся по лестнице и подошел к входной двери. Оглянувшись, увидел, что она шла за мной, я открыл дверь и вошел, удерживая, чтобы она смогла войти. Она уверенно двигалась вперед, почти не замешкавшись на пороге. Я наблюдал за ее движениями, стоя в коридоре, прислушиваясь... и как волки приноживаясь.

— Ох, в гостиной горит огонь. Где вы предпочитаете обосноваться? Там или мы можем сесть за столом на кухне, — предложил я.

— У огня звучит прекрасно, — тихо ответила она.

— Не хотите ли снять пальто? — спросил я, поближе подойдя к ней. Она пахла фруктами. Какой-то ягодой. И этот запах шел от ее блеска для губ. О, мой Бог, парень, я просто сходил с ума.

— Спасибо, но думаю, я пока побуду в нем, — ответила она.

— Сюда, — произнес я, проскальзывая мимо нее в узком коридоре в дюйме от ее груди, чуть не задев своим торсом. Мой член дернулся и затвердел. Господи! У меня слишком долго не было секса.

Я пошел в гостиную. Здесь было слишком тепло, даже жарко, хотя может это только мне было жарко. Я подергал за ворот своего свитера. Струйка пота побежала вниз у меня по спине. Я умирал от жары, желая поскорее снять свитер. Я подошел к стулу, который стоял между нею и моим самым удобным креслом у камина, и изо всех сил надавив на спинку,

проскрежетал его ножками по полу. Я встал рядом со своим креслом и сказал: «Сюда».

Я наблюдал, как она шла ко мне, очертив своей тростью небольшой полукруг. Как только трость наткнулась на ковер, она замерла, подвигала палкой, потом видно поняв, что это такое, ступила на ковер. Она подошла к креслу, оцупала его сидение, прежде чем сесть с царственной осанкой.

— Спасибо, — сказала она и снова улыбнулась.

Мой желудок еще раз совершил медленный кульбит. И в этот момент я вдруг подумал, возможно, все это было большой ошибкой. До сих пор моя жизнь шла без осложнений. Моя и моих волков.

Никто никогда не проникал за мои стены, не пытался заняться психоанализом меня или всматриваться в темные глубины моего «плавильного котла», где было намешено отвращение к самому себе, ненависть, боль, чувство вины и стыда.

Теперь вдруг стены, которые мне казались, были непробиваемы для людей, оказались сделаны были изо льда, и у кое-кого в руках явно был ледоруб.

Как только я вышла из машины, не могу объяснить, что я хотела найти в этом доме, но меня тянуло к нему, звало что-то притягательное и загадочное. Поэтому я сделала то, что делаю всегда.

Прыгнула обеими ногами.

Только я направилась к дому, почувствовала запах животного, следующего за мной, я догадалась, что это не собака, а должно быть один из волков, которые жили с ним. Он не собирался мне причинять вреда, для меня это было очевидно. Я продолжила свой путь. Землю подморозило и образовалась корка льда, поэтому я сосредоточилась, чтобы не подскользнуться и не свалиться на задницу. Видно, его волки были на крыльце и ушли несколько минут назад, потому что в воздухе сильно чувствовался их запах. Он спустился по ступенькам, походка у него была крадущегося зверя, сдержанная. Я учуяла запах кожи от его обуви, сильный жар, исходящий от его чисто вымытого тела, и запах его собственной кожи.

Господи Боже, он был больше животным, чем человеком!

Кит Карсон был определенно... интригующим.

Я поняла, что он на фут выше меня. И он был широк в плечах. Очень широкий. И сильный. От него исходили мощные флюиды. Этот человек знал, как пользоваться топором. Он взял мою руку в свою, у него была огромная рука, чуть ли не с мою голову. И от него струилась сила. Одним взмахом...

Он проводил меня в свою гостиную. Она была небольшой и было жарко, как в бане, пахло воском для пола и деревом. Он позвал меня, приглашая сесть в лучшее кресло в комнате, но в нем была сломана пружина. И ее конец неприятно врезался мне в ягодицы, я немного сместилась. Я не думала, что он заметит, но, должно быть, из-за того, что я заерзала, он перешел в противоположный конец комнаты. Я слышала скрип от его веса, когда он обосновался в кресле. Потом услышала шорох одежды, видимо он наклонился вперед.

Ну... это интересно.

Я начала стаскивать с себя пальто, и услышала его резкий вдох.

— Все в порядке? — спросила я, хмурясь, мои органы чувств обострились. Внезапно, в комнате воцарилась полная тишина, только огонь потрескивал в камине. Я вдохнула и запах горячей древесины наполнил нос. Тишина.

— Да, — резко ответил он. — Прекрасно.

Резкость его голоса могла напугать других женщин, но не меня. Я безоговорочно доверяла ему. Поэтому я расслабилась и напряжение сошло. Я понимала, что мне нечего бояться. Сегодня я надела черные брюки, поэтому уверенно положила ногу на ногу.

— Вы так сильно разожгли камин. Не многие знают, как это делать, — непринужденно произнесла я.

Он хмыкнул.

Совершенно не переживая из-за его молчания, я вежливо продолжила разговор.

— Так вы хотите, чтобы я читала вам?

— Да, — хрипло ответил он.

— Почему вы хотите слепого чтеца, вернее чтицу?

— Мне не нравится, когда люди на меня смотрят, — пробормотал он очень тихо и низко, что я практически его с трудом расслышала. Он беспокойно постучал ногой по полу. И я поняла, что на нем одеты ботинки повышенной прочности. Я представляла их ужасно потертыми и ободранными.

Он хотел выглядеть жестким, сильным, грубым и раздраженным, но под всем этим бахвальством скрывалось очень много беспокойства. Этот человек по какой-то причине решил спрятаться от мира, но теперь, когда мир пришел к его порогу в виде женщины, которую он сам же и нанял на работу, подав объявление, у меня появилось такое чувство, что он сейчас пришел в ужас, поразившись, что же это такое он наделал.

— Понятно, — тихо сказала я.

— У меня уже есть книга, которую вы можете мне начать читать, — он замолчал, нервно ерзая, потом вдруг спохватился и более ласково, как мне показалось, добавил:

— Если вы согласитесь на эту работу, конечно.

Я подумала о нем, как о медведе. Большом гризли. Опасном, но почему-то я знала, что с ним я в полной безопасности.

— Прежде чем начать читать, думаю, мы должны обсудить условия, не так ли? — осторожно поинтересовалась я.

— Условия? — повторил он. Он даже вздрогнул.

— Конечно. Например, как часто вы хотите, чтобы я читала вам? У меня есть собственный бизнес, — я поправила свое пальто на коленях. — Я скульптор, но мой график довольно гибкий.

— Э-э... два раза в неделю?

— Хорошо, — я подождала, но он молчал. — И сколько по времени? Сколько по времени будет длиться каждый сеанс?

Я услышала, как он почесал то ли лицо, то ли голову.

— О! Ммм. Может быть, по часу?

Я кивнула.

— Сколько вы готовы платить?

— О, — Похоже, этим моим вопросом он был искренне ошарашен. — А сколько бы вы хотели?

Я нахально ухмыльнулась.

— Я могу назвать свою цену?

— В пределах разумного, — медленно произнес он. И я удивилась, что больше ничего не услышала, кроме его дыхания. Он привыкал ко мне и теперь спокойно обдумывал мои слова. Я была впечатлена, как быстро он адаптировался. Это говорило о том, кем он являлся, на самом деле, под всей этой грубой и раздраженной завесой.

Я наморщила лоб. Я никогда не могла предположить, что когда-нибудь смогу сама назвать свою стоимость. У него явно было не много денег, он жил здесь сам по себе, и мне не хотелось оставить его без гроша в кармане. Скульптуры, которые я продавала, покрывали мои расходы, так что, на самом деле, эта работа была мне не нужна.

— 25.00\$ в час платить мне, будет нормально? — спросила я.

Поскольку я была скульптором, работая долгими часами, без единого звука, только шорох от движения моих рук по материалу, я знала ценность тишины, но он так долго молчал, что я уже подумывала опустить свой запрос до 20.00\$. Хотя это даже не окупало бы мной затраченное время, но по какой-то странной причине, я почему-то чувствовала, что

мне необходимо получить эту работу.

Как только я собралась открыть рот и опустить цену, он заговорил:

— Я буду платить вам 50.00\$ в час.

Мои брови поднялись от удивления.

— Я вполне останусь довольна 25.00\$.

— 50.00\$ — справедливая оплата, — подчеркнул он.

— Хорошо, спасибо. Тогда есть еще один вопрос. Сегодня сюда меня привезла моя подруга, но не уверена, что она на постоянной основе будет возить меня сюда два раза в неделю, все же тридцать минут в каждый конец...

— Я буду подхватывать вас, — тут же произнес он. Я поняла, что он смотрит на меня. Я почувствовала его пристальный взгляд, как он ощупывает мое лицо и тело.

— Спасибо, — сказала я.

— Откуда мне забирать вас? — спросил он.

— Как насчет, чтобы встречаться в «Молочной Королеве» или в библиотеке?

— Библиотеке, — моментально ответил он. Мне следовало бы учесть, что в «Молочной Королеве» показываться он не хотел.

— В какие дни нужно будет читать? — поинтересовалась я.

— У меня нет особых предпочтений.

— По вторникам и пятницам?

— Согласен.

Я кивнула.

— В два часа дня?

— Хорошо.

— Ах, да, чуть не забыла.

— Что? — Его голос вдруг стал настороженным. Этот человек так легко доверять не будет.

— У вас в доме есть чай?

— Чай? — недоверчиво повторил он, словно это был яд.

Я проглотила улыбку.

— Да. Чай. Знаете, чай в пакетиках.

— Я знаю, что такое чай, — возмущенно ответил он. — Нет, у меня нет чая.

Моя улыбка все равно прорвалась. Он производил на меня впечатление мужчины, который предпочитал кофе, причем черный, как ночь, и настолько горячий, что можно было обжечься.

— Я люблю чай, — непринужденно добавила я.

— У меня в доме нет чая, — повторил он.

— Пока нет, — сказала я, наслаждаясь этим маленьким экспериментом, поскольку этот мужчина в общении напоминал медведя, очевидно же несколько лет, не общаясь с людьми. — Но я надеюсь, что вы измените свое отношение к чаю, потому что я бы с радостью выпивала чашку чая каждый раз, когда приходила бы к вам читать. Можно рассмотреть чашку чая, как оплату, например, 49.00\$ плюс чашка чая.

Он молчал. Я даже не слышала, как он дышит. Я ждала — все, кто предпочитают перебрасываться фразами, должны понимать ценность молчания.

— Ты не собираешься облегчать мне жизнь, несмотря на то, что ты слепая, да? — выдохнул он.

Я дала ему свою самую широкую улыбку.

— Дорогой, ты даже себе не представляешь.

— Я куплю тебе чай, — сказал он, и в его голосе послышались насмешливые нотки. — Хотя, возможно, потребуется что-нибудь покрепче, чтобы успокоить твои нервы, когда ты будешь читать книгу, которую я приготовил для тебя.

У меня сжался желудок. Он флиртовал со мной! Разве заигрывают со слепой девушкой? Я никогда в жизни не с кем не флиртовала. Я даже не знаю, как это делается. Но с ним я ощущала себя смелой и дерзкой. Мне хотелось дотронуться до его лица.

— Почему? — со смехом поинтересовалась я. — Для слепой ты приготовил непристойное чтение?

— А ты бы возражала, если это было так?

— Нет. Я никогда не читала вслух, для меня это будет что-то новое.

Огонь потрескивал в камине. Он молчал, видно, не зная, что ответить, мне даже показалось, что я лишила его дара речи.

Когда-нибудь, пообещала я сама себе, я пойму и разгадаю его, распутав шерстяной клубок, как делает котенок, который играет с ним. Но сейчас я слышала только стук своего сердца в груди.

— Какой чай? — тихо спросил он.

В этот момент послышался грохот изнутри дома. Кит сразу же встал, уверенно шагая прямо на звук. Он прошел в глубь дома, где, я предполагала была кухня, и открыл входную дверь. Раздался еще один грохот, намного громче, а потом послышался пронзительный писк.

— Прекрати, — выругался он, его голос звучал низко, почти как рык.

Да, он определенно был больше похож на зверя, чем на человека. Наступила тишина, а потом послышался почти обиженный скулеж, и звук удаляющегося бега.

Кит вернулся в комнату и сел. Я ждала объяснений, как любой нормальный человек, который если отлучался куда-то, то старался как-то сгладить возникшую ситуацию, но он молчал.

— Улун, — произнесла я.

— Что? — рявкнул он.

— Чай улун. Я предпочитаю его.

— Ладно.

Я скользнула пальцами по часам. Удивительно. Я уже находилась в его доме в течение двадцати минут. По-моему, для одного дня было достаточно. Я положила руки на подлокотники и поднялась. Я услышала его шаги. Он передвигался быстро и тихо, так двигается человек, который обучен искусству боя.

— Спасибо, что согласился встретиться со мной.

— Ты... ты не будешь сегодня читать?

Я улыбнулась.

— Кажется сегодня вы чем-то расстроены и рассержены. Если вы все еще хотите, чтобы я вам читала, заберите меня в пятницу из библиотеки.

Инстинктивно я почувствовала его замешательство.

— Я тебя расстроил? Ко мне не так много приходит людей, поэтому я мог вести себя немного грубовато, но я не обижу тебя, — пояснил он.

— Вы не расстроили меня, мистер Карсон. Я с нетерпением буду ждать пятницу.

Я сделала шаг в сторону двери, он оказался перед ней раньше меня, чтобы открыть ее передо мной. Какой сюрприз — оказывается он был джентльменом, несмотря на все свое бахвальство и блеф. Я остановилась на пороге.

— Вы разрешите мне посмотреть вас когда-нибудь, да?

— Что?

— Руками, — эта мысль опьяняла меня. Дотронуться до него, было настолько сильным желанием, что даже крошечные волоски у меня на руках встали дыбом.

— У меня имеются шрамы, — пробормотал он.

— Я знаю, — прошептала я. — Шрамы для меня не безобразны, они всего лишь очертания.

— Эээ.

— Так вы позволите мне вас посмотреть?

— Да, — его голос звучал хрипло.

— До пятницы, — торжественно произнесла я.

— До завтра, — ответил он.

Я развернулась и стала спускаться вниз по ступенькам крыльца. Осторожно двигаясь по дороге, с палкой впереди, я дошла до машины без происшествий, открыла пассажирскую дверь и проскользнула внутрь. Прежде чем я закрыла дверь, Элейн набросились на меня.

— Что там случилось? Почему ты так долго?

— Не забрасывай меня вопросами, Элейн. Я всего лишь была там двадцать минут, — сказала я, потянув за ремень безопасности.

Она пару секунд молчала.

— А кажется, что час. Я как раз собиралась выломать его дверь и ринуться спасти тебя.

Я засмеялась, представив, как Элейн будет выламывать дверь в доме Кита, чтобы меня спасти. Я любила ее до смерти, но Элейн была самой большой трусихой на свете.

— Ну? — подстегнула она.

— На самом деле, все было довольно увлекательно, — сказала я с улыбкой.

— Рассказывай с самого начала и ничего не упускай, — настояла она, вырвав меня на проселочную дорогу. Она заставила меня рассказать ей все в деталях, пока везла обратно в городскую жизнь, не такую трудную и прекрасную, какая была в домике у Кита Карсона.

Сердце колотилось так, как будто готово было, к чертовой матери, взорваться, член был жестким и мучительно давил на молнию джинсов. Такое чувство, словно вся кровь прилила к моему чертовому члену!

Я умирал от желания.

Никогда ни одна женщина, да еще одетая в пальто, не оказывала на меня такое разрушительное воздействие. В мозгу носились всевозможные мысли. Не просто мысли, а всевозможные грязные фантазии, словно я был каким-то озабоченным подростком.

*Я, бл*ть, поднимаю ее юбку.*

Она стонет.

На ней нет нижнего белья.

*Я, бл*ть, широко расставляю ее ноги.*

Да, да, она стонет, как только мой член погружается в ее мокрую киску снова и снова.

— Сильнее, Кит. Жестче, — умоляет она.

О, мать твою. Какого черта? Я не могу целый день ходить с таким проклятым стояком. Я рванул наверх в спальню. Сел на кровать, спустил джинсы на колени и освободил наконец-то член. Он выскочил, как черт из табакерки. Я лег на спину, закрыл глаза и представил голую Лару. Совершенно голое ее прекрасное тело. Она раздвинула ноги и показала мне свою маленькую киску с завитками волос на лобке. Такую красивую, что мне захотелось ее съесть.

— Позволь мне отсосать у тебя, — говорит она, открыв свой ротик.

Я сплюнул на ладонь и крепко сжал свой член, начиная поглаживать его.

Я представлял, как мой член входит в ее горячий, влажный рот. Она берет его с жадностью и стонет.

*— Возьми меня глубже, — приказываю я ей. У нее вырывается какой-то утробный стон, пока она берет меня глубже до самого горла. Я двигаюсь, трахая ее рот. Господи, это так ох*ительно. Я почти забыл, что такое теплый, мягкий женский рот, и что он может творить со мной, когда я погружаюсь в него полностью своим членом, нуждающемся в удовлетворении.*

Я стал двигать быстрее рукой по всей длине. На набухшей головке выступили первые капли презекулянта.

Я наклоняюсь вперед, так чтобы лизнуть ее восхитительно розовые соски.

— Ты собираешься трахнуть мою киску? — спрашивает она.

— О, да, милая, конечно.

Я выхожу из нее и укладываю ее лицом вниз на кровать. Ее задница поднята в воздух, киска предстает моему обозрению — вся мокрая, как бы умоляя меня. Я втыкаю свой оголенный член в это розовое блаженство.

*— О! бл*дь, Лара, — простонал я, замерев на мгновение и выгнувшись дугой всем телом.*

На меня накатывал оргазм, как вода, прорвавшая плотину. Ничто не могло остановить

мое освобождение. Ничто. Я взорвался, выстрелив горячей струей, как фонтан в воздух, покрывая руки своей липкой спермой. Столько времени прошло с тех, когда я так хотел кончить.

Сердце умопомрачительно колотилось в груди, член был все еще напряжен. Лежа на кровати я понял одну вещь — эта женщина моя погибель.

Моя любимая книга открытой лежала передо мной, пальцы двигались по выпуклым точкам, но я не понимала ни слова. В пятый раз я проверила часы на запястье. Оставалось еще пять минут до назначенного времени, когда он должен за мной приехать.

Я сидела близко к большим окнам с западной стороны, чтобы лучше слышать звуки с парковки. Я вздохнула и продолжила водить пальцами по точкам.

Спустя две минуты я услышала двигатель старого пикапа, машина остановилась. Мое сердце начало усиленно стучать. Я сложила руки на коленях и прислушалась.

Старые автомобили отличаются своеобразным звуком, в них нет компьютерного управления, и они не напичканы все возможными гаджетами. Старые автомобили, за которыми бережно ухаживают и поддерживают их в рабочем состоянии, имеют свое особенное звучание — что-то среднее между рыком и мурлыканьем. Есть солидность в этих машинах, они точно соответствуют словам, которые принято сейчас говорить: «Теперь уже никто так не делает, как раньше».

Грузовик Кита издавал именно такой звук.

Он был явно очень старым, но о нем заботились. Этот факт меня не удивил. Старый грузовичок с ухоженным двигателем, идеально подходил для него, по крайней мере, все, что я о нем знала, это было именно так.

Что меня удивило так это то, что он сам был несколько другим, по сравнению с нашей первой встречей.

— Привет, Лара, — официально сказал он, остановившись от меня в нескольких метрах.

— Хауди дудди [\[1\]](#) и вам, мистер Карсон, — ответила я с ухмылкой.

— Пойдем? — мне кажется, я его немного смутила, но его голос звучал мягко и дружелюбно.

— Да, — сказала я, с хлопком закрывая книгу, и вставая. — Я всегда рада перестать притворяться, что читаю.

Он хихикнул, звук шел из глубины груди.

Воздух вокруг меня задвигался, видно он развернулся.

— Ты всегда говоришь все, что приходит тебе в голову? — спросил он, когда мы пошли к входной двери.

Наши шаги отдавались эхом в пустом пространстве.

— В основном, да. А почему вы спрашиваете?

— Большинство людей не все говорят, что они думают, это может смутить других и тебя.

— О, я тоже не всегда. Вы даже не представляете, что я думала, когда впервые с вами встретилась.

— Видишь, именно это я и имел ввиду?

— Нет, так не считается, — прервала я. — Если бы я сказала вам, что я думала, тогда это было бы правдой.

Он снова засмеялся, придерживая передо мной дверь.

— Добрый день, Ханна, — крикнула я, как только вышли на улицу.

— Хорошего вечера, Лара, — зазвенел ее голос, когда за нами закрывалась дверь.

Я последовала за ним к пикапу. Я уже знала, где стояла его машина, но подумала, что лучше позволить ему привести меня к ней самому. Не стоит ему показывать, что я буквально прилипла к окну, шпионя за ним, ожидая, когда он придет. Он открыл дверцу, я ощупала высоту сиденья, и проворно запрыгнула, как коза. Хорошо, моя мама называла меня упрямой, шустрой козой.

В пикапе было тепло. Сиденья широкие и удобные, покрыты мягкой, как масло, кожей. Я пробежалась ладонью по ним, он сел рядом и закрыл дверь. С его появлением атмосфера в машине изменилась. Я почувствовала напряжение, как от электричества. И задалась вопросом, почувствовал ли он тоже самое.

— Мне нравятся старые автомобили, — сказала я, чтобы унять тысячи бабочек, порхающих у меня в животе.

Он помолчал.

— Откуда ты знаешь, что это старая машина?

— По звуку двигателя, — улыбнулась я, повернув к нему голову. — Только не говорите мне, что вы не слышите все это великолепное мурлыканье под капотом.

— Да, мэм, — произнес он с гордостью. — Я потратил много времени и сил на эту старую подружку.

— Хорошо, сэр. Это видно, — не знаю, что такое в нем было, но мне захотелось притвориться, что я замерзла, чтобы прижаться к нему. Даже перебросившись парой фраз у автомобиля, у возникла реакция опасного бурления в нижней половине моего тела. Это было странно и волнительно... и страшно.

Он выехал с парковки библиотеки на улицу, сказав:

— Я купил тебе чай.

— Спасибо! С нетерпением жду, чтобы выпить чашечку.

Он явно относился к тем людям, которые не многословны, погрузившись в глубокое молчание. Хотя я и пыталась завязать разговор время от времени, он возвращался к своей жесткой и грубоватой манере, отвечая мне или каким-то мычанием, или же неразборчивым бормотанием. Это будет интересный психологический эксперимент. Я не так уж была недовольна его молчанием. Я сидела неподвижно на сидение, прислушиваясь к звуку двигателя и окрестностям, пролетающим за окном.

Поездка до его дома оказалась не долгой, с Элейн мы добирались дольше; может из-за того, что тогда я так не нервничала. Как только машина стала подпрыгивать на колдобинах, я поняла, что мы съехали на проселочную дорогу.

Он не проронил ни слова, пока мы не свернули к его дому и не остановились. Он просто сказал:

— Сиди здесь, — и вышел из машины, обходя ее спереди, направляясь к моей дверце.

Когда он подошел, я уже вышла.

— Я сказал тебе сидеть, — в его голосе послышались высокие нотки.

— Если вы хотите, чтобы в следующий раз я подождала, вежливо попросите меня об этом, — ответила я. — И передо мной стоит открывать дверь, лишь в том случае, что вы — джентльмен, а не потому что я слепая.

Последовала минута молчания. Он был явно озадачен, поэтому отвечая подбирал и взвешивал каждое слово:

— Не сомневаюсь, что ты вполне способна самостоятельно выбраться из машины. Я

собирался открыть для тебя дверцу не потому что ты слепая, а потому что земля сейчас скользкая, как теплое говно совы, сегодня с утра я чуть не навернулся дважды на свою задницу.

— Теплое говно совы? — зашлась я смехом, что даже согнулась в пополам.

Он взял меня за руку, я все продолжала заливаться и повел к крыльцу. Вдруг я даже не поняла, как это произошло, но мои ноги очутились в воздухе, я тут же перестала смеяться.

— Видишь? — спросил он.

Мы молча вошли в дом. Это было слишком коварно сделать что-то подобное, но я постаралась удержаться в вертикальном положении.

Попад в дом, Кит, казалось, полностью очутился в своей стихии. Но при этом чувствовал себя неловко и странно скованно.

— Я не топил камин. Разжечь для тебя?

Я отрицательно покачала головой.

— Не беспокойся обо мне.

— На кухне печь, которую нужно топить дровами. Там теплее. Хочешь мы сядем там?

— Ладно, — с легкостью согласилась я.

— Тогда следуй за мной.

— Здесь красиво и тепло, — произнесла я, как только вошла к нему на кухню. Пахло беконом и фасолью.

Он пробурчал что-то и вытащил стул. Я подошла и села на него. Он засуетился на кухне. Я услышала, как полилась вода из крана слева от меня. Потом он сделал три шага, моих целых четыре, и я услышала, как он затопил печку и включил чайник. Повернулся ко мне лицом.

— Вода для чая уже греется.

— Спасибо, — улыбнулась я ему.

Его голос снова был неприветливым, типа «Оставь свою вежливость!» Это было прекрасно. Мы же здесь находились не для того, чтобы обмениваться нашими самыми потаенными темными тайнами. Я находилась здесь, чтобы читать ему, а он будет спокойно слушать.

Я ждала, когда он вернулся к печке, услышала звук перебираемых кастрюль или сковородок, потом он выругался, потом он поставил передо мной что-то металлическое, еще что-то положил рядом, а потом подошел и поставил передо мной чашку или кружку, от которой подымался пар.

— Спасибо, — произнесла я, потянувшись к ней.

Это оказалась чашка с блюдцем. Я не удивилась. В этом мужчине не было ничего вежливого или ложной утонченности. Он не играл в игры других. Он четко устанавливал свои правила. Металлический предмет — это была чайная ложка, а также сахарница, которая стояла рядом с ней. У нее на крышке были сколы.

— Молоко, — сказал он, и поставил его рядом с моей чашкой.

По глухому стуку о стол, я догадалась, что молоко было в пакете. Мои пальцы двинулись к нему. Он уже открыл сверху крышку. Я налила в чай, положила две ложки сахара.

Помешала и сделала глоток.

— Аааа... прекрасно, — я вздохнула, и повернула к нему голову, спросив:

— Может нам стоит начать?

Кит положил передо мной книгу, я провела пальцами по обложке, с нетерпением желая прочесть название.

— Деньги, — произнесла я. — Мартин Эмис, — я посмаковала имя на языке, как бы пробуя его на вкус. — Мартин Эмис. Я никогда не читала этого автора раньше.

Стул напротив меня заскрипел, когда он опустился на него. Он вот так будет сидеть

напротив и смотреть, как я читаю? Или он прикроет глаза и потеряется в повествовании? Мне потребовалось некоторое время, чтобы вернуть свои мысли к книге, пока я проводила пальцами по обложке. Я почувствовала трепет, который всегда испытывала при новой книге, счастливый танец у себя в сердце. Книги всегда несли что-то увлекательное и интересное.

— Ты что-нибудь знаешь о нем?

Он озадаченно спросил:

— Для чего?

— Обычно, чем больше знаешь об авторе, тем больше смысла раскрывает книга, по крайней мере, для меня. Как будто автор подписывает каждую страницу, которая придает весь тон повествованию, уникальному для данного автора. Неважно, кто он и что из себя представляет, автор оставляет след в своем творении после себя.

— Хм... ну, он британец и известен своим ироничным талантом. Черный юмор. Для меня он слишком жестокий, — его голос звучал странно, почти бросая мне вызов, рискну ли я задавать дополнительные вопросы.

— Жестокий? Он? — переспросила я, благодаря его замечанию я больше узнала о Ките, чем об авторе.

Я открыла книгу и прочитала обложку.

— Деньги... предсмертная записка самоубийцы, — я наклонила голову. Как любопытно.

Он хмыкнул себе под нос.

Я отхлебнула чай и обратилась к первым страницам. Пропустила титульные листы и подошла к самому интересному. Мои пальцы нашли первые слова:

«Это предсмертная записка самоубийцы. Когда вы отложите в сторону книгу (а вам стоит читать ее медленно, если вы хотите найти ключ к разгадке или подсказки), Джон Селф перестанет существовать».

О, это будет действительно интересно!

Я читала громко и отчетливо, как обычно, если бы я читала сама для себя. Примерно на половине первой страницы, я услышала странный звук. Если благодарность может принять форму храпа, то именно это я и услышала.

Я остановилась.

— Ты хорошо читаешь, — хрипло произнес он, и я услышала нотки восхищения в его голосе. Потом наступила тишина, я восприняла это как намек продолжить.

Я опять начала читать. Такую книгу я никогда бы в жизни не взяла для себя. Во-первых, в ней имелись все виды британских идиом и сленга, мне это было совершенно чуждо, что создавало определенные сложности при чтении.

Рассказчику было тридцать пять, он был наполовину британец, наполовину американец, кинорежиссер, пресытившейся этой жизнью, по имени Джон Селф, который мимолетно язвительно подтрунивал над собой, курил одну за одной, беспробудно пил, пресыщался удовольствиями, увлекался порнографией, бесконечно трахался и был настоящей свиньей, ненавидя всех женщин!

Сначала он представлялся мне змеем, который скрутился вокруг моей руки. Мне показалось, что я должна его отшвырнуть. Поскольку знала, что змеи хладнокровные ядовитые, бесчувственные твари. Его кожа была вся в чешуйках, ужасной, бррррр. У меня даже почему-то сложилось впечатление, что этот змей скорее напоминал скользкого червяка.

Но стоило мне дотронуться до змея, его тело оказалось теплым и сухим с узором в виде переливающихся ромбов. Он издал тихий звук, раскачиваясь на моей руке, и тут произошло нечто совершенно чудесное, он разорвал свою кожу. Затем показался его тонкий раздвоенный язык, который слегка прошелся по моей руке. Щекоча.

Джон Селф, как змея двигался вверх по моей руке! Я была полностью очарована им. Мужчина прямиком, обгоняя всех, направлялся к Дизастервиллю [\[2\]](#).

В первых абзацах его самого вышвырнули ночью в дождь на 99 Стрит из такси, потому что он назвал нью-йоркского таксиста расистом и мудаком. Далее он попал в стрип-клуб на Сорок Четвертой, слишком много выпил, стал порочно разглядывать танцующую девушку, мечтая о ней в пьяном бреду, начал приставать к ней и его выкинули из клуба тоже.

После первой главы, я остановилась, чтобы сделать большой глоток чая.

— Что ты думаешь о книге? — спросил Кит.

— Я пока не уверена, — сказала я с улыбкой, и вернула пальцы на точки, продолжая чтение.

Вскоре я начала жалеть Джона. Мужчина сам себе рыл яму. С каждой страницей его положение становилось все хуже и хуже.

«Господи, я никогда не хотел никому причинять никакого вреда. Единственное, что мне хотелось провести хорошо время, — крикнул он, в своей эгоцентричной манере, сбитый с толку, после того как увлекся нездоровой пищи, алкоголем и порно. У него была девушка англичанка, Селена Стрит, которую он называл «горячая сучка» и которая носила «дорогое брендовое нижнее белье», и «трахалась с кем попало. Причем много — все время».

«Я лучше выдам тебе всю подноготную Селины... самые чувствительные места», — он решил довериться читателю, прежде чем весело прочитал ей лекцию, что существует прямая связь между изнасилованием и ее летним гардеробом!

Я перестала читать и озвучила свои мысли Киту.

— Ты женоненавистник?

— Что?! — он, казалось, искренне потрясен. — Я... э-э, нет. Нет, я нет. Я уважаю женщин.

— Мда...

— Ты на полном серьезе сравниваешь меня с вымышленным персонажем? — его голос не звучал обиженно, скорее любопытно, он как бы прощупывал меня.

— Нет, но мне просто интересно, почему вы выбрали именно эту книгу.

— Тебе не приятна эта тема? — я бы даже сказала, нежно спросил он.

И я почувствовала, что он напряженно следит за моей реакцией, ожидая ответа. Я также почувствовала, что для него мой ответ был очень важен. И я поняла, что он будет разочарован, если я скажу: «Да». Его взгляд, словно физически ласкал мою кожу, отчего у меня с такой силой зудели пальцы, я просто умирала, как хотела пощупать его лицо, чтобы точно узнать, с кем имею дело.

— Сама тема не беспокоит меня, — ответила я наконец, делая еще один глоток чая. Он был холодным.

— Хочешь я сделаю тебе новый чай? — спросил он.

— Да, спасибо, — произнесла я, удивившись, что он заметил.

Я услышала, как он поднялся и подошел к чайнику.

— Тогда в чем проблема?

Пока он открывал коробку с чайными пакетиками, я беспокойно похлопала рукой по столу.

— Очевидно, вы уже знаете, о чем эта книга. И готова поспорить, вы уже читали ее хотя бы раз. Но вы захотели, чтобы я прочла ее вам вслух. Зачем?

Он что-то передвигал на столешнице, что лежало рядом с чайником.

— Мне захотелось послушать, как кто-то ее читает вслух.

Я инстинктивно поняла, что всей правды он мне так и не сказал.

— Не кто-то, — тихо произнесла я. — Женщина. Именно женский голос, читающий эту книгу о мужчине, который празднует свои предубеждения по поводу женщин.

Казалось, что он топтался на месте, чувствуя себя некомфортно, что я нажала на какие-то его больные точки.

— Это не так, — отрицательно произнес он.

— А как? — не отступала я.

— У меня нет предубеждений по поводу женщин, — выстрелил он в ответ. — Одна из моих лучших боевых товарищей была женщина. Она служила со мной на Ближнем Востоке, и я буду не я, если она не была лучшей из лучших. Она могла выставить против все и всего и так врезать, что мало не покажется. Я был впечатлен ею и всегда буду.

— Ты был с ней в армии? — не знаю почему, но у меня перехватило дыхание. Может быть, я всегда задерживаю дыхание, когда люди говорили о военных действиях.

— Мы были вместе в Мосуле.

И тут словно кинжал впился мне в сердце, прямо там, где поселилось горе и печаль на многие годы. Выжидая, чтобы очередной раз напомнить мне об ужасной потере. Я все еще чувствовала их лица, тепло их кожи. Я с досадой отогнала прочь свои воспоминания. Было

бесполезно думать о прошлом. Они ушли навсегда, как река, бегущая от меня вспять. Неважно, как сильно я хотела бы, чтобы они вернулись, они никогда не вернуться.

Я сделала глубокий вдох. Голос у меня звучал обвиняюще и воинственно, и я пожалела об этом раньше, чем закончила говорить:

— Зачем тому, кто утверждает, что женщина была одной из лучших товарищей, наслаждаться историей о человеке, который кроме как объекта для секса в женщинах ничего не видел?

В течение нескольких секунд он молчал. Я поняла, что он ошарашен тем количеством яда, который сквозил у меня в голосе. Я готова была уже забрать своим слова назад и извиниться.

— Чтобы понять, как живет другая половина, — легко произнес он.

Я громко рассмеялась, довольная, что он намеренно не ответил на мою грубость. Он не стал смеяться вместе со мной, и что-то подсказывало мне, что этот ярлык я явно повесила не на ту лошадь. Он не был женоненавистником. У него были причины гораздо важнее, чем деграция Джона Селфи к женщинам, и эта причина сейчас, здесь стояла на кону. Мой смех замер, вдруг я стала серьезной.

— Да, а на самом деле... почему эта книга?

Он долго что-то опять переставлял на столешнице.

— Потому что она о парне, который пытается выяснить, кто он. Пытается отыскать свой путь в этом техногенном обществе, но видно ему не реально найти то, что он хочет.

— Но существует много других книг, в которых герой пытается найти себя, — подтолкнула я его. — Почему именно эта?

— Потому что... не знаю, ладно?

Его незащитность заставила меня откинуться на спинку стула.

— Ты знаешь. Просто не хочешь мне говорить.

Он резко поднялся со стула, ножки закрипели по полу, я подпрыгнула на месте от неожиданности. Он отошел, тяжело ступая, сердито, через минуту вернулся, налив мне свежего, горячего чая. С легким стуком он поставил чайничек на стол. Чтобы не творилось у него внутри, он полностью держал себя в руках.

— Почему тебя это так беспокоит? — спросил он. В его голосе я уловила еле заметную боль.

Я была поражена.

— А почему меня это не должно беспокоить?

— Большинство людей в городе думают, что я бл*ть топором убил свою жену и похоронил ее в сарае под половицами.

— Ты слышал о себе все сплетни? — ляпнула я.

— Жителям Дуранго Фоллс следует научиться, как правильно распространять сплетни, — и в его голосе не слышалось ни горечи, ни злости. Его не волновало, что они думают о нем.

Я усмехнулась.

— Они слишком громко говорят, что могут разбудить даже мертвых, да?

— Я удивлен, что моя бедная покойная жена еще не поднялась из сарая и не отправилась к ним, начав на них охоту, — сухо произнес он.

Я рассмеялась и представила, что он тоже улыбается, и его шрамы тоже улыбались. Мы перестали смеяться одновременно. Возникла напряженная пауза. Я почувствовала, что он

внимательно смотрит мне в лицо. Я уже просидела у него сорок минут.

— Скажи мне правду, Кит. Почему эта книга так важна для тебя? Пожалуйста. Я хотела бы узнать.

Я услышала шарканье ботинок по полу. Потом он заговорил, голос был каким-то далеким и глухим, словно он рассказывал мне откуда-то из прошлого.

— Я кое-кого знал... давно. Он был моим товарищем, приятелем, на половину англичан. Его мать была из Англии. Она не хотела его отпускать. Она все время ему звонила и плакала, как ребенок, умоляя вернуться. Мы все уходили из комнаты, когда она звонила. Это выворачивало душу. Не знаю, как он был в состоянии это выносить. Сейчас, мне кажется, что она понимала — если он уйдет, то не вернется.

У меня встали волосы на затылке. Я тоже самое чувствовала, когда мой брат завербовался и уехал в Афганистан. Я знала, что он не вернется. Но его друг, сколько бы я ни плакала и не умоляла его остаться, был полон решимости бороться за свою страну. Я сжала кулаки, крепко, чтобы остановить слезы, которые щипали глаза.

— По ночам он брал эту книгу и читал. Это была его любимая книга. Он пытался заставить меня ее прочитать, но я бросил через несколько страниц. Она явно не для меня. Самовлюбленный придурок Джон Селф с бесконечно меняющимися кисками не был моим героем.

Он откашлялся, мне показалось, что у него тоже в глазах появились слезы.

— И Найджел попал под дружественный огонь. Пи*дец — слово в словаре. Ты умираешь, как собака на чужой бл*ть земле за зря. Когда он лежал белый с жуткой болью в машине, он наорал на свою мать. Мы ничем не могли ему помочь. Мы сидели и смотрели, как он истекает кровью. Когда пошли сообщать его матери, я слышал, что она ударила парня, который пришел.

Он замолчал и сделал глубокий вздох сожаления или боли.

— Через месяц книга пришла по почте мне. Он оставил ее мне в своем завещании. Я сел и прочитал ее от корки до корки. И я слышал в голове его голос. Я понял, что все мы — Джоны Селфи. Каждый из нас гребаный Джон Селф. Потерянные в наших пороках напиваясь, обжираясь, погрязшие в порно, предаваясь полному разврату.

Он тяжело вздохнул.

— Я хотел, чтобы ты прочла мне эту книгу, чтобы сравнить будет ли она звучать для меня по-другому, — сказал он.

— И она звучит также?

Один из его волков завыл снаружи. Внутри, здесь на кухне, атмосфера поменялась, стала более густой, наполненная какими-то странными эмоциями.

— Нет, — прошептал он наконец. — Ты не запятнанная, как все мы.

Прежде чем я смогла ему ответить, его голос стал более отстраненным.

— Время вышло. Давай остановимся на этом, я отвезу тебя домой.

«Если ты не сбежишь из этого города,
ты никогда уже отсюда не выберешься».

<https://www.youtube.com/watch?v=v4pi1LxuDHc>

Я вышла из почтового отделения в полном восторге от нового пакетика с золотой краской, который лежал у меня в рюкзаке, мечтая, как я смешаю его с теплым цветом, который называется розовым. Я представляла, как брызгами положу его на скульптуру русалки ей на хвост, над которой работала, но внезапно остановилась.

— Привет шериф, — вежливо произнесла я. Шериф Брэдли всегда был вежлив со мной и как бы проявлял заботу, но он никогда мне не нравился. Никогда. Вероятно, никогда и не понравится. Пока я была еще ребенком у меня мурашки пробегали по коже, как только он появлялся. И он знал об этом.

— Я слышал, что ты работаешь у Карсона, — сказал он. Он курил, и я почувствовала, как он выпустил дым мне в лицо. Я не могла видеть, и он думал, что я не пойму, что он намеренно выдыхает дым мне в лицо.

— Да, я читаю ему два раза в неделю, — ответила я, отмахиваясь от дыма.

— Он не делает ничего странного или того, что тебя пугает?

Я почувствовала злость, мне захотелось его ударить по лицу. Я точно знала, куда стоит бить, по крайней мере, ему в рот.

— Нет, нет, — резко произнесла я. — На самом деле, он джентльмен.

— Джентльмен? — хмыкнул он.

Я услышала, как он расставил ноги.

— Тогда зачем ему нужна слепая девушка, которая ему читает?

Я небрежно пожала плечами.

— Он не хочет, чтобы кто-нибудь видел его лицо.

— Разве это не странно?

— Нет, шериф Брэдли. Не странно. Он стесняется, на самом деле, он добрый человек и у него есть шрамы.

— Он дотрагивался... до тебя, или ты слышала, как... эээ... трогал себя сам?

Я почувствовала, как мои руки сжались в кулаки от ярости.

— Нет. Со мной он не вел себя неадекватно.

— Хорошо. Скажешь мне, если что-то пойдет не так, да? Я забочусь о каждом человеке в этом городе.

— Вы будите первым к кому я приду, если что-то пойдет не так, шериф, — ответила я. Лучше я отрежу себе правую руку, чем побегу к нему.

— Увидимся. Хорошего дня.

Я кивнула и подождала, пока он обойдет меня и направится своей дорогой.

Это было только началом. Скоро весь город будет предупреждать меня, что я совершаю большую ошибку. Что моя честь под угрозой. Я подошла к библиотеке, испытывая злость.

Слава богу Элейн была на месте. Я сняла свою вязаную шапку.

— Можешь поверить, шериф Брэдли спросил меня, прикасался ли ко мне Кит или к себе, пока я ему читала? Этот человек полная задница! — кипятилась я.

— О, Лара. Тебе стоит привыкнуть к этому. Ты же знаешь, всему городу будет интересно... о тебе и о нем явно поползут слухи. Лучше всего справиться с этим, рассказать какие-нибудь детали, тогда они не так усердно будут сочинять свои сплетни.

Я ахнула.

— Ты это серьезно?

— Конечно. Ты расскажешь мне все честно, что происходит на самом деле, а я сообщу другим.

Я покачала головой в изумлении.

— Элейн. Ничего не происходит. Я просто читаю ему.

— Лара. Тебе придется придумать что-нибудь получше. Никто, повторяю, никто не верит в это. Ну, давай же. По крайней мере, мне скажи, что он попробовал к тебе приставать, а ты дала ему отпор.

— Что? Нет. Он ничего подобного не делал.

— Конечно, он не делал. Но звучит-то неплохо, не так ли?

У меня отвисла челюсть.

— Элейн Крокетт, на этот раз ты зашла слишком далеко. Кит Карсон — хороший человек, и я не хочу, чтобы ты распространяла о нем ложь. Если я услышу о нем что-нибудь плохое, клянусь, я никогда не буду с тобой разговаривать, — сказала я, развернувшись, и направилась к выходу. Я настолько была взбешена, что у меня даже дрожали руки. Элейн побежала за мной и схватила меня за руку.

— Хорошо, хорошо. Все правильно. Я не буду говорить о нем ничего плохого, — стала она меня задабривать.

Я попыталась взять себя в руки и успокоить свое дыхание.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Я доверяю тебе, Элейн, поэтому держи свое слово. Этот человек достаточно настрадался. Он, действительно, хороший парень, и я не хочу причинять ему боль, у него было ее достаточно.

— Он же не услышит сплетни о себе?

— К твоему сведению он давно знает все те ужастики, которые о нем говорят.

— Что? — спросила она, вздрогнув.

— А ты как думала?

— Ну, я не могу отвечать за людей, которые не могут говорить по тише, — защищаясь, ответила она.

— Пожалуйста, Элейн, прошу тебя. Не распускай ужасные слухи о нем и обо мне. Думай обо мне, если ты ничего хорошего не можешь подумать о нем.

Она схватила меня за плечи и чмокнула в щеку.

— Мне жаль, Лара. Ты же знаешь, я люблю тебя. Меня просто иногда заносит. Я никогда не причиню тебе боль.

Я нахмурилась.

— А ему?

Она резко вздохнула.

— Да, ему тоже... не сделаю ничего, чтобы причинить ему боль.

Я схватила ее за руку.

— Хорошо. Спасибо.

— Хочешь попробовать овсяное печенье? — предложила она, меняя тему.

Я замялась.

— Кто его испек?

— Ма.

— Ты только что обещала ничего такого не делать, что может мне навредить.

Она рассмеялась.

— Просто пошутила. Бабушка испекла.

— Веди меня к нему и давай побыстрее, ладно? — с усмешкой сказала я.

«Некоторые люди чувствуют дождь. Другие просто сырость».
Боб Марли

Я сидел в машине и смотрел на нее, как она шла по заснеженной парковке. Она напоминала мне ангела, великолепная блондинка шла напрямиком ко мне. Я вышел из машины, обошел спереди и открыл перед ней дверцу.

— Здравствуйте, мистер Карсон, — приветствовала она меня, приблизившись.

— Мисс Янг, — официально произнес я, но сам услышал нотки радости в голосе, которые появлялись только, когда она была рядом.

Сегодня ей сопутствовал еле уловимый, но очень вкусный запах. Я понюхал воздух, когда она садилась в пикап. Он исходил из ее рюкзака.

С радостью в сердце я направился к стороне водителя. Внутри машины запах усилился. Он ударил в меня, стоило мне очутиться в салоне, и чуть не сбил с ног. Моя реакция была такой же, как у моих волков, когда они ловят запах своей добычи, например, кролика. Я начал пускать слюни. Я почувствовал себя пустым и голодным. Живот заурчал так громко, что она услышала.

Ее голос звучал радостно и бодро:

— Я рада, что вы проголодались, потому что я несу вам пирожные.

Она не шутит, я смогу получить, сколько там она прячет в своем рюкзаке? И я смогу взять больше, чем один, давайте, я готов! Сколько же лет прошло с тех пор, как ванильная глазурь таяла у меня во рту.

— Вкусно пахнет, — именно это я произнес на самом деле. — Спасибо.

Я просто пропитался ароматом ее пирожных за всю дорогу к моему дому, что заставило меня мчаться намного быстрее, чем я обычно ехал по этим колдобинам. Я припарковался, как можно ближе к крыльцу. К счастью, началось похолодание и проникновение в дом со стороны волков считалось вероломным вторжением. Кроме Чапи, которая быстренько приходила, чтобы потереться животом о половицы. Остальные волки бродили вокруг дома на безопасном расстоянии. Я не стал дотрагиваться до Лары и помогать ей идти к дому, просто наблюдал за ней как ястреб, пока она шла по тропинке.

Как только я открыл дверь, она вошла в дом и направилась напрямиком на кухню. Она положила рюкзак на кухонный стол и вытащила коробочку с капкейками. Я был поражен, как быстро она освоилась внутри дома. Она обернулась, взглянув на меня, словно точно знала, где я нахожусь, будто видела меня. Ее ощущение другого человека было чем-то сродни сверхъестественному.

— Мне кажется сладкие кексы подойдут отлично с «горькой» книгой, — сказала она.

Мне пришлось улыбнуться.

— Я поставлю чайник.

— Вы выпьете со мной чаю? — спросила она.

У меня не хватило мужества отказать ей, поэтому через какое-то время я сидел за столом напротив ангела во плоти, небольшими глотками попивая из колотой чашки что-то,

что очень на вкус напоминало горячие помои, (естественно, я дал ей чашку без сколов), а она тем временем открывала коробку с пирожными.

Это казалось нереальным, такая милая, уютная атмосфера, здесь у меня на кухне.

Я взглянул на капкейки, насколько прекрасными они были в своей глазури, и спросил:

— Ты их купила?

— Нет, я сделала их сама. Я просто фантастический пекарь, — сказала она, без всякой ложной скромности. Порывшись в коробке, она достала кекс мне, а потом положила себе. — Я не умею готовить, но я могу печь, как никто другой.

— Но это, на самом деле... напряженная работа, верно? Которая требует много чего отмерять?

Она пожала плечами.

— Именно эта часть мне и нравится. Мне казалось, что это слишком тяжело, но когда я все освоила, то оказалось, что все намного проще. Мне нравится, что я могу все измерять и продумано взвешивать. Я пеку, когда мне хочется расслабиться. Особенно, когда меня раздражают некоторые люди.

Я перестал снимать блестящую бумагу с капкейка. Это был намек?

— Кто-то раздражает тебя?

— Не волнуйтесь, не вы, — ответила она с огромной улыбкой, честно, такую улыбку я не видел никогда. Мне нравилось, как она улыбалась. Ее улыбка была настолько открытой, настолько доверчивой и в тоже время уязвимой. В ней не скрывалось никакого тайного подтекста, только лишь — ты можешь мне доверять.

Я наблюдал, как она пополам переломила капкейк, затем она перевернула их друг к другу вверх тормашками и с озорной улыбкой соединила две половинки вместе, раздался хлюпающий звук глазури, которая с одной стороны стала течь по ее пальцам. Я замороженно наблюдал, как она облизывала свои пальцы.

Мое тело вдруг перестало быть голодным. Я переместился на моем месте и уставился на нее голодными глазами. Я захотелось *ее съесть*, а не ее капкейки.

Держа рукой свой капкейк-сэндвич, она наклонилась вперед, широко открыв рот, и откусила большой кусок. Когда она отодвинулась на пару дюймов, весь ее рот был покрыт глазурью, а глаза прикрыты от удовольствия.

— Я настолько, черт побери, отличный пекарь! — проямлила она.

У меня вырвался смех, я даже не понял откуда он взялся, но он вырвался из меня с такой скоростью и силой, что я не смог его остановить. Ах, черт побери, почему бы и нет? Я позволил ему вырваться из своей груди, словно гром среди ясного неба. И я почувствовал себя настолько хорошо, что я смеялся и смеялся.

Лара еще раз откусила свой капкейк и облизала языком рот, как ребенок, и будь я проклят, если это было не смешно, я не мог остановиться. Я хохотал так, что у меня заболели ребра, грудь, горло, губы, у меня болело от смеха все. Лара смеялась вместе со мной, мне показалось, что это стало заразительным.

И в середине всеобщего веселья, у меня вдруг пролетела шальная мысль: «Как давно я так смеялся?»

Сколько времени прошло, когда я по-настоящему смеялся с другим человеком? Действительно, по-настоящему смеялся? Я стал анализировать все года, которые провел в этом доме, и, наконец, получил ответ. Никогда! В последний раз я смеялся, когда увидел маленького волчонка Бенджамина, который решил последовать по заячьим следам и

опрокинулся головой в снег. Он выглядел настолько удивленным, что я рассмеялся, когда подобрал его.

Это было три месяца назад.

Тишина, установившаяся после смеха, было настолько комфортной. Я съел один кекс по-старинке, а потом из второго сделал сэндвич, как она. Лара начала читать. Ее сладкий голос просачивался через меня, пока я откусывал очередной кусок. Мир был хорош.

Я пришел к выводу, что есть капкейки, как сэндвичи вкуснее, чем обычным способом.

За окном начался снег. Я видел, как волки ходят по заднему двору и передвигаются в сторону роши, где они любили прятаться. В доме было тепло. Через маленькие квадратные стекла, установленные в чугунной двери камина, было видно, как горело полено, красно-оранжевые отблески пламени озаряли лицо Лары, пока она сидела напротив меня.

Ее пальто было перекинуто на спинку стула, на ней был розово-синий с цветочками свитер, сверху из выреза свитера выглядывал воротник красной рубашки. Еще был желтый шарф, свободно завязанный на шее и зеленый ободок в волосах.

Она должна была походить на разноцветный Skittles, но вместо этого напоминала что-то родное на Рождественской открытке. Одой из тех, на которой изображена елка, увешанная вся блестящими игрушками, огнями, а рядом смеющиеся дети, стол, заваленный праздничной едой, ароматы специй в воздухе и звук разрываемых хлопушек.

Я пожирал ее глазами, понимая, что она не увидит моих взглядов, и даже не сможет себе представить сколько удовольствия я получал, разглядывая ее гладкую кожу, ее разжуманные щеки, пухлые губы, которые шевелились, произнося тихо слова.

Я сделал глоток виски. Да, с чаем я решил покончить сразу же, как только доел свой капкейк. Должно быть, она услышала, как я сделал глоток, потому что остановилась и протянула свою чашку.

— Спасибо, — тихо произнес я.

— Пожалуйста! — Чашка повисла в воздухе, она улыбнулась. Она была настолько искренней и открытой, как ребенок. — Хотя, вам не стоит меня благодарить. Оказывается, мне очень нравится эта книга, если ее можно назвать демоническим комиксом. Мне нравится Джон Селф как рассказчик, как он описывает свое собственное крушение — это настоящий гений, и мне кажется брать деньги, чтобы читать эту книгу почти несправедливо.

— Я имел в виду... спасибо тебе за все. *За все.*

Она поставила свою чашку на стол, не сделав глотка.

— За все?

— Я пытаюсь сказать, что приятно иметь компанию.

— Вам не нравятся компании в частности, мистер Карсон. Вам нравится *моя компания.*

Она усмехнулась. *Какая милашка!* Мне захотелось прикоснуться к ней. Я даже поднял руку, потом резко опустил.

— Да. Ты... скрасила это место.

Она рассмеялась.

— Вы говорите так, словно я здесь какой-то декор.

Я вздохнул.

— Хорошо, ты победила. Мне нравится твоя компания.

— Я рада, потому что в первый день вы были слишком агрессивным.

— Знаю, я был груб с тобой, прости. Я так долго ни с кем не водил компанию, кроме своих волков, что уже забыл, как вести себя с леди.

Она медленно кивает.

— К счастью для вас, мистер Карсон, — сказала она с ясно слышным южным говором, — я не леди. Моя мама называла меня настоящей хулиганкой.

Я покачал головой, хотя она не могла меня увидеть.

— Я не верю.

— Разве леди может положить коровьи лепешки в чужую обувь? — хитро спросила она.

Я засмеялся.

— Ты проделала такое?

Она отпила глоток чая.

— Боюсь, что да. А что вы сделали самое ужасно «крутое»?

Невольный рокот вырвался у меня из горла. Самое ужасно крутое? О, Господи! Я закрыл глаза. Мои внутренности задрожали. Нет, я не должен вспоминать. Только не с ней. Она живет внутри Рождественской открытки, а я...

Она озабоченно нахмурилась.

— Простите. Я не хотела вас обидеть или заставлять вспоминать что-то слишком болезненное. Я имела ввиду, какой самый крутой поступок вы совершили в детстве? Вам не стоит отвечать, — у нее дрожали руки, когда она ставила чашку на стол. — Лучше я продолжу читать.

Я ничего не мог с собой поделать. Я не мог видеть, как она вся сжалась из-за того, что причинила мне боль. Не думая, я накрыл ее руку своей. И тут кое-что произошло, почти одновременно. Мой член стал твердым, а она застыла от шока. Я резко убрал руку. Все мое тело стало пульсировать от сексуального напряжения.

Не знаю, откуда, черт возьми, оно взялось, но я чертовски хотел ее, прям аж до боли. Она протянула руку в мою сторону. Я умирал, как мне хотелось схватить ее, заключить в свои объятия и зацеловать до бесчувствия, но я сжал руки в кулаки и заставил себя не двигаться. Я мог только разрушить ее и причинить ей боль. Она хотела видеть во мне друга. Я же хотел раздвинуть ее ноги и похоронить свой член в ее сладкой киске.

Я хотел сделать ее своей.

— Лара, ты не должна не перед чем извиняться, — сказал я резко.

Она была настолько чистой и наивной, чтобы понять все подоплеку моей резкости, что восприняла это как запрет, что я не хочу ее касаться. Ее рука упала на стол, и она побледнела, выглядя опустошенной.

Господи, своим тупым, грубым извинением я заставил ее побледнеть! Я чувствовал себя намного хуже, чем если бы я пнул щенка. Я ненавидел причинять ей боль. Молча, она потянулась к странице. Она неуверенно провела пальцами, пытаясь найти последнюю фразу, на которой остановилась.

— Когда мне было шесть лет, — начал я, и она перестала перебирать подушечками пальцев по странице. Я сглотнул и продолжил:

— Я сделал очень страшную вещь. Гораздо хуже, чем коровье дерьмо в чужой обуви.

Я видел, как подрагивали ее пухлые губы, и как она выдохнула, задержав дыхание. На ее лице появилась еле заметная вот-вот проявляющаяся улыбка, и это сделало меня невероятно счастливым.

— Мой отец пошел в магазин, взяв с собой моего брата и сестру. Он не разрешил мне пойти с ними, потому что я сломал любимую игрушку брата. Я был в ярости, поэтому я облил кетчупом живот и грудь, взял ружье своего отца и выставил его из окна, желая, чтобы меня нашла мама на земле, с направленным на меня ружьем, с широко открытыми глазами, словно я застрелился.

Она громко выдохнула, явно от шока.

— Это было самое ужасное, что я когда-либо сделал в детстве.

— И что сделала мама? — прошептала она.

— До или после того, как я моргнул и рассмеялся, глядя на нее?

— Думаю, после.

— Она чуть не сошла с ума, а потом отвела меня на кухню и дала мне печенье с молоком. Я получил все сполна, когда вернулся отец.

— Я не удивлена. Это на самом деле ужасно.

— Что еще ты хочешь знать обо мне, Лара?

Она покраснела. Она была прекрасной, когда краснела.

— Не знаю с чего начать, мистер Карсон. У меня так много вопросов к вам.

Я был застигнут врасплох ее словами.

— Много вопросов?!

— Точно. Знаете ли, вы очень загадочный человек, — она улыбнулась.

— Мне казалось, что я всего лишь заурядный убийца, пьющий кровь и размахивающий топором, — с иронией произнес я.

Она улыбнулась.

— Да, но о вас говорят и кое-что другое.

— Ты думаешь мне стоит это знать?

— Некоторое... на самом деле звучит довольно весело, — нахально произнесла она.

— Например?

— Говорят, что вы делаете самодельный спирт, что в лесу у вас имеется целая фабрика.

Бочки и бочки самодельного спирта.

Я рассмеялся над глупостью горожан, придумывающих обо мне такую чушь.

— Жаль тебя разочаровывать, но нет. Я не произвожу спирт. Я даже не знаю, как он делается.

— Аууу... а я собиралась прикупить у вас бутылочку.

— Прости, я, — развожу руками.

— Я точно знаю, что хочу у вас спросить! — вдруг выпалила она. Ее лицо выглядело напряженным, и я приготовился к ее вопросу.

— О чем? — поинтересовался я. Я решил, что она начнет спрашивать меня о военной службе. Почему я решил поселиться в этом городе, вернее подальше от этого города, в глуши. Какая моя жизнь была до того, как я приехал сюда. Я подумал, что она спросит, как я получил свои шрамы, но то, что она спросила, застало меня врасплох.

— Расскажите мне о своих волках.

Она спросила именно то, о чем я мог говорить весь день напролет.

Волки были для меня — товарищами, семьей, детьми, несмотря на то, что они дикие звери, и я был намерен удерживать их в таком положении, но это не значит, что я не понимал их так же хорошо, как самого себя. Я инстинктивно понимал, когда они попадали в беду. Однажды я сидел на кухне ужинал, и вдруг почувствовал, как у меня скрутило живот. Причем так сильно, что я больше не мог съесть ни куска.

Поэтому я вышел из дома на крыльцо. Было лето и солнце только начало клониться к закату. Я схватил рожок, имитирующий вой волчьей стаи, и пошел в лес. Теперь каждый раз я использую этот рожок. Он отлично имитирует волчий вой. Я шел целый час, пока один из моих волков не ответил мне на мой зов рожка. Я обнаружил Томаса, запутавшегося в колючей изгороди, попав в ловушку.

Когда вы спасаете животных от смерти, они оценивают ваш поступок, выражая благодарность всеми возможными способами. Не тем смазливym путем, когда мы изучаем жизнь животных, просматривая голливудские фильмы, а реальным, жизненным способом.

В случае с таким самцом, как Томас, он приходил на крыльцо, когда я выходил из дома. Он по-прежнему большую часть времени держался на расстоянии, но теперь каждый раз приходил, чтобы проверить меня и подарить мне свою ласку. То же самое касалось и Адама, который бродил, куда хотел, но всегда возвращался, потому что хотел побыть со мной.

Я закрыл книгу, лежащую перед ней.

— Пойдем.

— Куда?

— Мои волки сами расскажут тебе о себе, нежели это сделаю я.

Я подождал, чтобы одеть на нее пальто. Я мог бы повести ее к задней двери черного входа, но туда волки приходили, чтобы поклянчить еду, когда им лень было охотиться, и они могли становиться довольно агрессивными и одичавшими, когда были голодны.

Крыльцо же в большей степени было связано с ними, потому что они сами его выбрали, приходя сюда, чтобы повидаться со мной. Широкая веранда вокруг дома предоставляла им своеобразный простор, они не чувствовали себя здесь в ловушке. Я никогда не подходил к ним сам. Если они хотели, чтобы я их погладил или поговорил с ними, они подходили сами. Кроме Чепи, конечно. Она была настолько ручной, поэтому часто сидела рядом со мной, могла лизнуть мне лицо, а иногда даже лежала у меня на коленях, подремывая.

Когда я открыл дверь, снег по-прежнему шел. Воздух был холодным и свежим, особенно после теплой кухни. Мы молча стояли на крыльце, довольно-таки долго. Я хотел, чтобы волки поняли, что им ничего не угрожает и показались нам.

На проселочной дороге я заметил их. Как всегда — Калерб, Аелф, Фенал и Гуч. Они обычно тусовались у дороги, но стоило им услышать подъезжающий автомобиль, как исчезли, словно дым в воздухе. И долго не появлялись, пока неожиданный путешественник не уедет достаточно далеко.

Слева на склоне я заметил небольшую стаю. Они медленно двигались в сторону дома. Вожаком был Курт. Он всегда был отчаянным плохишом. Лобо двигался рядом, он был красивым пепельно-белым волком. За ними шли две волчицы — Суси и Таша, со

своеобразной грацией.

Я оглянулся и посмотрел на Лару. Она повернула голову в сторону холма. Видно, она услышала их, но как она могла? Их передвижение по снегу было, как шорох, очень тихим.

— Сколько их? — тихонько поинтересовалась она.

— В этой маленькой стае? Четверо.

— Мне следует приласкать их или же стоит остерегаться? — спросила она с нервной улыбкой.

Я думал об этом.

— Тебе не стоит их бояться, но они дикие животные, не домашние, и к ним следует относиться с определенным уважением. Если ты будешь относиться к ним с должным уважением, они вернут тебе свое почтение. По крайней мере со мной это срабатывает.

Она кивнула, волки подошли ближе, они нюхали воздух, готовые к приключению и испытывая любопытство. Я опять бросил на нее взгляд, но она стояла неподвижно, ее глаз я не видел, она прятала их за темными очками. Она протянула руку, чтобы коснуться заснеженных деревянных перил. Я видел, как она обхватила эту доску своими маленькими пальчиками, стерев снег, и заметил как побелели ее костяшки, видно она нервничала, пытаясь найти опору.

Затем она глубоко вздохнула, разжала руку, и словно успокоилась, по крайней мере, все ее тело с головы до ног, как-то расслабилось. Ее способность контролировать естественный природный страх, заставил меня принять быстрое решение.

— Давай я вас познакомлю, — вдруг произнес я.

Волки были явно заинтересованы, поскольку они двигались напрямик к крыльцу. Меня удивило, что они не остановились, а напрямик шли к ней. Как правило, они никогда не торопились, как бы раздумывая — стоит или нет, но видно в этот раз любопытство взяло вверх, Курт уже ставил лапу на верхнюю ступеньку. Все происходило очень быстро, раньше за ними такого я не наблюдал. Курт не отводил от нее взгляда своих горящих зеленоватых глаз.

— Медленно повернись налево, — сказал я, — и протяни руку. Пусть он почувствует твой запах. Его зовут Курт.

Лара сделала так, как я ей велел. Волчицы за ними притормозили, с опаской поглядывая вперед, но к моему удивлению, первым шаг к ней сделал не Курт, а Лобо, мой прекрасный белый альбинос. Он вытянул шею, подрагивая всем телом, немного присев на задние лапы и стал обнюхивать ее руку. Он сделал еще один шаг вперед, и я понял, что Лара прошла его тест.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я хотел бы, чтобы ты увидела их... им так интересно, — сказал я ей.

— Я чувствую их любопытство, — прошептала она.

— Оставайся здесь. Они не обидят тебя, обещаю. Я сейчас сделаю им какое-нибудь лакомство. Я скоро вернусь.

Я развернулся и направился к двери, но на пороге посмотрел через плечо, чтобы взглянуть что происходит, Лобо подошел еще на один шаг ближе и теперь прижимал свой нос к руке Лары. Так они и стояли вместе, не двигаясь, красивая женщина и дикий белый волк. Честно, во мне разыгралась гордость за своих волков, Лобо сделал еще один шаг и полностью опустил морду ей в руку. Лара медленно развернула руку, позволяя Лобо как бы понять, что она собирается сделать и потеряла ему нос.

Лобо блаженно прикрыл глаза. Я застыл, не в состоянии отвести взгляда. Честно я не верил своим глазам. Затем он открыл глаза, отошел на шаг назад и перевел на меня свой взгляд.

— Лара, — позвал я.

Она не повернула ко мне голову.

— Да.

— Волк, который к тебе подошел, его зовут Лобо. Он выбрал тебя, чтобы ты стала для него особенным человеком. Однажды волк выбирает себе человека, больше ни к кому из людей он не будет относиться с такой же любовью и вниманием, как к особенному человеку, которого он выбрал.

— Правда? Он меня выбрал? — взволнованно переспросила Лара.

— Правда, — тихо ответил я.

— Ой, я не могу поверить в это. Он теперь стал моим волком?

Я улыбнулся.

— Да. Он теперь стал твоим волком.

Она рассмеялась с неприкрытой радостью.

— Подожди меня здесь, — я вошел в дом, чтобы взять лакомство.

Волки учуяли их любимый запах лакомства, поэтому когда я вернулся на крыльцо, к четырем уже присоединилось шесть. Я передал лакомство Ларе и сказал, чтобы она с силой бросила его вперед во двор, так далеко, насколько сможет.

— Они любят ловить их на лету, поэтому постарайся напрячь некоторые мышцы.

Вот тогда я и узнал, что несмотря на миловидность у Лары были накаченные мышцы. Она с такой силой бросила лакомства, что волки помчались за ним как малые дети. Им понравилось, и судя по восторженной улыбке на лице Лары, ей тоже.

А мне? Мне нравилось смотреть на них всех вместе — волков и мою слепую чтицу.

Проведенный день с волками открыл своего рода шлюз. Кит, казалось, был рад меня видеть, и мне даже показалось, что он стал ждать наши встречи. В последний раз, когда мы встретились, все время проговорили, не прочитав ни единой строчки.

На самом деле, общего у нас почти ничего не было, но с каждой фразой мы глубже и глубже увязали в странной непонятной нашей дружбе. В нем было столько всего, что влекло меня к нему, и чем больше времени мы проводили вместе, тем больше я восхищалась им, и он мне нравился. Завтра я снова с ним встречаюсь и уже с нетерпением ждала того времени, когда его пикап будет опять поджидать меня у библиотеки.

Вздыхнув я поставила в горячую духовку яблочный пирог. Закрыла дверцу и установила таймер. Сняв рукавицы, повесила их на место. Я начала убирать беспорядок на столе после готовки пирога, когда раздался звонок в дверь.

Кто бы это мог быть? Было почти десять часов вечера, и большинство жителей уже крепко спали в своих постельках. Возможно это Элейн решила ко мне заглянуть на обратном пути из бара, я усмехнулась про себя. Я водрузила на нос темные очки и пошла, слегка хмурясь, в сторону входной двери. Элейн не сказала мне, что пойдет в бар.

Я спросила через дверь.

— Кто там?

— Это Сойер.

Я еще больше нахмурилась. Сойер Бьюкенен! Во имя Господа, что он делал здесь в это время ночи? Я открыла дверь и почувствовала запах его одеколona — цитрусовый с нотками розмарина и еще какой-то мускусный аромат. Похоже на эксклюзивную версию Pledge.

— Привет, Лара, — его голос звучал слегка невнятно. *Он пьян?*

— Привет, — ответила я. — Что ты делаешь в этой части города?

— Я проходил мимо и я... эээ... увидел свет и решил зайти. Могу я... э... войти?

Мои брови поднялись в недоумении на его откровенную ложь, но я открыла дверь шире из чистого любопытства, и он прошел в мою маленькую прихожую. Я услышала, как он закрыл за собой дверь и потер руки.

— Это мучительно, — сказал он протяжно, с прононсом в нос. Было время, когда я думала, что влюблена в него. Это не совсем моя вина, что я влюбилась в него. Он вообще-то вел меня по дорожке сада. И положил руку мне на поясницу, и шел так близко, что я могла чувствовать его теплое дыхание у себя на шее. Когда он поцеловал меня в щеку, я подумала, что его губы задержатся на мне, мне казалось, что я ему тоже очень нравлюсь, но видно я была неправ. Его губы не задержались.

Я повела его в гостиную.

— Может ты хочешь что-нибудь попить? Молоко, апельсиновый сок, вода?

— У тебя нет ничего покрепче?

У меня была бутылка французского вина, которую я получила на мой день рождения, но я берегла ее для особого случая, может, когда я закончу русалку, мой самый большой проект, которые я когда-либо делала. Русалка была почти в натуральную величину и уже забрала три месяца моей жизни.

— Наверное, нет, — тихо сказала я.

— Не беспокойся. Я не очень хочу пить.

— Присаживайся, — предложила я, махнув рукой в сторону дивана и направляясь к креслу напротив.

Я услышала, как диван затрещал под его весом.

— Итак, чем я могу тебе помочь, Сойер?

— По городу ходят слухи, что ты спуталась с этим чудачком деревенщиной, который живет на Old Man's Creek.

Я сделала глубокий вдох.

— Он не чудак деревенщина, — медленно и отчетливо произнесла я.

— Черт побери, Лара. Ты не представляешь себе весь риск, на который идешь, когда в одиночестве едешь к нему в этом Богом забытое место. Ведь с тобой может произойти все, что угодно.

Я почувствовала, как у меня начинает зарождаться внутри злость, но я постаралась держать себя в руках.

— Видишь же, со мной ничего не случилось. Я в полной безопасности. Мистер Карсон — джентльмен.

— Мне все это не нравится.

Вау. С чего бы это?

— Прости.

Он встал и начал ходить по комнате.

— Не ходи к нему в дом, Лара, — вырвалось у него вдруг. К моему удивлению он подошел ко мне, схватил за плечи, и подняв вверх, поставил меня в вертикальное положение.

— Сойер! — закричала я, совершенно растерявшись и испугавшись. Что черт возьми здесь происходит?

Он отпустил меня так же внезапно, как и схватил.

— Извини, — произнес он и отступил на шаг назад. Я чувствовала, что он о чем-то очень волновался, но у меня не было идей из-за чего, я не могла понять, что происходит на самом деле. Я услышала, как он отошел от меня, и потерла руками те места, за которые он меня схватил.

Он опять подошел ко мне слишком близко, и хотя мой инстинкт говорил мне отступить на шаг назад, я упрямо стояла на месте.

— Пожалуйста, Лара, — умолял он. — Я не могу выносить мысль, что ты едешь к нему домой и проводишь с ним время. Я испытываю от этого боль. Я же беспокоюсь о тебе, понимаешь?

Я от шока открыла рот, у меня не было ни одной рациональной мысли, словно мой разум отключился. Какого черта, о чем он говорит? Я провела рукой по волосам, потом втянула носом воздух.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты помолвлен с Кейли, не так ли? — спросила я. Я не встречалась с Кейли, но ее семье принадлежала большая часть земель в нашем городе и на окраинах, а также они имели определенный капитал. Элейн вместе с ней ходила в школу. Когда я попросила ее описать Кейли, она фыркнула и сказала противным голосом: *«Представь корову в тиаре, а потом представить, что она еще ко всему в придачу задирает нос»*. Я знала, что это неправда. Кейли была красивой. Даже шли разговоры, что она может стать моделью.

Он вздыхает и кричит:

— Да, да, да, я знаю, черт побери, но, черт возьми, ты же знаешь, что я люблю тебя.

Я почувствовала холодок по всему телу.

— О чем ты говоришь?

— Я полюбил тебя с того раза, как только увидел, — в запале произнес он.

— Ты не любил меня. Я предложила себя тебе, помнишь? — закричала я в ответ.

— О, Лара. Ты так наивна. Я люблю тебя, и всегда буду любить, но ты же знаешь, что я не могу на тебе жениться.

Он словно ударил меня своими словами и отошел на шаг назад.

— Потому что я слепая?

— Нет, нет, дуреха. Меня совершенно это не волнует, даже если бы ты была безногая и безрукая.

— Тогда почему? — прошептала я.

— Мать твою.

— Скажи мне, — вдруг опять крикнула я.

— Деньги, довольна? Все из-за ее чертовых денег, — закричал он в ответ.

Я упала в кресло, тяжело дыша.

— Это безумие.

— Я не могу потерять тебя из-за этого убийцы.

— Убийцы? — повторила я в изумлении.

— Все знают, что он убил свою жену.

— Он не убивал свою жену, — спокойной ответила я.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и все.

— Да, все тоже думали, что Джон Гейси ^[3] был всего лишь клоуном.

— Я не понимаю, Сойер. Ты собираешься жениться на Кейли. Что ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты была моей возлюбленной, Лара.

У нее вырвался нервный смешок.

— Ты хочешь, чтобы я была твоей шлюхой.

— Нет. Это не так. Я люблю тебя.

— Не больше, чем деньги отца Кейли, как оказалось, — сердито произнесла она.

— Это всего лишь брак по расчету. Но ты занимаешь все мои мысли, мое сердце, мою душу. Я люблю тебя, Лара. Пожалуйста, просто дождись меня. Клянусь, скоро мы будем вместе в один прекрасный день. Я хочу жениться на тебе. Каждой клеточкой своего существа я хочу тебя, — он остановился, чтобы вдохнуть. — Дай мне два года. Это все, что мне нужно. У меня есть план. Старик Хевингтон пообещал мне, что я стану во главе его бизнеса. Я буду трудиться изо всех сил и заработаю достаточно денег для нас. Достаточно, чтобы позаботиться о тебе. Тебе никогда не придется работать.

— Два года?

— Да, — воскликнул он с нетерпением. — Два года — это ничто. Они пролетят как один день и не заметишь. Только, пожалуйста, не отдавай себя больше никому за это время.

— А что, если у вас появятся дети, Сойер?

— Я скажу ей воздержаться от детей. Я хочу детей только от тебя.

Я в изумлении покачала головой.

— Я так завидовала Кейли, если честно. Я думала, что у нее есть все — деньги, внешность, ты. Я привыкла мечтать о тебе, но знаешь что? Сейчас мне ее очень жаль.

— Тебе не стоит ее жалеть. Она точно знает, что я ее не люблю. Она просто хочет, чтобы рядом с ней был самый красивый парень Дуранго Фоллс.

Я сокрушенно покачала головой.

— Тогда мне жаль ее еще больше. Удачи тебе, Сойер. Я, конечно же не собираюсь тебя ждать.

Он встал передо мной на колени. Я почувствовала запах алкоголя от его дыхания, я ненавидела этот запах. Я так страдала по этому мужчине. Какой же глупой девчонкой я была.

— Пожалуйста, Лара. Прошу тебя. Пойми меня, — с отчаянием взывал он.

— Я все прекрасно понимаю.

— Нет, ты не понимаешь. Я хочу дать тебе все. И то, что я делаю это все для тебя, для нас. Скажи, что будешь ждать меня. Прошу тебя, не ходи к этому сумасшедшему оборотню.

— В тебе даже и в половину нет той человечности, которая есть у него, — ответила я сквозь стиснутые зубы.

Он дернулся вперед, и вдруг его губы оказались на моих. Влажные и настойчивые. На секунду меня парализовало, затем я открыла свой рот и укусила его. Он вскрикнул и отшатнулся от меня.

— Ты укусила меня, — с недоверием воскликнул он.

— Уходи, — сказал я, вытирая рот тыльной стороной ладони. Я чувствовала вкус его крови. — Убирайся и больше никогда не приходи.

— Это еще не конец. Я не сдамся, — закричал он, но он видно быстро пришел в себя, поэтому бросился к двери. Я услышала, как захлопнулась дверь, а потом у меня полились слезы. У меня никого не было.

Все, кто, действительно, любил меня, ушли навсегда.

<https://www.youtube.com/watch?v=wutmEjdbedE>

Я открыл глаза, бледно-голубой свет пробирался в комнату. Огонь в камине уже догорел несколько часов назад, и кончик моего носа онемел от холода. Моя первая мысль была — *она сегодня не придет.*

Я вздохнул и у меня вырвалось белое облачко пара. Дни, когда она не приходила, тянулись долго и были какие-то бесконечно пустыми, я с трудом дожидался, когда они заканчивались. Я закрыл глаза и подумал о ней, она, наверное, сейчас крепко спит у себя дома и ощутил странное чувство покоя.

Я представил ее с закрытыми глазами. Интересно ей снятся сны? Какие сны видят люди, которые никогда не видели? Я решил спросить ее в следующий раз о этом. Она была полна сюрпризов. На днях она удивила меня, сказав, что «смотрела» фильмы.

Мысль о слепом человеке, сидящий перед экраном телевизора, где все двигается, «смотрим» фильм исключительно с помощью слуха, была для меня чем-то диковинным. Я подумал, что это невозможно, так как то, что показывается на экране — это образы, мимика, движения глаз, рук.

Но Лара меня заверила, что она «смотрела» фильмы. Последние два, которые она «смотрела» «Голодные игры» и серию «Сумерки».

— И что ты о них думаешь? — с любопытством поинтересовался я.

— Ну, музыка была очень хорошей, героиням надрали задницу, а герои были полными слабаками.

Ее слова заставили меня улыбнуться.

— Моя оценка: 3 звезды за «Сумерки» и 4.5 «Голодным играм», — заявила она.

— А когда ты смотрела последний раз фильм? — спросил я.

— Две недели назад.

— И что именно?

— «Человек-паук».

— И как он тебе?

— Я думала, что посмотрела его не на той скорости, поэтому посмотрела на этой скорости «Друзей». Нет, скорость оказывается была правильной, но с трудом смогла из себя выдавить смех.

Я засмеялся.

— Я так понимаю, что тебе не понравились «Друзья».

— Думаю, что этот сериал один из тех, его лучше оставить для зрячих, — прощбетала она.

После того как она ушла, я поставил DVD с фильмом, который еще не смотрел. «Начало». Я закрыл глаза и попытался «смотреть» слухом. Вау! Я выбрал самый худший фильм для своего эксперимента. Я не мог вообще понять сюжет. И соблазн открыть глаза был так велик, что я открыл их.

Но пока я сидел с закрытыми глазами, а фильм крутился, я понял, что музыка была восхитительной, создавая удивительный фон, но все действия, не видя изображения,

представляли из себя длинные непонятные отрывки, наполненные автоматными очередями, криками, бубнением героев и визгом шин. Хотя в конце концов, все объяснили, и я вроде как понял, но этот эксперимент заставил ценить мир Лары намного больше.

Потом с завязанными глазами я немного пошел по своему дому. В конце концов, я же знал расположение вещей внутри своего дома, как свои пять пальцев. Бл*дь, кто же знал, что это могло оказаться для меня полной катастрофой? В ту ночь я понял, что я ни хрена не знал о расположении своих вещей внутри. Два раза я ударился коленом, почти упал на стул, повредил плечо о дверной косяк, а когда я слишком быстро развернулся, чтобы закрыть дверцу кухонного шкафа, то двинулся головой. Я отчаянно хотел снять повязку, но не снял.

Это был мир Лары.

И этот эксперимент заставил меня оценить храбрость слепых людей. Уровень доверия при каждом шаге. Когда я, наконец, снял повязку, я сидел на крыльце. Было холодно и снег на земле сверкал, как алмазная пыль. Удовольствие, которое я получал, общаясь с волками, и от ночей, когда я вот сидел на крыльце, осталось прежним, но я скучал по ней. Мне казалось, что в моей жизни ничего не изменилось, что она была все той же прежней, но с тех пор, как появилась Лара в моей жизни, все как-то стало по-другому.

Она была похожа на торнадо, вырывающее с корнем все то, что мне казалось было твердым и укрепленным навеки, но бл*дь эта девица смогла превратить мою жизнь во что-то нечто прекрасное. Наполнила ее смехом, радостью, капкейкам... и цветами. Да, цветами. Кто бы мог подумать? Мне и вдруг цветы!

В один из дней она принесла цветы.

— Я их не вижу, но я чувствую их, — сказала она. — Кроме того, ты можешь их видеть, поэтому сможешь наслаждаться ими.

Я, наверное, выглядел полным дураком, когда вошел в минимаркет и вышел, сжимая букет цветов. Не знаю, где она взяла свои, но те, что купил я, как по мне, не слишком хорошо пахли. Я был немного смущен своим порывом, но все же наполнил старую жестянку водой и сунул туда букет, думая, что это завершение мой жалкой истории, но каждый раз, когда они попадались мне на глаза, они напомнили мне о милой Ларе.

Это было в субботу вечером. Сегодня был понедельник. Я натянул одеяло до подбородка. Ну, сегодня она не придет. Что было даже лучше, поскольку у меня была куча дел.

Мне необходимо было нарубить много дров. Так как ко мне приходила Лара, мне необходимо было поддерживать тепло в доме, поленьев уходило больше. Не знаю, почему я решил жить в таком холодном и неприветливом доме. Мне лучше починить окно внизу. Одно из окон разболталось, а сейчас многие говорили о надвигающемся чуть ли не завтра вечером сильном снежном буране. Достаточно одного сильного порыва ветра, и окно может слететь с петель.

Пурга, вероятно, выбьет меня из колеи на пару дней, трубы, скорее всего снова замерзнут, поэтому мне нужно наполнить ванну водой и заготовить провизию на ближайшие пару дней.

Я взглянул на будильник. Еще не было шести. Достаточно времени, чтобы пойти в горы, прежде чем взойдет солнце. Прошло несколько недель с тех пор, как я ходил туда. Горы всегда были прекрасными в это время года. Эта мысль вдохновила меня, поэтому я сдернул одеяло и ступил в новый день.

Когда я вышел на крыльцо, на нем была только Чепи. Я дал ей кусочек бекона, она

заглотила его. Я присел и потер ее за ухо, она облизала мне лицо и заурчала.

Воздух был свежим и вкусным. Половину пути она следовала за мной, но как только я пересек небольшое замерзшее озеро, она покружилась вокруг на том берегу и пошла назад. Я двигался, наверное, уже полчаса по следам погони волчьей стаи. По крайней мере, пять волков преследовали свою добычу.

На поляне я увидел старого оленя, которого завалили волки. Он стоял спиной к деревьям. Бедняга, должно быть, устал от долгой зимы, а волки были злыми от голода. Он не продержался бы долго. На его тушке были видны следы их зубов.

Они кусали его за задние ноги, чтобы он не смог убежать. У него было разорвано горло, темная кровь текла из шеи, его глаза остекленели, но в его виде было что-то доблестное. Он погиб, сражаясь со своим вековым врагом.

Волки съели только его внутренности, но они вернутся к своей добыче позднее. А для людей они оставляли своеобразные ловушки и яды, если волки не возвращались, чтобы закончить свою трапезу. И я испытывал глубокое удовлетворение, от осознания, что на моей земле научил волков снова доверять. Здесь они могли бродить, охотиться, уходить и возвращаться без страха.

Дикая природа пришла в равновесии. Так и должно было быть.

Да, зрелище ужасное этого старого оленя, но правда заключалась в том, что ни волки, ни олени не могут выжить друг без друга. Если позволить бесконтрольно размножаться оленю, он «выпасит» землю, съест всю растительность и умрет от голода, без волков олени погибнут зимой, когда сильные снегопады заставят прятаться мелких грызунов, рыб, змей, жуков, птиц и ягоды могут дать им пропитание только в другие сезоны.

Я спускался с горы еще до того, как солнце начинало золотить кроны деревьев.

Метель началась совершенно неожиданно, даже для самого Кита, застав его врасплох. Я сидела за кухонным столом, находясь уже на половине двадцать третьей главы, когда сильный порыв ветра заставил входную дверь задребезжать.

Порыв ветра был настолько сильным, что я остановилась на полуслове. Видно Кит резко поднялся, потому что стул под ним заскрежетал. Он подошел к окну, сказав:

— Обалдеть.

— Кит? — с тревогой поинтересовалась я.

— Черт, похоже, будет серьезная снежный буран.

— Правда?

— Вот черт, — выругался он. — Сюда метель добралась быстрее, чем сообщили об этом синоптики. По их словам, она не должна была начаться позднее ночи. Черт побери, мне следовало внимательнее следить за волками. Они правдивее предсказывают погоду, когда все собираются на крыльце.

Я поднялась из-за стола и потянулась за своим пальто.

— Мне, наверное, стоит отправиться домой, пока еще можно проехать.

— Мы можем попробовать, — с сомнением произнес Кит. — Но, ты понимаешь, что это может оказаться невозможным. Как только мы встанем перед буреломом, поваленными бураном, мой старенький пикап заглохнет, и он легко может сбиться с дороги.

— О, Господи, — воскликнула я встревожившись. — Как ты думаешь, сколько она продлится?

— Прогноз был всего лишь несколько часов, но никогда нельзя сказать с уверенностью. Она может затянуться и на несколько дней.

— Дней? — ахнула я.

— Скорее это маловероятно, но я вынужден предупредить тебя о самом худшем варианте. У тебя есть кошка или собака, которых нужно кормить или у тебя есть какие-то срочные дела?

Я отрицательно покачала головой.

— Хорошо. Тогда мы выждем немного и посмотрим, что будет дальше.

— Выждем? И сколько это займет по времени?

— Несколько часов.

Я с волнением прикусила нижнюю губу.

— Ты уверен, что я не помешаю тебе?

— Нет, — со смехом произнес он. — Ты же знаешь, что мне нравится, когда ты приходишь.

Снаружи завывал ветер.

— А что, если буран продлится дольше, чем несколько часов?

Наступила странная тишина.

— Тогда ты сможешь спать в моей спальне. Я приготовлю там кровать, а сам буду спать внизу, чтобы следить за огнем в камине.

— Я сожалею, что доставляю тебе столько хлопот, — прошептала я.

— У меня не бывает гостей, поэтому мне приятно, — упрямо ответил он.

От порыва ветра задребезжали стекла в окнах, и я заволновалась. Но у меня вдруг возникла гениальная идея.

— Кит?

— Да?

— Ты можешь кое-что для меня сделать?

— Ты хочешь поехать домой? — спросил он, его голос звучал разочарованно, я даже почувствовала сожаление от его разочарования.

Я энергично отрицательно затрясла головой.

— Я хочу, чтобы ты стал моими глазами. Я никогда не бродила по городу во время снежной бури, и я хотела бы ее увидеть твоими глазами.

— Да?

— Может ты что-нибудь придумаешь. Я полностью тебе доверяю.

Кит видно не совсем был рад моей идеи, но я была просто счастлива. Я хотела находиться там, в центре кружения снежного бурана.

— Хорошо, надевай пальто и пойдем на террасу.

Я быстренько надела пальто, он подошел ко мне и протянул теплый шарф. На шарфе еще остался его запах, и у меня сжался живот в кулак. Я обмотала его вокруг шеи, он протянул мне пару толстых мужских перчаток. Я надела их и вышла в открытую входную дверь. Сильный порыв ветра принес пушистые хлопья снега, которые ударили мне в лицо. Я ахнула и засмеялась от колючего ощущения и почувствовала, как он на меня посмотрел.

— Скажи мне, что ты видишь, — попросила я.

— Холодно... здесь. — Он остановился. — Очевидно, ты сама это заметила, — сказал он как-то неловко. — Ветер очень сильный... э-э... извини. Давай я начну все сначала.

Я ободряюще ему улыбнулась.

Он молчал пару минут, потом посмотрел в сторону.

— Волки сбились здесь в стаю. Наблюдают за нами, но не подходят ближе. Когда идет такой снег, они такие красивые.

— Пошли, — сказал он, взяв меня за руку. Мы спустились по ступенькам и остановились. Сильный ветер кидал в нас снег и трепал на мне пальто, словно лоскуток.

— Ты же уже знаешь подъездную дорогу, да? — прокричал он, пытаясь перекрыть завывание ветра.

Я обернулась на его голос и кивнула.

— Так вот, по обе стороны от дороги посажены молодые деревца.

— Кедр, — прокричала я с огромной улыбкой. — Даже зимой я чувствую их запах.

— Точно, — одобряюще произнес он. — Они почти согнулись до земли от такого сильного ветра. Гул, который ты слышишь, от огромных кедров, которые стоят вдоль дороги и их пытаются сломить буран. Но они крепкие и могучие, им ничего не будет.

Снегопад усиливается, я чувствую это по количеству снега, которые заволакивает нас, Кит прокричал:

— Сейчас, пурга стала еще сильнее, вокруг все белое, я даже плохо вижу перед собой. Я уже не вижу больших высоких кедров.

Через час мы приломили хлеб, если можно так выразиться.

— Я думал, что ты не умеешь готовить? — воскликнул Кит, садясь напротив меня за кухонный стол. — Очень вкусно.

На самом деле, неплохо, и я была горда собой. Я запекла куриные грудки, которые нашла в морозильнике Кита, и подала их вместе с брокколи и картофельным салатом. Хотя мне пришлось попросить Кита помочь мне на кухне, но большую часть работы я проделала сама.

Я чувствовала, как он все время внимательно наблюдал за мной, удивляясь моей способности готовить. Ладно, я преувеличила свое мастерство немного, но было приятно, что он восхищался мной.

Кит был не очень разговорчивым, но я была счастлива, когда мы сели за стол, а снаружи продолжал завывать и свирепствовать ветер.

Наконец, Кит отодвинул пустую тарелку и с удовлетворением выдохнул.

— На самом деле, очень вкусно. Уже и не помню, когда последний раз я так хорошо ел.

Я радостно заулыбалась.

— Хорошо! Я рада, что тебе понравилось.

Я взяла последний кусочек и тоже отодвинула пустую тарелку подальше от себя.

— Я помою посуду, — сказал он, вставая.

— Тогда я помогу.

Я взяла тарелки и понесла их к раковине. Он мыл, а я вытирала полотенцем в полной тишине. Мы слаженно работали вместе. И было как-то по-домашнему уютно. Я повернулась к нему, как только вытерла последнюю ложку.

— Хочешь, я тебе прочитаю? Мы почти уже закончили книгу.

— Нет, может выпьем кофе в гостиной? Там более комфортно, ты можешь свернуться на диване под одеялом.

Я последовала за ним в гостиную, здесь сильнее через окна слышалось завывание ветра. Я свернулась калачиком на одной стороне дивана, Кит опустился на колени у камина и подбросил дров в огонь. Он прошел через комнату и вернулся с толстым, мягким одеялом, протянув мне его в руки.

— Я приготовлю кофе. Укутывайся, — сказал он. — Дом не очень-то утеплен, поэтому здесь может быть чертовски холодно, даже с горящим камином.

Я сидела, прислушиваясь к огню, как похрустывая трещали дрова, и волкам, которые передвигались по крыльцу. Было такое чувство, словно их там не один десяток, и они собирались в стаю, чтобы греться друг от друга. Они притаились там, так же, как и мы, пережидая снежную бурю.

Кит принес кофе, его шаги звучали приглушенно. Я обхватила двумя руками горячую кружку и сделала глоток. Две ложки сахара. Он сел в кресло напротив, и мы стали пить кофе. Тепло огня расслабляюще действовало на него, он стал более разговорчивым. Он рассказывал мне о своей матери и что почти десять лет не был дома.

— Почему?

— Потому что я не стал тем героем, которого она хотела во мне видеть.

— Что ты имеешь в виду? — с удивлением спросила я.

Он издал звук сожаления.

— Она так была горда, когда меня забрали в армию. Она рассказывала всем соседям, что я ушел служить и даже поставила флаг возле дома. Она предполагала, что я вернусь домой, украшенный медалями. Но все пошло не так. Посттравматический синдром — это не медаль, и этим она уж явно не сможет похвастаться в своем клубе по садоводству.

— Я думаю, ты ошибаешься. Мне кажется, твоя мама любит тебя, несмотря ни на что и хочет, чтобы ты вернулся.

— Ты так говоришь, потому что не знаешь мою мать. Пока я не вернулся, она все еще может говорить своим друзьям, что я герой. Ни один из ее окружения, не будет восхищаться ею, а наоборот, будут сочувствовать несчастью, что она имеет такого сына, каким оказался я.

— Мне кажется, ей очень повезло. Ты до сих пор жив. Ну и что, что у тебя нет ни одной медали? — неистово закричала я. — Я бы отдала все, чтобы вернулись мой отец и брат. И меня совершенно бы не волновало, есть у них медали или нет, и страдают ли они от ПТС. Я просто хотела бы, чтобы они были рядом со мной. Несмотря ни на что.

Голос Кита стал совсем тихим.

— Что произошло?

Прямо в центре груди, я почувствовала давнюю боль. Я побольше укрылась одеялом, меня вдруг прошиб озноб, несмотря на пылающий огонь в камине.

— Мой отец погиб от бомбы в Афганистане, — голос звучал хрипло. — Брат был застрелен в Ираке. Сначала его сослуживцы думали, что он выживет. Они даже отвезли его на базу, но он умер в больнице.

Кит глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Я не знал, — сказал он. — Сожалею.

— Потерять брата было еще более тяжелее, чем отца. Мама и я пришли в полный ужас, но когда он был в больнице, у нас теплилась надежда, а потом все. Он был таким молодым. Это неправильно. Никто не должен умирать таким молодым. — У меня по всему телу прошла дрожь. — Он о многом мечтал. Потом долгое время я ненавидела военных, и я не могла даже находиться с ним в одной комнате.

Я замолчала и сморгнула навернувшиеся слезы.

— А теперь? — спросил он, в его голосе слышалось что-то, но я не смогла понять что именно.

— Теперь я немного успокоилась и пришла сама с собой к соглашению. Я знаю, что отец и Брэд добровольно пошли на это. Они гордились тем, что служат своей стране. Так же, как они сделали свой выбор, я сделала свой. Я *никогда в жизни* не свяжусь с военным.

Он издал странный горловой звук.

— Не пойми меня неправильно, я не возражаю, если он служил в армии. Я не переносю действующую военную службу, — добавила я и почувствовала, как покраснели моя шея и щеки. Я надеялась, что не слишком очевидно высказала свою мысль, потому что он не был в моем списке НИКОГДА В ЖИЗНИ, но я отчего-то забеспокоилась, поэтому открыла рот:

— Просто, быть замужем за действующим военным, для этого нужно определенное мужество, я точно им не обладаю. Я бы все время жила в страхе, боясь потерять его. Я знаю это, потому что видела, как переживала моя мама. Потеря своих мужчин сломили ее. После их гибели она так и не смогла оправиться. Даже когда ей диагностировали рак, она не стала бороться, ей было все равно. Она ходила на один курс химиотерапии, а потом просто

сдалась. Перед смертью она извинилась передо мной, что оказалась для меня ужасной матерью, но она не могла больше жить, не хотела. Вот почему я не люблю военных, потому что армия забрала у меня всю мою семью.

Наступило долгое молчание, прежде чем Кит снова заговорил:

— И у тебя больше нет родственников?

— Бабушка и дедушка со стороны мамы до сих пор живы. Они переехали во Флориду, когда я была маленькой, но мы фактически не общаемся. Они отправляют мне подарок на Рождество, как правило, книги.

— Я уважаю твое решение, но существует еще и дело случая. Ты можешь влюбиться в человека, который к армии не будет иметь никакого отношения, но тебе никто не даст гарантий, что ты не потеряешь его. Ты можешь потерять его случайно. Автокатастрофа. Или самолет разобьется. Да, даже поскользнулся и упал дома, ударился головой об угол. Именно это и случилось с моим дедом.

— Ой, прости, Кит.

Кит откашлялся.

— Я был лишь ребенком. Я уже совсем не помню его. Он споткнулся обо что-то в сарае и сильно ударился головой об угол старого плуга. И все...

Я кивнула.

— Я знаю, что мое решение кажется тебе нелогичным, но боль тоже не логична. Мое решение не логично, но чувства моего сердца единственное, что поддается логике.

Мы долго молчали.

— Ты должен меня понять. Ты потерял друга женщину, которая произвела на тебя впечатление.

— Да, я понимаю. Иногда происходят вещи, которые не имеют никакого смысла. — Его голос стал неожиданно низким и грустным. Он поднялся и подошел ко мне. Диван прогнулся с противоположной стороны под его весом. Снаружи стонал ветер. Ветки непрерывно царапали и бились об угол дома. А внутри было тепло, безопасно и уютно.

— Как ее звали? — спросила я.

<https://www.youtube.com/watch?v=bqIxCtEveG8>

— Валери. Валери Перлман.

— Расскажи мне о ней, — тихо попросила я.

— Многие парни утверждают, что они круче, чем женщины военные, но когда дело доходит до сути, они даже в подметки не годятся таким женщинам. Многие не могут избавиться от ощущения, что им придется каким-то образом прикрывать или компенсировать их физическую силу. Ведь невозможно избавиться от факта, что женщины физически слабее мужчин.

Кит фыркнул.

— Эти парни просто никогда не встречались с Валери Перлман. Черт, эта женщина давала фору всем нам, парням. Она была намного жестче, намного круче. Короче она чуть ли не уделала нас всех! Независимо от пристрастий я бы исчез после моего первого похода вместе с ней. Она была, черт, она была что-то с чем-то. Нет слов, она была самым храбрым человеком, которого я когда-либо встречал, либо самым глупым, и к концу похода она стала для меня сильнейшим союзником.

— Что с ней случилось?

— Валери была убита боевиками в ходе операции в Мосуле, — тихо ответил он.

Я втянула носом воздух. *Вот еще одна жизнь, которую так рано отняли.*

— В тот день было убито еще трое моих приятелей, но Лера... она была единственная, кто сам выбрал смерть.

Я услышала его тяжелый вздох.

— Мы не должны были туда идти. Но нас отправили именно туда из-за неверной информации. В здании никого не было. Я понял, что это ловушка прежде, чем мы вышли из него, но другого пути вернуться назад не было. Мы уже были на половине дороги, когда прямо в центр нашей группы приземлилась бл*дь граната. Мы разбежались, но мой ботинок зацепился за что-то в земле. Я стал падать. Валери повернулась, посмотрела на меня и... — Кит глубоко вздохнул. — Бросилась на гранату.

— О, Боже! — прошептала я.

— Господи, Лара. Я всего лишь споткнулся. Обо что-то на дороге, может о корень дерева и упал. А Валери умерла. — Он испустил горький смех. — Кто-то однажды сказал, что жизнь — это череда несчастных случаев, приводящих к смерти.

— О, Кит, я так сожалею, — спокойно произнесла я.

В комнате повисли его прошлые воспоминания. Я чувствовала, что он с трудом сдерживается. И я ничего не могла поделать, поскольку слезы струились у меня по щекам.

Кит встал и прошелся по комнате раз, другой.

— Вау, мы бултыхнулись здесь в серьезное дерьмо.

Я не знала, как реагировать, поэтому сказала первое, что пришло на ум:

— Я могу тебе увидеть?

Кит тут же остановился.

Я протянула руки.

— Могу я... могу я дотронуться до твоего лица? Я все время интересно, как ты выглядишь.

— Почему сейчас?

— Я бы хотела увидеть лицо человека, в доме которого проведу ночь.

Он, словно замороженный, стоял посредине комнаты, а потом сказал:

— Валери спасла мне жизнь, приняв на себя основной удар взрыва, но не весь. У меня остались ужасные шрамы, Лара. — Он казался настороженным и отстраненным, словно ожидая, что я откажусь дотрагиваться до него.

— А разве не у всех так? Твои просто более заметны, чем у большинства людей, — тихо ответила я.

— Ты прямо как психолог.

Я молча опустила голову, смутившись, что попросила его о столь личном. Я никогда раньше не совершала ничего такого, настолько смелого.

Потом я услышала, как он подошел ко мне. Шаги были тихими, но решительными. Он опустился на колени перед диваном.

— Я позволю тебе увидеть мои шрамы, если ты позволишь мне увидеть твои глаза.

Я сняла очки и положила их на колени.

— У тебя совершенно нормальные глаза. Почему ты их прячешь? — в его голосе слышалась теплота, его голос стал каким-то глубоким.

— Отец купил их мне. Думаю, он боялся, что кто-нибудь скажет что-то оскорбительное о моих глазах.

— Оскорбительное? — удивился он. — Они такие, — он помолчал, — привлекательные. Они такие прекрасные, как молочно-голубой мрамор. Когда ты приходишь ко мне, мне бы хотелось, чтобы ты не надевала очки.

Я молча кивнула. Никто никогда не говорил мне, что мои глаза красивые. Даже мама, а я знаю, никто не любил меня больше, чем она.

Он взял мои руки в свои, его руки были теплыми. Медленно он поднял наши руки к своему лицу, ко лбу. Кожа у него на лице была еще горячее, чем его руки, как будто он покраснел.

Осторожно, я пробежала кончиками пальцев по его горячей коже. У него был широкий лоб, гладкий. Прямые, шелковистые волосы падали на него. Брови были густыми, нос большой с горбинкой. Возможно, был когда-то сломан. Его ресницы были удивительно короткими и острыми. На щеках была вечерняя щетина. А его губы были потрясающе мягкими и полными, особенно нижняя губа, и шрамы — я обнаружила их на левой стороне лица. От внешнего угла глаза тянулись вниз к подбородку. Они были гладкими и выпирающими, как бы выгравированные болью и страданием. Я была очарована ими, слегка их очерчивая одним пальцем.

Сначала Кит вздрогнул, как только я коснулась их, но я обхватила его лицо своими руками.

— Тебе идут шрамы. Человек, живущий сам по себе, на краю горы, должен иметь такое лицо, — сказала я. — Они похожи на историю твоей жизни, написанную у тебя на лице, на языке, который только ты можешь понять.

Наступила долгая минута молчания, потом он произнес:

— Ты так говоришь, словно они прекрасны.

— Они не прекрасны. Ты прекрасен.

Я почувствовала, как под моими руками у него напряглась челюсть. Потом он положил свои руки на мои.

— Спасибо, но это не правда. Я весь в рубцах и совсем непривлекательный человек. Мною можно пугать маленьких детей, — сказал он.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет. Ты ошибаешься.

Между нами пульсировало что-то дикое и импульсивное, и не знаю, что меня дернуло, но я наклонилась вперед и прижалась своими губами к его губам.

Кит резко выдохнул и моментально отпрянул. В ту же секунду я поняла, что, возможно, неправильно истолковала эмоции между нами. Скорее всего, я совершила ужасную, самую ужасную ошибку. Жар опалил мне лицо, я открыла рот, чтобы извиниться, но воздух вокруг пришел в движение и на меня налетели губы Кита. Он обхватил меня своими большими руками за плечи и притянул к себе.

Он был настолько осторожен, даже нерешителен, словно боялся, что может меня сломать. Его щетина прижалась к моему подбородку, напоминая о том, насколько он весь мужской. Мне вдруг захотелось потрогать все его тело, а не только лицо. Я заскользила рукой вниз по его груди, и этого оказалось достаточно, чтобы он потерял контроль.

Его язык вторгся в мой рот, безжалостно, требовательно и нетерпеливо, украв мое дыхание. Его руки запутались в моих волосах. Он сжал их в кулак и стал аккуратно, а потом сильнее наклонять мою голову назад, чтобы углубить поцелуй. Чем больше он возбуждался, тем сильнее я ему отвечала, пока мы оба не оказались на диване, лежа друг на друге, со страстью целуясь, невозможно было сказать, где из нас заканчивался один и начинался другой.

Кит терся об меня своим телом, сначала один раз, потом второй. Я чувствовала его эрекцию, выпирающую и горячую сквозь нашу одежду. Потом я услышала его стон, исходивший из глубины груди. У меня так сильно заколотилось сердце, что его стон я почувствовала всем своим телом, особенно в центре внизу, я почти таяла вся изнутри.

Вдруг он резко отодвинулся.

Я лишилась его тепла, отчего мне стало холодно, в прямом и переносном смысле. Я села и потянулась к нему, но он нежно поймал мои руки и опустил их мне на колени.

— Мы не должны, — жестко произнес он.

— Почему? твою спросила я, мой голос совершенно был не похож на мой обычный голос, в нем слышалась похоть и смущение.

— Тебе просто придется поверить мне на слово, я не должен, — пробормотал он.

Я отчетливо услышала железные нотки самоконтроля в его голосе. Он поднялся на ноги и зашагал прочь, его шаги были громкими и быстрыми, как будто он хотел убежать от меня. Потом он остановился в дверях.

— Я приготовлю тебе постель.

И ушел. Я слышала, как он бежал по лестнице через две-три ступеньки, в то время, пока я ошарашено сидела на диване.

Что за, черт побери, только что произошло?

<https://www.youtube.com/watch?v=-7XwK2ytJFQ>

Я все еще не мог поверить в то, что только что произошло в гостиной.

Мы минуту до этого просто разговаривали, а в следующую минуту она дотронулась до моего лица, а потом я не успел и глазом моргнуть, как мы стали целоваться, да еще как целоваться, пожирая друг друга, словно не могли насытиться.

Черт, я почти потерял голову.

Я чувствовал себя с ней дикарем, с трудом заставляя себя уйти, прежде чем бросил бы ее на пол, сорвал с нее всю одежду и делал бы все, о чем мечтал с первого дня, как только ее увидел.

Мои яйца болели, желая получить ее сладкую киску, но я был рад, что ушел. Это было очень тяжело, оторваться от нее и уйти, я бы сказал даже — самая трудная вещь в моей жестокой жизни, но на сей раз я сделал все правильно. Я видел в ней нежный маленький цветок и не хотел раздавить его своим грязным ботинком. Я точно ей не подхожу. Она настолько милая, невинная крошка, я же привык один спать в своем спальном мешке и не хотел, в конце концов, причинять ей боль. Разбивать ее невинное сердце.

Я уставился на раскаленные угли в камине. Я не привык спать в тепле, но мне хотелось, чтобы в доме было тепло ради нее. Передо мной возник ее образ, спящей в моей кровати. Тут же желание с новой силой запульсировало в моих яйцах. Мне необходимо перестать думать о ней. Около часа назад пурга стихла. Может, мне стоит пойти на крыльцо и посидеть со своими волками. Холодный воздух охладит мою разгоряченную кровь.

Я сделал несколько глубоких вдохов. Вдох-выдох. «Просто дыши», — говорил я себе.

И когда я полностью вернул себе контроль, услышал шаги по лестнице. Я замер. Это была она. Она поднималась сюда. Еще пару скрипов ступенек и она оказалась в дверях. Она была так чертовски по-прежнему красива, похожая на статую.

Я жадно оглядывал ее тело. Она была так прекрасна в окутывающей ее темноте. Ее медового цвета волосы были распущены, струясь по спине, и они блестели, как полированное золото в свете огня. В мерцающем свете ее лицо было как у ангела. Она пришла босиком. Мой член стал твердым, как камень. Я хотел ее каждой клеточкой своего тела. Каждая живая клетка моего тела взывала, желая попробовать ее вкус.

— Скажи мне, почему мы не должны? — негромко спросила она.

Я не мог не двинуться, ничего сказать, я был просто парализован. Она уловила звук моего дыхания и направилась ко мне. У нее не было с собой трости, поэтому она двигалась осторожно, вытянув одну руку вперед, аккуратно делая шаг, как бы испытывая пол на прочность. Она приближалась, пока ее рука не уперлась в мою грудь. Она остановилась и заскользила руками по моим рукам, плечам, пока не дошла до моего лица, взяв его в свои руки.

— Я хочу узнать, почему мы не можем, — настаивала она.

Я схватил ее за руки и с трудом сглотнул.

— Я не хочу ничего предпринимать, о чем потом ты могла бы пожалеть, и наша дружба бы сошла на нет. Сейчас же все отлично с нами... дружбой, не так ли?

Она приоткрыла свои пухлые губы и выдохнула.

— Да, но я хочу большего.

— Лара, дорогая.

— Мне нравится, как ты произносишь мое имя, — промурлыкала она. — Оно звучит так экзотично. Не знаю, как у тебя так получается, но так получается только у тебя.

Я прокашлялся и осторожно сделал шаг назад.

— Лара...

— Видишь? Ты опять его произнес по-своему.

Она казалась такой маленькой и хрупкой, я мог бы сокрушить ее голыми руками.

— Знаешь... мы можем все испортить. И ты прекрасно это понимаешь, не так ли? У меня довольно долго не было такого друга, как ты.

— А любовницы? Когда последний раз у тебя была любовница?

Я подавился собственной слюной. У меня внутри все сжалось с такой силой, что член заболел. Единственное, чего я хотел, это трахать ее, а мне приходилось придумывать какие-то бредовые отмазки. Сердце колотилось как ненормальное. Я слышал в ушах стук своей крови.

— Охренительно долго, — пробормотал я.

— Сколько долго? — не отступала она.

И на меня нахлынули далекие воспоминания, слишком далекие и чертовски грустные. Женщина, с которой я встретился в выходные. На пляже. Проститутка, но она была добра ко мне. Она посмотрела на мой член и поцеловала меня в губы, тем самым показав, что я не вызывал у нее отвращения. «У тебя самый большой член, который я видела, а я повидала их много, солдат», — сказала она. Напоследок она дала свой телефон, если мне снова понадобится облегчение, но я так и не позвонил ей. Пока я освобождал свой член в ее горло, перед моими глазами возник Мосул. Белый свет от взрыва, и Валери, превратившаяся в кровавые куски мяса.

— Больше года, — прошептал я. — Наверное, около двух.

— Да... это не то, что я ожидала услышать, — сказала она с улыбкой. — Ты настолько чертовски сексуален, не знаю, как женщины могут держать свои руки подальше от тебя.

Ах, Лара, Лара, моя куколка. Посмотри на себя, ты говоришь все правильно. Все мое тело было словно в огне.

— Ты на самом деле пытаешься меня соблазнить? Меня? Парня, с черт побери, обожженном лицом. Даже если это так, то это ни черта не работает.

Она снова сделала шаг вперед и положила руки мне на плечи, и я не мог больше ни о чем думать, кроме как о ее великолепном теле, скрывающемся под одеждой.

— Лара... ты бл*дь уверена? — прошептал я хрипло.

В ответ она прижалась ко мне телом. Я позволил ей своим восхитительным телом вплотную вжаться в себя. Затем я опустил нас на спальный мешок. К моему удивлению, она оседлала меня без робости и смущения.

Зарывшись руками в мои волосы, она обхватила меня за голову, а ее губы и язык творили чудеса у меня во рту, затем она медленно стала оставлять легкие, как крылышки бабочки, поцелуи на моем подбородке. Когда она поцеловала меня в шею, я понял, что нахожусь в точке невозврата.

— Последнее предупреждение, — с трудом выдавил я. — Опустись ниже, и я буду внутри тебя всю чертову ночь.

— Обещаешь?

Ее хихиканье была таким беззаботным, как у ребенка. Это испугало меня до чертиков. Я отстранился, но она схватила меня за рубашку и притянула ближе, еще ближе к себе.

— Я предлагаю тебе свое тело, пожалуйста, не говори нет, — очень тихо сказала она.

Очевидно, у нее не было сомнений по поводу меня, по крайней мере, черт побери, она не воспринимала меня тем грязным ботинком, который может растоптать цветок. Скорее она воспринимала, что я мог его выкопать и посадить на своей земле, чтобы он стал навсегда моим. Я обхватил ее за талию и перекатил нас на спальном мешке, пока мы оба правильно не растянулись на нем. Ее голова лежала на моей подушке, а я возвышался над ней, клянусь, я никогда не видел ничего более прекрасного, более невинного, и самого желанного, чем она. Меня трясло от желания.

— Ты моя, черт возьми, — прорычал я, как какой-то чертовый неандерталец.

— Да, — яростно зарычала она в ответ. Сейчас она совершенно не была похожа на женщину, с которой я познакомился. Теперь ее не беспокоили тонкости общения.

И ее руки скользили повсюду. Я редко с кем так хотел быть и меня это радовало. Мне нравилось, что маленькая кошечка стала тигрицей в постели. Я целовал ее, пока она не стала задыхаться, чтобы глотнуть воздуха. С ней было необычно, не похоже ни на что. Она не притворялась крутой и жеманной. Она занималась любовью точно так же, как поедала кексы. С полной отдачей, наслаждаясь каждой секундой.

Мы по-прежнему были одеты, но это был определенно следующий этап на повестке нашей ночи, она выгнулась и с беспокойством потянула за низ своего свитера. С помощью нескольких простых движений я отбросил его прочь, и увидел сочные, полные груди в воздушных кружевах.

Я пробежался губами по изгибу ее груди. Она пахла так прекрасно, я изучал ее своим языком, в надежде найти определенные местечки, которые распалили бы еще больше. Она вздрогнула, когда я стал двигаться вниз по ее животу, потом снова поднялся вверх, поддразнивая ее.

— Сними рубашку, — попросила она. — Я хочу почувствовать твою кожу.

Я сел и сделал именно так, как она попросила. И лег на нее сверху, она обняла и с силой прижала меня к себе, мой вес вжал ее в пол.

— Ты не сможешь дышать, — предупредил я.

— Полежи так, — прошептала она, ее глаза были закрыты, а губы расплылись в улыбки от удовольствия. Я снова поцеловал ее в губы, не в силах устоять перед ее полными губами, но она продолжала удерживать меня в своих объятиях, пока ей не потребовалось глубоко вздохнуть.

— Ты чувствуешь настолько чертовски хорошо.

Я засунул палец под ее кружевной бюстгальтер. Жесткий, набухший сосок был спрятан под тканью. Я нежно прикоснулся к нему, она выгнулась, подставляя свою грудь ближе к моим губам, требуя большего.

— Ты постоянно носишь такие сексуальные бюстгальтеры?

— И такие же трусики, — ответила она с хитрой усмешкой. — Тебе стоит на них посмотреть.

— О, ты так думаешь? — Я поразился, с каким нетерпением она ждала моих прикосновений. У нее абсолютно отсутствовали комплексы по поводу своего тела. Даже самым красивым женщинам, с которыми я зависал раньше, требовалось мое одобрение, что я находил их привлекательными. У Лары эта черта напрочь отсутствовала! Она просто не могла себя ни с кем сравнить.

Я медленно потянул вниз молнию на ее джинсах, поддразнивая нас обоих. Конечно же, трусики были из того же комплекта, что и бюстгальтер.

— Похоже, что ты подготовилась. — Сказал я, вычерчивая губами дорожку вниз, по ее животу до резинки трусиков.

— На самом деле, я всегда ношу такое белье, — призналась она. — Мне нравятся такие текстурные ткани.

Я лизнул дорожку над резинкой. Она ахнула и сильнее вцепилась мне в волосы. Я дернул вниз ее джинсы, она приподняла бедра, чтобы мне помочь. Когда я, наконец, их снял, она положила свои длинные, гладкие ноги мне на плечи.

Это было приглашением, в котором я так нуждался.

Я целовал и лизал внутреннюю поверхность ее бедер. Она извивалась подо мной от ожидания, которое было заметно в промежности ее трусиков, ставшей мокрой. Я дотронулся до ее промежности через ткань, и ее вырвавшийся стон, заставил мой член сильно запульсировать.

Почти задыхаясь от возбуждения, я отодвинул ее трусики на одну сторону, мне необходимо было увидеть ее киску. Мать твою. Я не мог оторвать от нее глаз. Бл*ть, розовая, сладкая, такая же мягкая, как ткань на ее трусиках, которые теперь липли к ее великолепной заднице.

Она была похожа на произведение искусства, которое должно принадлежать какому-то чертовому музею или храму. Одному из тех мест, куда народ ходит поклоняться, не такие некультурные нехристи, как я. Мой рот наполнился слюной.

Она застонала, как только я прошелся языком по ее мокрым припухшим складкам. Ее

маленькая киска была мягкой, как лепестки цветка и сладкой, как нектар. Я глубже погрузил язык, с жадностью насыщаясь. Ее запах пьянил меня, я не мог им насытиться.

Мое голодное насыщение ею, вызвали у нее еще более громкие стоны, как только я достиг местечка, которое ей нравилось больше всего. Она еще больше запуталась пальцами в моих волосах, приподнимая бедра к моему рту и выгибаясь всем телом.

Я начал языком изображать всевозможные фигуры. Попад в самую чувствительную точку, которая вызвала у нее дрожь и еще больше возбуждала, я сильнее прижал ее киску к своему рту, пока лизал, сосал, поклонялся ей, найдя определенный ритм, заставивший ее стонать от экстаза, извиваясь всем телом, как маленький угорь.

— Не смей останавливаться, — зарычала она, наслаждаясь удовольствием.

Не волнуйся, милая. Я ни за что не остановлюсь. Я усиленно сосал бугорок, налитый кровью. Заняло меньше минуты, ее тело выгнулось. Она толкнулась своей киской еще глубже мне в рот и пронзительно закричала. Она безвольно обмякла подо мной, полностью насытившаяся... правда, ненадолго. Ее маленькая киска пульсировала под моим языком от сильного оргазма.

— Черт побери, это было так... обалденно! — сказала она со смехом.

Липкий, сладкий ее нектар был вокруг моего рта, я облизал губы, прежде чем опустился рядом с ней. Я потер пальцами ее сосок через кружево бюстгалтера. Он был твердым, как камень. Прошло совсем мало время, она пришла в себя и поднялась на локте.

Ухмыльнувшись сказала:

— Теперь твоя очередь.

Она пошарила рукой по моим джинсам, отыскала кнопку, а потом стала открывать молнию. Она немного замешкалась, и я помог ей стянуть с себя джинсы. Как только джинсы очутились на уровне моих щиколоток, я отшвырнул их куда попало, подальше.

Теперь между нами ничего не было, если не считать моих стареньких боксерок. Я приподнял бедра, и она подцепила пальцами пояс, спуская их вниз, мой член выпрыгнул, полностью готовый к ее вниманию. Он так сильно пульсировал, желая проникнуть внутрь ее шелковистой теплотой киски, что, на самом деле, мне было больно.

Терпение, Кит, терпение.

Передвинувшись на карачках ко мне, она перекинула ногу через меня и теперь возвышалась над моими обнаженными бедрами, ее мокрая киска была открыта моего взору. В свете огня от камина она была такой красивой. Она заскользила руками вверх по моим бедрам. Ее руки были такие мягкие и восхитительные на моей коже. Ее рука наткнулась на мой вертикально стоящий член и тут же обернулась вокруг него. Мы ахнули одновременно. Я — от внезапного трепета ее нежной руки, сжимающий член, она — от шока его размера.

— Ты такой огромный, — с изумлением прошептала она.

— Да, — ухмыльнулся я. Я знал, что был большим. Мне все время об этом говорили.

Она слегка провела рукой по пульсирующим венам по всей длине. Член дернулся от ее прикосновения. Ее рука была прохладной, она медленно скользила пальцами, как бы изучая каждый дюйм своими руками скульптора. Словно она старалась его запомнить, почувствовать кожу на ощупь, такого со мной не делала ни одна женщина раньше.

— У тебя такая атласная кожа, но мне кажется, он сердится. Да? — спросила она, на ее лице отражалось любопытство, когда она наклонила голову в одну сторону.

— Нет, милая. Он не сердится. Он чертовски возбужден от одной лишь мысли, желая заполнить каждый дюйм твоей мокрой киски.

Она мило покраснела.

— Он напоминает мне дикого быка.

— Точно. Он просто ждет, когда откроются ворота, чтобы можно было тебя объездить.

— И он весь поместится внутри меня? — удивленно спросила она.

— Мы будем двигаться медленно, — успокоил я ее.

— Не волнуйся. Я вообще-то не боюсь. Я хочу, чтобы ты вошел в меня.

— Хорошо, потому что я умираю, желая оказаться внутри.

— Могу я попробовать тебя сначала? — спросила она.

Мне хотелось что-то ответить, но клянусь, я вошел в ступор и потерял дар речи.

Я смотрел, загипнотизированный, словно в замедленной съемке, как она перекинула свои сияющие локоны назад, через плечо, и опустила голову медленно-медленно, изрядно меня мучая, к моему члену. Она пару раз прошлась рукой вверх-вниз, чувственно лаская, я даже уже чувствовал ее дыхание на своей головке.

Потом я увидел, как она приоткрыла рот и взяла головку члена. Я сжал в кулаки ткань дешевого спального мешка, пытаюсь сохранить некое подобие контроля. Это было не просто, не потому, что я так давно не был с женщиной, а из-за того, что она была настолько естественно сексуальной, такой красивой, единственной, которую я так сильно когда-либо желал. Теперь она была в моей спальне на полу, совершая умопомрачительные вещи с моим телом.

— Это было очень много, чтобы вытерпеть за один раз.

Она скользнула вниз, потом вернулась вверх. Меня передернуло от удовольствия, когда она слегка закружила языком по члену, с каждым разом поглощая его все больше и больше, насколько могла. Она лизнула щель на головке, на которой появилась капля, как бы смакуя и пробуя ее на вкус, потом снова лизнула.

— Ммм... вкусно.

Она опять опустила свой рот и начала сосать, как бы доя меня. Это было настолько сексуально, меня заводила одна мысль, что ей нравился вкус моей спермы. Я застонал, находясь на краю гигантского оргазма.

— Ты хочешь, чтобы я кончил тебе в рот или в киску? — с трудом прохрипел я.

— Внутрь письки, — пробормотала она, не отрываясь от моего члена.

— Тогда тебе лучше остановиться, потому что я не могу больше выдержать, — застонал я.

— Хорошо, — ответила она, но снова продолжила сосать мой член. Я закрыл глаза и попытался сохранить остатки выдержки, но хрен мне, я готов был взорваться ей прямо в рот, если она не оторвется от меня сию же секунду.

— Лара, стой, — зарычал я, схватив ее за голову.

Она выпустила мой член изо рта, устроив настоящую провокацию, скользя своим кончиком языка по всей его длине. Потом она села и облизнула губы.

— Я не знала, что мужской член может быть таким вкусным, — нахально произнесла она.

Я снял ее с себя и поднялся на локтях. Где-то у меня была коробка с презервативами. Интересно, их можно еще использовать, или срок годности истек? Бл*дь, если бы я знал. Я очень давно их покупал.

— Подожди здесь, — приказал я и умчался вниз. Я влетел на кухню, схватил коробку, по дороге выхватывая один. Как только я стал срывать фольгу, Лара опять удивила меня.

— Разреши мне потрогать, как ты это делаешь, — попросила она.

Надевание презерватива раньше для меня никогда не было таким интимным действием. Ее руки были на моих, я развернул упаковку и стал раскатывать резинку по всей длине. Она помогала мне надеть его, потом она заскользила своими руками вверх по моему телу, остановившись на моих плечах. Я опустил ее на себя, и дотронулся членом до раскрытых губ

ее киски. Она притихла и не двинулась ко мне навстречу. Я заметил первый признак ее неуверенности с тех пор, как она пришла ко мне в спальню.

— Лара?

— Я хотела бы, чтобы ты знал, — прошептала она, — я никогда не делала этого раньше. Потребовалось мгновение, чтобы меня накрыла холодная волна.

— Ты никогда не делала этого раньше, чего? — медленно спросил я.

— Ну, этого, — просто ответила она.

Я был ошеломлен. Какого хрена? Она была так настойчива и... сексуальна. Я подумал, что она уже занималась сексом. Факт, что она никогда не занималась сексом, напугал меня. Я никогда не занимался сексом с девственницами. Бл*дь, я, мать твою, никогда не был ни с одной чертовой девственницей! Но мой член увеличился и еще больше отяжелел, если такое вообще было возможно, от одной мысли, что я войду в ее киску, в которой еще никто не был.

— Ты уверена, что хочешь этого? — спросил я ее. — Потому что это серьезное дело... что если ты пожалеешь об этом позже?

— Не пожалею, — прошептала она мне в рот. — Я хочу, чтобы это был ты.

— Будет немного больно.

— Мне плевать, — сказала она и пошевелила бедрами, медленно надавливая на мой член и опускаясь дюйм за дюймом. Я прошелся руками по ее спине, обнял ее за талию и ободряющее погладил по бедрам. Изогнувшись, я нежно поцеловал ее в шею, опуская ее на себя. Еще на дюйм вниз, она застыла.

— Ах, — воскликнула она.

— Все нормально. Немного будет больно, — повторил я. Ее киска была настолько горячей и узкой, мне пришлось бороться с самим собой, чтобы тут же не кончить.

Она кивнула и толкнулась еще на дюйм вниз.

— Ах, — снова воскликнула она. Затем она сделала глубокий вдох и с криком погрузилась ниже, обхватывая мою длину своим жаром. Она замерла на три четверти пути. Втянув воздух, она потрогала мой член рукой, чтобы понять сколько ей еще осталось пройти. К ее удивлению там было довольно-таки много.

— Ты не должна в этот раз брать его полностью, — успокоил я ее.

— Хорошо, — ответила она, ее голос звучал хрипло, тихо.

— Больно?

— Да. У меня такое чувство, словно он разрывает меня пополам.

— Двигайся медленно вверх и вниз и боль уйдет, — нежно сказал я, осторожно поглаживая ее щеку пальцами. Она была такой красивой. Такой храброй. Такой идеальной. Я с трудом мог поверить, что она была моей.

Она начала медленно двигаться, захватив мой член своей очень тугой киской, что мне пришлось закрыть глаза и стиснуть зубы.

— О, Кит. Это так здорово. Мне нравится. Я чувствую себя такой наполненной и такой... растянутой, — прошептала она, продолжая двигаться. Потом она глубоко и протяжно вздохнула, и опустила себя вниз полностью на мой член.

Я застонал. Мой контроль держался на тоненькой ниточке. Я чувствовал, как подкатывает оргазм и набирает обороты, но я хотел доставить ей удовольствие. Я крепко схватил ее за бедра, удерживая ее на месте.

— Дай мне минутку, — прошипел я сквозь зубы.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила она.

— Нет. Мне нужна небольшая пауза. Я слишком близок к концу.

Она оставалась неподвижной на мне, а я смотрел, как отблески света танцуют на ее коже, и думал о том, какая же я сволочь, что согласился забрать ее невинность. И это сработало. Почти слишком хорошо. Чувство вины отсрочило надвигающийся оргазм.

Стоило мне ослабить хватку, как она начала вдалбливаться в меня, двигаясь взад-вперед. Сначала ее движения были резкими, она останавливалась, потом опять продолжала, за что я, на самом деле, был ей благодарен, поскольку ее действия дали мне передышку, я восстановил контроль над своим оргазмом, но она быстро поняла, как нужно действовать и ее движения стали плавными и ритмичными. Она наклонилась чуть-чуть вперед, и вскоре стала получать максимальную отдачу от каждого своего удара. Я видел, как она запрокинула голову назад, раскрыла рот от восторга. Она скакала на мне, как будто скакала верхом на быке.

— Мне так нравится, мне так нравится тебя чувствовать, — задыхаясь прошептала она.

Я не мог уже сдерживаться, поэтому протянул руку между нами и дотронулся до ее клитора. Она закричала от удовольствия, но продолжала двигаться в своем ритме, пока я в такт с ее движениями играл ее бугорком. Вскоре по ее телу прошла волна, она стала двигаться все быстрее и быстрее. Вот, когда я присоединился к ее движениям, двигая своими бедрами вверх ей навстречу, мои пальцы в устойчивом темпе кружили по ее клитору.

— Кончи со мной, — попросил я, почувствовав, как ее киска сжала меня словно тисками.

Она вдруг закричала кончая. Я схватил ее за бедра и крепко удерживал напротив себя, препятствуя выливаться сокам из ее маленькой киски, пока не очутился в точке невозврата. Я кончал очень тяжело, у меня кружилась и плыла голова. Глубокие спазмы наслаждения накатывали и накатывали, у меня никогда не было такого раньше, когда я очухался и открыл глаза, Лара рухнула сверху на меня, тяжело дыша, ее тело все еще сотрясала дрожь. Мы оба бились в экстазе.

— Боже мой, — только и смог я выдохнуть.

Опять раздался ее смех, откуда-то из низа живота. Я чувствовал, как вибрирует ее живот от смеха, пока она, лежа на мне, обвивала меня руками.

— Это было потрясающе, — хихикала она. — Через сколько времени мы сможем это повторить?

Слабые лучи солнца струились в окно, они меня и разбудили, после всего лишь нескольких часов сна, когда мы изможденные провалились в дремоту. Я секунду лежал, не шевелясь, чувствуя боль в мышцах, которые уже давно так не работали. Почти не веря, я повернул голову направо, и увидел самую красивую девушку в мире, обнаженную в своей постели.

Дрова в камине прогорели, в комнате стало намного холоднее, поэтому я накрыл ее теплым одеялом, сквозь которые прорисовывалось очертание ее сильного, гибкого тела.

Над одеялом виднелось ее голое плечо, а солнечный свет ласкал ее нежный румянец на щеках. Ее волосы спутались, спадая на лицо и плечи. Ее губы были красными, припухшими от поцелуев. Я вспомнил, какая удивительная она на вкус. Без очков, которые закрывали ее глаза, ее ресницы казались невероятно длинными.

Я аккуратно перевернулся на бок, стараясь не потревожить ее, но мне стоило догадаться, что в тот момент, когда я внимательно ее разглядывал, она так же изучала меня своей собственной уникальной манере.

— Я уже не сплю, — прошептала она, и ее припухшие, красные губы свернулись в улыбку. — Мне нравится просыпаться с тобой.

— Хорошо, — пробормотал я. — По этой причине тебе придется делать это чаще.

— Правда?

— Господи, да.

Она хихикнула и уткнулась лицом в одеяло. Я перекатился к ней и обхватил ее руками. Она прильнула ко мне легко, словно мы делали это миллион раз, по крайней мере, у меня возникло такое чувство. Мой член начал шевелиться, но сначала мне необходимо было заняться огнем. Голый я направился к камину и подбросил дров. Затем я вернулся к ней под одеяло.

— Не жалеешь? — спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

— Ни капельки. Ты дал мне то, что я хотела.

— Я никогда не был... ну, ты понимаешь... ни у кого первым.

— Ты получил то, что ожидал? — застенчиво спросила она.

Да. А что я ожидал? Я обдумывал ее слова пару секунд.

— Нет. Не совсем так. Мне всегда казалось, что девственницы окажутся... ну, не будут знать, что делать, но ты... о, дорогая. Ты превзошла все мои ожидания. Трудно представить, что другой член не входил в твой сексуальный ротик. Я имею в виду, для девственницы ты действовала так уверенно, совершая просто убийственный минет. То, что ты вытворяла вчера своим ротиком, было достойно порно звезды.

— Элейн, — сказала она, словно это был ответ на мои сомнения.

— Элейн?

— Она заставила меня практиковаться, надев презерватив на банан, когда нам было по семнадцать.

— Никогда не мог подумать, что доживу до такого дня, что буду ревновать тебя к гребанному банану.

Она снова хихикнула и уткнулась лицом мне в шею, я не мог видеть ее лица.

— Что? Не говори мне только, что ты стесняешься? После того, что произошло прошлой ночью. Нет, правда? — Женщины все же очень забавные существа. Я, наверное, так и не смог бы их понять, даже если бы дожил до ста лет.

— Одно дело это делать, и совсем другое говорить об этом, — серьезно ответила она.

— Хм... да, — поддразнил я. — Насколько я помню, у тебя не возникло проблем, чтобы это осуществить. Буквально оседлала меня. Воспользовалась мной, на самом деле. Я имею в виду, даже если бы я захотел воспротивиться, ты бы все равно повалила меня на пол, чтобы получить именно то, чего хотела. Я...

— О, не смей так говорить, — засмеялась она.

Я рассмеялся вместе с ней.

— Правда! Я был совершенно беспомощен. Ты была на мне, как желе на арахисовом масле.

Ее щеки зарумянились. Боже, она была такой красивой, что мне захотелось запереть ее у себя в доме и никогда не выпускать.

— Как молоко в каше, твои руки и рот были повсюду, — добавил я, чтобы посмотреть, как еще больше краски проступает у нее на щеках.

— Прекрати, — взмолилась она.

Я сжалился над ней.

— Ох, детка. Вчера ты была совершенно удивительная. Не смей смущаться. Мне очень понравилось, что ты такая смелая и честная... и... страстная.

— Ты снова вгоняешь меня в краску, — пожаловалась она.

Я усмехнулся и погладил ее плоский живот.

— Ладно, я перестану. Ты проголодалась?

— Я умираю от голода. А ты?

— Черт, да, — сказал я, перекатившись и нависнув над ней. Я сдвинул одеяло и посмотрел на женщину, принадлежащую мне. Ее ноги были призывно раскрыты.

— Моя, взгляни на эту мокрую киску. Это все для меня?

— Ты опять собираешься меня съесть? — застенчиво спросила она.

— Конечно. Давай, я покажу тебе насколько я голоден, — зарычал я.

Она одарила меня ослепительной улыбкой и прошептала:

— Пожалуйста.

Я поднял ее ноги и положил на плечи, приподняв ее завораживающие бедра с кровати, прямо к своему рту, именно так я и хотел. Я дунул в ее маленькое раскрытое отверстие, она стала извиваться и появились соки на ее половых губах.

— Доброе утро киска. Моя любимая, — сказала я, и приложился ртом к ее промежности. Она схватила меня за голову, прижимая к себе. Я пососал ее набухший клитор, он стал вдвое больше, чем прошлой ночью. Я старался удерживать ее на краю, она отчаянно дергалась напротив моего рта.

Я слегка прикусил ее клитор, и она обернула свои прекрасные ноги вокруг моей шеи железной хваткой, с криком поддаваясь неизбежному апогею, на меня хлынули ее сладкие соки в рот, на лицо и подбородок.

Я подхватил ее за попку, продолжая сосать и лизать, заставляя ее снова кончить. И еще раз. Она стала умолять меня, чтобы я остановился, когда ее накрыл очередной оргазм.

Я наконец-то опустил ее расслабленное тело, мое лицо, волосы были пропитаны ее

соками, а ее киска была опухшей и красной.

— Отныне только я могу заставить тебя кончить, — произнес я.

Она молча кивнула.

— Ты не хочешь еще немного поспать?

— Я хочу тоже попробовать тебя на вкус, также, как ты пробовал меня, — произнесла она, затаив дыхание.

— Ты хочешь попробовать мою сперму?

— Да.

— Хорошо, — согласился я.

Прошло много времени с тех пор, как я с Элейн тренировалась на банане, но мне кажется, что прошлой ночью я сделала все правильно, а сегодня я была уверена, что у меня получится еще лучше.

Обхватив его за бедра, я наклонилась вперед и опустила губы на его толстый твердый член, вобрав в рот. Заглатывая все глубже и глубже, пока его эрекция полностью не заполнила мой рот, упираясь в заднюю стенку горла. Я сглотнула, пытаясь подавить рвотный рефлекс, он застонал от удовольствия. Я узнала что-то новенькое. Оказывается, мой глотательный рефлекс возбуждал его.

— Бл*дь, Лара. Твой рот просто создан для моего члена, — прорычал он.

Я сильнее обхватила губами его толстый, гладкий и такой шелковистый член, он застонал и дернулся от удовольствия. Я ощущала, как его волоски на пахе щекотали мне лицо, когда он начал двигать бедрами, занимаясь сексом с моим ртом. Я пыталась повторить его движения, все быстрее и быстрее двигая головой вперед-назад по всей его длине.

— Лара, подожди, — крикнул он, хватая меня за голову и удерживая на месте. Его ягодицы напряглись.

— Что? — спросила я, выпустив его изо рта.

— Я не могу сдержаться, если ты будешь сосать его с такой скоростью.

Я стала сосать еще сильнее, продолжая двигать головой вверх-вниз. Мне хотелось посмотреть, как он потеряет контроль. Для меня это было настолько волнующим и чем-то сенсационным, что я смогу управлять таким мужчиной, как Кит, это было на грани сумасшествия.

Его член начал пульсировать, набухать, еще больше растягивая мой рот. С первобытным ревом он вдруг рывками выстрелил горячей спермой, покрывая мой язык, скользя вниз по горлу. Я проглотила все до капли.

Я знала, что он внимательно наблюдает за мной и мне хотелось, чтобы он увидел, как мне понравилось его семя. Я облизала его член до чистоты, и напоследок поцеловала, а потом опустилась попой на согнутые ноги. Он упал на спину и потянул меня за собой. Я почувствовала волоски на его груди, прижимающиеся к моему лицу, и услышала, как колотится его сердце.

Какое-то время он лежал, укутывая своими объятиями. Затем я услышала звук открываемого презерватива. Он опустился вниз между нами и схватил меня за бедра, разводя их в стороны. Он приподнял свои бедра, опустив головку члена напротив моего входа, потом сделал движение вперед.

— Ты такая мокрая, — сказал он.

— На этот раз, — прошептала я. — Не сдерживайся.

— Но бедная киска, наверное, до сих пор болит, — ответил он.

— Мне нравится, когда тыходишь полностью. Как и раньше. Я хочу, чтобы ты потерялся в ней, — сказала я.

— Я тебя покалечу. Ты такая маленькая и тугая.

— Ты не можешь причинить мне вред. Я женщина. Я создана рожать детей.

— Тогда я возьму, что мне необходимо, — прорычал он мне в рот, нависнув надо мной

своим огромным телом, погружаясь внутрь. Я ахнула в шоке от его размера.

— Хочешь, чтобы я притормозил? — спросил он.

Я отрицательно качнула головой.

— Нет, мне нравится быть наполненной тобой. — Я затерялась в ощущениях, когда он заполнял каждый мой дюйм своей толщиной. Его толчки были тягучими, от чего у меня в животе росло удовольствие, доводя меня до края, когда я не смогу уже терпеть.

Он начал двигаться быстрее, с каждым ударом загоняя все глубже. Чем сильнее он врезался в меня, тем сильнее моя киска сжималась вокруг его члена. Я чувствовала, что внутри меня зарождается вибрация и накатывают волны оргазма, задыхаясь, я прошептала его имя.

— С тобой, я напоминаю себе животное в период течки. Я хочу, чтобы ты снова кончила, — приказал он, урывками объезжая меня в природной потребности.

Я не могла предположить, что смогу снова испытать оргазм, но я кончила. Все мое тело извивалось от экстаза, когда второй оргазм накрыл меня. После того, как он кончил, мы немного подремали, находясь где-то между реальностью и сном, потом он поцеловал меня в подбородок.

— Я чувствую себя так чертовски хорошо. Хотелось бы оставить свой член в твоей сладкой киске навсегда.

Улыбка у меня на лице становилась все шире.

— Бесплатная парковка. Считается, что это хороший бонус для горожан, не так ли?

— Я бы заплатил все, что у меня есть, чтобы получить такую бесплатную парковку.

— Ты можешь оплатить ее едой.

— По рукам. Чего ты хочешь? Но выбор, если честно, невелик.

— Мы можем сделать блины? — спросила я с усмешкой.

— Возможно, у меня имеется блинная мука, но наверняка она просрочена.

— Я все равно рискну, если ты со мной.

— Учти, что осталось воды для слива в унитазе всего на два раза, пока снег немного не растает.

Он засмеялся, но согласился на блины.

Я завернулась в его махровый халат, и мы пошли на кухню, готовить завтрак. Ну, я сделала тесто, а Кит жарил блины. Мы принесли еду в гостиную и ели перед зажженным камином. Он облизывал мои пальцы, покрытые растопленным сливочным маслом и кленовым сиропом.

Потом я с трудом дождалась, чтобы побыстрее тепло одеться и выйти на улицу, встретиться с волками. Я надеялась, что Лобо учует меня и подойдет. Мне нравилась сама мысль, что он выбрал меня!

Воздух был свежим и морозным, я неподвижно стояла на крыльце, пока волки не заметили Кита. К моей радости, холодный нос ткнулся мне в руку. У меня перехватило дыхание. Да, Лобо пришел, чтобы поприветствовать меня. Он был большим мальчиком. Его спина была почти на уровне моих бедер. Очень медленно я обошла его с боку и погладила. Его мех был жестким и густым, присыпанный снегом.

— Привет, Лобо, — сказала я, присев на корточки.

Я с нежностью его поглаживала, а он лизнул мне лицо. Его дыхание было горячим, язык шероховатым, я засмеялась от радости, дикое животное оближивает меня. Я понимала, что он хищник, но даже настолько дикие звери имеют сердце и могут выражать свои эмоции,

могут любить и охранять. Доверие, которое он выказывал мне, было настолько искренним. У него не было никаких скрытых мотивов, как у большинства людей.

Почему он выбрал меня, скорее всего, я никогда не узнаю, возможно, что он принял меня за подругу Кита. Я была благодарна ему и уже полюбила его всем сердцем. Я понимала, что с каждым днем буду ценить и любить его все больше.

Через несколько минут, последний раз лизнув мне лицо, он решил оставить меня, развернулся и ушел.

Кит подошел ко мне.

— Счастлива?

Я довольно кивнула.

Он взял меня за руку и потянул вверх, прижав к своему сильному телу.

— Они — твоя семья, не так ли? — спросила я.

— Да.

Я поняла всю суть его краткого ответа. Я чувствовала такую сильную чистую любовь и глубокое доверие, я никогда такого не ощущала, общаясь с другими людьми.

— Все в снегу? — спросила я.

— Полностью.

— Скажи мне, что ты видишь?

— Здесь, по крайней мере, снега навалило на два фута. Волки играют на свежесвыпавшем снеге, оставляя смешные маленькие следы. О, а вот и орел парит в небе.

— Орел! — воскликнула я с нетерпением.

— Да, думаю у него гнездо на дереве, совсем близко отсюда, потому что он часто здесь появляется. Иногда он садится левее на верхушку самой высокой сосны. Он такой большой и могучий и выглядит так, словно под его весом, ветви должны согнуться, но на самом деле, он сидит, как пушинка, даже снег не опадает. Всегда начеку, как будто в следующую секунду готов нырнуть вниз в большой воздушный поток.

— Иногда он очень медленно раскрывает свои крылья. Только дурак может подумать, что орел ленивая, вальяжная птица, если есть хоть капля ума, поймешь, что он хитрый старый хрыч, и будешь прав. Я видел, как он сложил свои крылья и прежде чем успел моргнуть, упал на землю с такой скоростью, как будто кто-то выстрелил в него вон из того дерева.

— На земле началась паника и хаос, я наблюдал за ним, когда он пикировал на маленькое существо, которое оцепенело от ужаса и шока.

— А что он делает сейчас?

— Он неподвижно сидит и смотрит прямо на нас.

Оставшийся день напоминал мечту. Мы вернулись внутрь и занимались любовью у камина. Потом я сидела в доме, а Кит разгребал снег, очищая свой пикап.

Вечером я приготовила рагу из кролика. Это была отличная и сытная еда для таких холодов. Мы много разговаривали. Кит хотел знать обо мне все. Я тоже кое-что узнала о нем, существовали вопросы, которые заставляли его отмалчиваться. И в комнате тут же менялась атмосфера, становясь напряженной, а иногда даже грустной.

Я пообещала себе, что исцелю его. Когда-нибудь я полностью залечу его шрамы.

<https://www.youtube.com/watch?v=zoENAD7OCiI>

— Где ты была вчера и сегодня утром? — раздраженно воскликнула Элейн. — Я звонила не переставая, но никто не отвечал.

Я усмехнулась.

— У Кита.

— Что ты имеешь в виду у Кита?

— Мы сделали это, Элейн, — прошептала я.

— Что? — завопила она.

— Шшшш..., — с раздражением сказал пожилой мистер Салливан, недовольно поджав свои пухлые губы.

— О! Шикайте на себя, — грубо воскликнула Элейн, потом ту же шепотом спросила у меня: — Ты не сделала этого?

— Уверена, что сделала, — твердо ответила я.

— Нет, — шокировано выдохнула она.

Я утвердительно кивнула.

— Ты не могла. Я не верю.

Я более энергично кивнула.

— Все точно, как ты и сказала, Элейн. Паришь в небесах. Мне казалось, что я падаю в пустоту. Это было просто потрясающе.

Элейн наклонилась вперед.

— О! Мой! Бог! Ты на полном серьезе, не так ли? Ты разыграла свою карту девственности!

Я радостно заулыбалась.

— Мне кажется, я влюбилась.

— Не поддавайся эмоциям. Ты не влюбилась. Это всего лишь секс. Ты справишься с этим.

— Это не просто секс. Я чувствую что-то вот здесь. — Я коснулась груди в области сердца.

— Тоже, что ты чувствовала к Союеру? — с сарказмом спросила она.

Я нахмурилась и отрицательно покачала головой.

— Нет, не так. Тогда была детская влюбленность. Я была девочкой. То, что я чувствую сейчас к Киту — это совершенно другое.

— Правда? А что ты чувствуешь? — в ее голосе слышалось не прикрытое любопытство.

— Когда он прикасается ко мне, я словно вся горю в жару.

Элейн рассмеялась.

— Это называется похоть, дорогая.

— Шшшш..., — снова зашипел мистер Салливан.

— Ох, с ума сойти. Вы еще не ушли домой? — не скрывая своего раздражения, спросила Элейн.

— Я пытаюсь прочесть документы, — заворчал он.

— Ну, тогда выключите свой слуховой аппарат и спокойной читайте, — отрезала она.

— Это не похоть, — стала настаивать я. — Я чувствую себя... с ним связанной. Как будто я принадлежу ему, и он мне. Такое чувство, словно я искала его всю жизнь.

Элейн вдруг напряглась.

— Что? — настороженно поинтересовалась я.

— Ты не поверишь, кто только что вошел сюда.

— Кто? — прошептала я, выпрямляясь.

Ей не нужно было отвечать. Я уже чувствовала, кто появился у меня за спиной. Запах цитрусового с розмарином одеколона появился в помещении. Я обернулась.

— Привет, Соьер.

— Привет, Лара. Элейн.

— Привет, Соьер. Как дела? — спросила Элейн фальшивым приторным голосом.

— Отлично, спасибо.

— Как Кейли?

— В порядке, — слышались жесткие нотки в его голосе, видно он напрягся. Ой, не правильный ход с его стороны, ошибочка вышла. Элейн обладала нюхом на хорошие сплетни, чувствуя их за мили.

— Скоро свадьба, не так ли? — спросила она, теперь ее голос звучал совсем по-другому, типа мне-вы-может-рассказать-все-я-твой-самый-хороший-друг.

— В июле, — резко произнес он.

— Уверена, что Кейли должно быть занята приготовлениями, — произнесла она невинно, в своей манере, готовой поклясться, что масло не тает во рту.

— Да.

— Где она сейчас?

— В Нью-Йорке.

— В «Кляйнфельд»? ^[4] — догадалась она, ее голос поднялся на несколько октав выше.

— Да.

— Ой, как интересно! Она уже выбрала платье?

— Эээ... нет... мне так кажется. Не уверен, что она уже выбрала. — Он откашлялся. — Я могу поговорить с Ларой?

Я улыбнулась, хотя и была зла на него. Как он смеет заявиться сюда, в библиотеку? Он знал, что это место сплетен, я вынуждена оставаться вежливой и поговорить с ним, иначе рискую получить ярлык роковой женщины, пытающейся разрушить самую ожидаемую свадьбу века.

— Конечно. Ты хочешь, чтобы я помогла тебе со свадьбой? — вежливо спросила я.

— Выйди, пожалуйста.

Я нахмурилась. Он даже не пытался притворяться.

— Хорошо. Если ты покажешь путь. — Я повернулась к Элейн и достаточно громко произнесла, чтобы мистер Салливан мог слышать, потому что заметила, что он перестал на нас шикать. — Всего на пару минут, Элейн. Я помогаю Соьеру с подарком для невесты.

Мы вышли на улицу, он вел меня под локоть, все мое тело чувствовалось напряженным. Я услышала, как за нами захлопнулась дверь. Порыв холодного ветра дунул мне в лицо.

— Чего ты хочешь? — сдержанно поинтересовалась я.

— Я знаю, что ты оставалась во время пурги у него дома, — обвиняя произнес он, как будто имел на это право.

— Сойер, — скрипнула я зубами, с трудом сдерживаясь, — я не должна спрашивать у тебя разрешения по поводу своих передвижений.

— Просто ответь мне, он же не воспользовался тобой?

Вихрь ярости закипал у меня в груди.

— Я не обязана тебе ничего отвечать. Это не твое дело.

Он издал какой-то страдальческий звук.

— Боже мой! Он использовал тебя, не так ли? Я убью его.

— Как ты смеешь? — начала я, у меня задрожали руки, но его уже невозможно было остановить.

— Ты отдала ему то, что принадлежала мне, — со злостью выплюнул он на меня слова. — Как ты могла? Ты же знаешь, что я люблю тебя. Скорее я увижу его труп, нежели позволю ему отнять тебя. Ты моя, Лара. Я покажу ему, мать твою. Я устрою настоящую жизнь этому уродливому ублюдку. — Он развернулся и пошел прочь.

А я так и стояла на верхней ступеньке, не двигаясь, с открытым ртом, пораженная его яростью и злобой, которую услышала в его голосе. Раньше я никогда не замечала за ним таких сильных эмоций. По сути, думаю, никто не подозревал, что он способен на такие чувства. Он всегда был настолько мягким и нежным, Элейн однажды назвала его «чудо без яиц». Конечно же он относился к тем милым мужчинам, которые мне разрешили изучить его великолепное лицо своими пальцами. Я до сих пор прятала его бюст у себя в шкафу. Мне нужно его разбить и выбросить, больше я не хотела, чтобы он там находился. Меня била не переставая дрожь.

Пока я стояла, замороженная от шока, услышала шаги по тротуару. Они остановились у подножия лестницы и стали подниматься по ступенькам. Аромат ванили, перемешанный с пудрой. Мое сердце сжалось. Из всех людей, которых я меньше всего хотела встретить в этот сумасшедший сюрреалистический момент, это была закоренелая фаталистка Мэрибет Лютер.

Я приняла спокойное выражение лица, и мысленно взмолилась, чтобы она не слышала угроз, сказанных Сойером. Сделав глубокий вдох, я повернулась к ней с приветливой улыбкой.

— Здравствуйте, миссис Лютер. — К моему ужасу у меня дрожал даже голос.

— Нечего со мной здороваться, мисси. Твое постыдное поведение достигло моих ушей. — Она хмыкнула.

— Какое постыдное поведение? — спросила я.

Она фыркнула.

— Можешь притворяться с кем-нибудь другим. Я знаю, что происходит. Ты спуталась с этим нехристью зверем в лесу.

— Он не нехристь зверь. Он хороший человек, — автоматически произнесла я.

— Хороший человек? Он никогда не был в нашей церкви. Для таких людей как он приготовлено место в аду, — фыркнула она.

В другой раз я бы не отреагировала на ее ханжеские проповеди и ругань, но после разговора с Сойером, я была еще на взводе, поэтому просто не могла смолчать.

— Ну, тогда я тоже буду гореть в аду, потому что была обнаженной с ним, — с горячностью выпалила я.

Раздался шокированный возглас, а я даже развеселилась от своих слов.

— Лара Джейн Янг, — с трудом выдохнула она, мягко ударив меня рукой в грудь. —

Что в тебя вселилось? Это позор, ты не должна так говорить.

— Почему?

— Это не по-христиански, — бесновалась она.

Ее слова вызвали во мне еще большую злость. Кто она такая, чтобы судить меня, какой я была христианкой?

— А как же фраза, которую поют с первых рядов церкви каждое воскресенье — *«Да, мы христиане и нас узнают по нашей любви»*?

— Я обещала твоей бедной матери, упокой Господь ее душу, перед тем, как она встретилась с нашим небесным отцом, что я буду приглядывать за тобой. Она перевернется в гробу от того, что ты делаешь, юная леди.

— Моя мать была бы рада познакомиться с таким джентльменом, как Кит Карсон. Теперь, если вы извините меня, я спешу, — царственно сказала я, насколько могла, начиная спускаться по ступенькам. Под снегом был лед, поэтому я очень осторожно делал шаги. Падение плашмя было совсем не тем, когда я хотела уйти с гордо поднятой головой.

— Попомни мои слова, дитя. Сейчас же останови это безумие, или ты пожалеешь.

Я медленно развернулась к ней. Снег под ногами захрустел. Я никому не позволю себя запугивать. Я знала чего хотела, и не перед кем не собиралась сгибаться в этом вопросе.

— Не собираюсь, — отчетливо произнесла я. — И я уже не ребенок. Он прекрасный человек. Вы не можете этого разглядеть, потому что кроме себя ничего не видите.

Она заткнулась.

Я направилась в бакалейную лавку, чтобы купить яблок, фермерский соус, поп-рокс и консервированную тыкву. Я планировала сделать пирог и взять его с собой к Киту.

Дейзи кассирша, продолжая жевать жвачку, подшучивала надо мной, пока выбивала чек. Думаю, весь город уже был в курсе, что я провела ночь в лесу с нехристью зверем.

<https://www.youtube.com/watch?v=oKnMK-eqKfM>

Пока не испытаешь на своей шкуре...

Возможно, это расхожее выражение, но оно точно правдивое. Мне хотелось побывать в шкуре Лары. Понять и получить своеобразный опыт слепоты. Как только она вошла в дом, я подхватил ее на руки.

— Что ты делаешь, Кит?

— Увидишь, — сказал я, спеша с ней наверх. Мой член едва был в состоянии удерживать себя в штанах. Я вошел в спальню и положил ее на кровать, если это можно было назвать кроватью.

— Скажи, — взмолилась она.

— Я хочу трахаться в полной темноте.

— Ну, это легко, — захихикала Лара. — Я постоянно так делаю.

— Точно, и я хочу испытать, каково это.

— Почему?

— Я хочу узнать, что ты чувствуешь, — ответил я.

Нахальная усмешка осветила ее лицо.

— Чего же ты ждешь тогда?

— Подожди, — сказал я, открывая ящик и отыскав старый шарф. Я сложил его несколько раз и вернулся к ней. — Завяжи его на мне.

Она прикрыла им мои глаза и затянула узел на затылке.

— Так?

— Я ничего не вижу.

— Отлично, в этом и был фокус.

— Иди сюда, — позвал я и услышал, как она обошла вокруг. Как только она очутилась передо мной, я крепко прижал ее к своему телу. Мой член пульсировал, пока я жадно искал ее рот. Поцелуй был глубоким, в темноте наши рты жадно пожирали друг друга. Сейчас мы напоминали диких зверей.

Наши рты сливались. Растворяясь в ее запахе и чувствах, я подталкивал ее спиной к кровати, пока ее ноги не уперлись, тогда я усадил ее вниз.

Ухватившись за низ ее платья, я потянул его вверх через голову, отшвырнув в сторону. Я смахнул упавшие пряди волос ей на лицо, поражаясь насколько они мягкие и шелковистые на ощупь. Нащупав руками, расстегнул ее бюстгальтер, он произвольно заскользил вниз по ее телу. Я положил свои грубые ладони на ее грудь. Соски были жесткими, как камешки, а кожа была такой мягкой, бархатной.

Она выгнулась всем телом, пододвигаясь к моим рукам.

Член болел, но я был не готов взять ее. Я быстро скинул с себя рубашку. Мне нравилось слышать наше прерывистое дыхание, это музыка для моих ушей. Ее руки прошли по моей груди, но я толкнул ее на мягкое одеяло.

Она вздохнула.

— Тссс, детка. Я говорю, что делать, ты можешь не стесняться и быть бесстыдной

настолько, насколько захочешь. Ложись на спину и как можно шире раздвинь ноги. — Я услышал, как зашуршали простыни, пока она передвигалась. Я присел между ее ног. Я не видел ее маленькую киску, но я чувствовал ее запах. И это ощущение было намного слаще. На ней были одеты стринги, и я дотронулся пальцем до ластовицы. Она была восхитительно мокрой. Осторожно я опустил свои губы на ее раскрытую киску, подув своим горячим дыханием на бугорок.

Она стала извиваться от удовольствия.

— Сядь своей киской мне на рот. Покажи, насколько ты возбуждена, — скомандовал я.

— Ладно, — прошептала она.

Я услышал, как она приподнялась и на ощупь поползла ко мне, отыскивая мое лицо. Как только она немного опустилась на мой рот, ахнула.

— Покажи мне, как сильно ты хочешь меня.

Зашуршал материал стрингов, пока она отодвигала его в сторону. С тихим стоном, она опустилась своей голой киской мне на рот и двинула бедрами вверх и вниз, мой язык прошелся взад-вперед по ее набухшим складочкам. Взад и вперед. Взад и вперед. Ее стоны, перемешанные с выдохами, были похожи на музыку со взлетами и падениями.

Она была такая кокетка, она поддразнивала меня своими движениями, растягивая удовольствие, не давая мне взять все то, что я хотел. Но я всего лишь мужчина. Я схватил ее за бедра и целиком усадил себе на рот и стал жадно сосать. Она закричала. Ее соки стекали мне в горло. Она давала мне еще и еще, чем больше я упивался ею, продолжая испивать ее сладость, пока она не обезумела.

— Пожалуйста, пожалуйста, — взмолилась она, схватив меня за волосы. — Я не могу больше.

Ее стринги терлись мне о щеку. Я зубами разорвал этот проклятый кусочек материи, чтобы он не мешал мне и отбросил в сторону. Бедра моей кокетливой девушки приподнялись, поощряя меня проскользнуть в нее пальцами.

Я не стал этого делать.

Я поднялся и опустился на колени на кровать. Подползая к ней, я поцеловал ее, как только добрался до ее тела. Ее бедра, выпирающий животик, круглые груди, ее открытую шею. Это полный восторг иметь такое сокровище, и это все было моим.

Она издавала тихое мурлыканье, как котенок, от удовольствия. Когда она меньше всего ожидала, я отыскал губами ее клитор и стал жестко сосать. Я не отпускал, пока не почувствовал, как напряглось ее тело, как начало вибрировать.

Я никогда не предполагал, насколько чувственно и сексуально контролировать женское тело, особенно, когда ты не видишь, чувствуешь только запах, слышишь звуки и имеешь ощущения, она рухнула в оргазм, закричав. Не видя ее, мне показалось, что она кричит громче и тоньше. Мой член рыдал у меня в штанах.

— Твоя очередь, — прошептала она.

— Точно детка, теперь моя очередь, и я хочу полный член спермы запустить в твою киску.

Она хихикнула.

— Правда? — игриво спросила она.

Долго играть она не будет. Я планировал услышать ее крик на весь дом. Я сдернул с себя джинсы и боксеры. Я оседлал изящное тело Лары и провел по нему пальцами вниз, сейчас мои ощущения на кончиках пальцев были вместо глаз.

Я задел членом ее живот. И ее инстинктивная реакция была приподняться, схватить его обеими руками, погладить. Ее руки ощущались теплыми и мягкими, и я решил, что пришел мой конец, я кончу прямо ей в ладони. Я нагнулся вперед и с завидной точностью поймал ее нижнюю губу зубами. Я проглотил ее вздох удивления. Оказывается, я не плохо ее изучил.

Я подхватил ее под колени и раздвинул ноги как можно шире, опуская член в ее киску. Я чувствовал себя настоящим зверем, вставляя своего приятеля в нее.

— Господи Лара, ты настолько чертовски тугая, — прошептал я ей в рот.

— Я чувствую, как твой член пульсирует и пульсирует внутри меня, — с изумлением произнесла она. И знаете, что? Я же чувствовал, как стенки ее киски сжимали меня крепко-накрепко. Это было чертовски приятно. Она была моей. Все мое. У меня не было необходимости видеть ее, чтобы это понять. Ее тело рассказывало мне все, что мне стоило знать — каждая дрожь, каждый вздох, каждый удар сердца.

Окруженный звуком наших бьющихся тел друг о друга и пульсом, стучавшим у меня в голове, я вкачивался в нее, как поршень. Запах секса заполнял мои ноздри, входя в нее по самые яйца. Моя Лара нашла место для каждого моего дюйма. Я раскачивался, крутился и погружался в нее, потом она прошептала:

— Я кончаю, Кит. — Мы крепко держались друг за друга, пока она выдаивала меня до последней капли. Ее горячие соки текли у меня по ногам.

Я остался внутри нее, наслаждаясь ощущением, потом на своем теле и нашим прерывистым дыханием. Я не стал снимать повязку даже после того, как вышел из ее киски. Мы лежали в обнимку, я положил ногу ей на живот. Лара повернула в мою сторону голову.

— Кит, вау, это было волшебно. Думаю, мне стоит почаще завязывать тебе глаза.

— Кажется, мне это понравится.

Мы засмеялись в тихую ночь.

— Элейн, я иду на свидание.

— Прореживать свой лес! — радостно заверещала она.

Я засмеялась.

— Куда? — спросила она с нетерпением.

— Я пока не знаю, но куда-то за город.

— И что ты собираешься надеть?

— Не знаю. Мама всегда говорила, что платью с квадратным вырезом идет мне больше всего.

— Зеленое с юбкой трапецией? Да, мне нравится, как оно на тебе сидит, но думаю, сегодня потребуются нечто более особенное. У моей сестры есть кое-что действительно стоящее. Я спрошу у нее, сможет ли она тебе дать. Уверена, что она не откажет.

— А что у нее есть?

— Красное платье до колен, с длинным рукавом, но облегающее и очень гламурное. Ты будешь выглядеть в нем просто отлично. А какие туфли ты наденешь? Ты же не собираешься надеть обычные ботинки, да?

— У меня есть балетки.

— Неее, они не будут смотреться с красным платьем. Нет ли у тебя тех на тонкой шпильке, которые мы купили вместе в Warpleys?

— Есть, но я думаю, что в такую погоду я могу запросто в них упасть и сломать себе шею.

— Согласна, к черту эту идею. Что насчет сапог, которые ты надевала на похороны Бобби Диафилда?

— Они мне немного жмут.

— Ну и что? Не похоже, что вы пойдете в ресторан. Красота требует жертв, пора тебе к этому привыкать, — резко произнесла она.

— Ну, хорошо, я могла бы их надеть, если ты считаешь, что так будет лучше.

— Считаю. Ты уложишь волосы кверху?

— А должна? — неуверенно поинтересовалась я.

— Мда... Это будет сексуальнее.

Я хихикнула.

— На самом деле я немного нервничаю по поводу свидания. Я никогда не ходила на свидания.

— Ты забыла про Питера Уилера?

— Питера? Забыла? Мама заставила его пригласить меня на танец, потому что думала, что это христианский поступок. Не думаю, что он хотел, чтобы нас кто-нибудь увидел вместе. Было так неловко. Бедный парень не мог дождаться, как бы побыстрее отвезти меня домой.

— Какая наглость со стороны некоторых людей. Это явный недостаток нашего столетия. Вот по какой причине, каждый в школе называл его Частокол Питер.

Оказывается, я пропустила многое, будучи на домашнем обучении.

— Частокол Питер?!

— У него лошадиные зубы, как он может съесть яблоко через такой частокол.

Я улыбнулась.

— На самом деле. Я даже не знала, что у него есть зубы.

— Он хуже, чем Багз Банни. В любом случае, о нем нечего переживать. Это не экзамен. Кроме того, ты уже все сделала. Просто отдохни, поешь, выпей пару бокалов вина и получи удовольствие.

— Элейн?

— Да.

— Ты не можешь прийти ко мне и сделать мне легкий макияж?

— Ах, милая. Конечно, приду, — сказала Элейн, странным от волнения голосом.

— Дело в том, что у меня нет косметики, — призналась я.

— Я знаю, дорогая. Не беспокойся. Я привезу весь свой арсенал Maybelline, — заверила она меня.

— Спасибо, Элейн.

— Помнишь, когда я подшучивала над тобой и заставляла прыгать через лужи, которых не было?

— Да.

— Сегодня я сделаю тебя такой красивой, что окупит все те разы, когда ты прыгала через лужи просто так.

Элейн пришла за час до моего свидания. Она открыла своим ключом дверь и поднялась вверх, усадив меня на край ванной.

— Что это за запах? — поинтересовалась я.

— Похоже подпольный виски, — со смехом ответила она.

— Где ты его взяла?

— Украла из Catfish Colter.

— Думаешь он хорош? — спросила я, протягивая руку.

Она сунула мне стакан в мою протянутую руку, я схватила его.

— Он может сжечь твои внутренности, привести к повреждению печени, но чертовски хорошая вещь.

Она была права, спиртное сжигало мне внутренности, надеюсь, второй части не будет. Мы вместе попивали спиртное, пока она накладывала мне макияж. Я не привыкла выпивать, поэтому когда она закончила, была уже немного навеселе. Элен отодвинулась и сказала:

— Бедный Сойер. Думаю, он так ошибся, выбрав Кейли вместо тебя.

— Сойер никогда не был в меня влюблен, — тут же ответила я. Хотя я была зла на Сойера, но не хотела, чтобы весь город судачил о нас.

— Не влюблен в тебя? Не влюблен также, как поссать мне на ноги и сказать, что это дождь, — усмехнулась она.

— По любому, — твердо сказала я. — Он любит Кейли и все хорошо, что хорошо кончается. — Я так и не рассказала Элейн про наш жесткий разговор, что он угрожал Киту. Даже мне было трудно поверить, что я все это не выдумала.

— Ну, я одно могу сказать, удачи ему с ней, — мрачно пробормотала она. — С ней, он словно голый карабкается на забор из колючей проволоки.

— Почему ты так говоришь? — спросила я, меня разбирало любопытство, почему она говорила такие ужасные вещи.

— Последнее, что я слышала папаша Кейли готов сделать все для своей дочери, стоит ей только махнуть мизинцем, и в их поместье Rhett Haverbrooke — один из самых высоких заборов из колючей проволоки. Если у Сойера есть какие-то планы не стать тем мужем мечты, которого хочет в нем видеть Кейли, он будет в клочья разодран, если решит перелезть на другую сторону.

— А с чего ты взяла, что он захочет перелезть на другую сторону?

— По его провокационной улыбке, — уверенно ответила она. В этом была вся Элейн. Ничто не могло скрыться от ее острого взгляда.

— Ты думаешь, он женится на ней ради денег, не так ли? — медленно спросила я.

— Сойер Бьюкенен хочет Кейли Хавербрук также, как ты хочешь сегодня надеть ночнушку.

Несмотря на нытье Сойера и его яростное шипение на меня, я не могла не рассмеяться над ее крайне точным комментарием.

Элейн ушла за десять минут до появления Кита.

Я вышагивала в черных сапогах, и все было не так уж плохо. Элейн уговорила меня надеть чулки, поэтому сапоги не очень натирали. Когда раздался звонок в дверь, я услышала стук своего сердца в ушах, направляясь в коридор.

Я открыла, Кит резко тянул воздух носом, а я ощутила запах мыла и нафталина. Должно быть, у себя в шкафу он откопал одежду, которой давно не пользовался.

— Ух ты, — воскликнул он.

— Элейн, моя лучшая подруга, я рассказывала тебе о ней, сделала мне макияж, — пролепетала я с улыбкой.

— Ты выглядишь потрясающе.

Я сморщила нос.

— Пахнет нафталином.

— Прости.

— Я всегда была немного помешана на запахе нафталина. Мммм.

Он потянулся вперед и обхватил меня за ягодицы своими большими, мозолистыми руками, прижав к своему телу. Его тело было таким горячим, а пуговицы его рубашки, вдавливались мне в кожу.

— Кто-то что-то говорил о своей неискушенности? — спросил он.

— Возможно, — прошептала я. Находясь так близко к нему, я чувствовала запах его кожи. У меня сжался желудок.

Он долго и нежно меня целовал, и я почувствовала, как кровь запульсировала в венах, а живот сжался еще сильнее. В его руках все мое тело задрожало от желания. И когда я уже решила, что вся моя душа обнажилась перед ним, он поднял голову и прошептал:

— Ты знаешь, что я схожу с ума от твоего запаха? Он, черт побери, делает меня ненормальным. Ты не надела трусики или что-то типа того?

Я хихикнула.

— Ты же не думаешь, что я такая непослушная, а?

Он провел руками по моей заднице, потом остановился и недоверчиво спросил:

— Ты дразнишь меня. Ты не надела их, не так ли?

— Неа.

Он застонал.

— Бл*дь, как я смогу есть, зная, что на тебе нет нижнего белья? Единственное, что я ощущаю своей ногой подвязки твоих чулок?

— Очевидно, таким образом я планирую совратить тебя сегодня вечером.

— Единственным, кто будет соблазнять тебя сегодня, буду я. Угадай, что я собираюсь сделать с тобой этой ночью?

Мои щеки горели.

— Я не знаю. Что?

— Я собираюсь развести твои ноги и в полной мере воспользоваться своей бесплатной парковкой в течение многих часов.

— Ты дикий и коварный мужчина, Кит Карсон, — поддразнила я его, при этом тупо

ухмыляясь. Никто никогда не хотел меня так, как он. Несмотря на то, что Сойер вдруг вспыхнул ко мне каким-то жутким собственническим инстинктом, до сих пор, слепая девушка не была нужна никому. Я своего рода была талисманом города. Своеобразной вещью, когда глядя на меня, люди чувствовали себя гораздо лучше. Независимо от того, какие были у них болезни и трагедии, видя меня, они думали, слава Богу, у них, по крайней мере, имеется зрение. А не как у бедной Лары, которая всю жизнь одна живет в темноте.

— Ты правда хочешь войти? — спросила я.

— Неужели ты думаешь я откажусь? — ухмыльнувшись поддразнил он. Не отпуская моей задницы, он сделал несколько шагов вперед и закрыл ногой дверь.

— Хочешь выпить? Элейн принесла бутылку подпольного виски и еще немного осталось.

— Неа. Я хочу посмотреть твою студию.

Я вдруг засмушалась.

— О! Эээ... это не совсем твое...

— Я не очень разбираюсь в искусстве, но я хочу увидеть, что ты создаешь. Это будет, словно я загляну тебе в голову.

Я прикусила нижнюю губу.

— Хорошо, но ты не должен притворяться, что тебе нравится, если на самом деле будет не так. Я вполне понимаю, что на твой вкус тебе может не понравиться.

— Ты никогда не поймаешь меня на лести, — мягко произнес он, почти рассеянно, проводя пальцем по моей щеке.

Я отступила на шаг назад и, расправив плечи, повела внутрь.

— Господи, ну и платье на тебя надето. От вида сзади у меня уже стоит, — прорычал он у меня за спиной.

Я засмеялась и продолжила свой путь более женственной походной, словно мужчины постоянно мне говорили подобные комплименты, поэтому я больше покачивала бедрами, чем обычно. Было очень удивительно, насколько быстро я стала такой сексуальной, хотя предыдущая моя жизнь была лишена секса полностью.

У двери в студию, я замешкалась.

— Я хочу увидеть, — прошептал он мне на ухо.

Я повернула ручку и вошла, зная первое, что он увидит, будет Элла, моя русалка. Никто, даже Элен ее еще не видела. Это был самый большой проект, над которым я когда-либо работала. Сердцем я понимала, что она была лучшим, что я сделала, и от этого я нервничала, причем чертовски, сомневаясь, а может она не так уж хороша, как мне кажется.

— Это Элла. Она не полностью еще закончена. Камень, на котором она сидит нужно еще отполировать и покрасить, — нервно произнесла я.

— Где включается свет? — спросил он.

— О, конечно. — Я повернулась назад, пошарила по стене рукой и зажгла свет. Я не пользовалась им и надеялась, что он все еще работал.

Он ахнул у меня за спиной. Я неподвижно замерла, прислушиваясь, как он направился к моей русалке.

— Боже мой, Лара, это... это... просто... великолепно. Вау, я никогда не думал, что может быть так превосходно... и цвет, как? Вау.

Я слышала, как он ходил вокруг скульптуры, затем остановился и повернулся ко мне.

— Ты увидела ее в своей голове?

Я пожала плечами.

— Да.

— А цвета? Они подходят друг другу и переходят один в другой. Как ты это сделала? —

Казалось он на самом деле был поражен.

Я пожала плечами.

— Так я ее представляла, вернее, мне кажется, что именно так должна выглядеть русалка.

— Это невероятно, Лара, — искренне произнес он. — Не знаю, чего я ожидал, но точно не такого. Я даже не ожидал, нечто подобное от зрячего человека, но от тебя слепой. Ты настоящий гений.

Он подошел ко мне. Его чудесный аромат наполнил мне нос, как только я уткнулась ему в шею.

— Спасибо, — прошептала я.

— Нет, это тебе спасибо.

— За что?

— За то, что ты такая красивая.

— Я не красивая, — автоматически ответила я.

— Хочешь я расскажу тебе то, что вижу я?

— Хочу.

— Элейн подвела тебе глаза, отчего они стали больше. Щеки розовые, губы такого же цвета, как самая спелая, самая вкусная клубника. Они слегка приоткрыты, как будто умоляют о поцелуе... или моем члене.

— Или еде, — нахально добавила я.

Он засмеялся, богатым, глубоким смехом.

— Пошли, маленькая шалунья, — сказал он, взяв меня под руку.

Он помог мне надеть пальто и застегнул. Было приятно ощущать его заботу на себе и защищенность. Я закрыла дверь, и мы спустились вместе вниз. Было холодно, подморозило, поэтому я осторожно ступала в своих черных сапогах. Он посадил меня в машину, закрыл дверь и пошел к стороне водителя.

— Куда ты меня везешь? — спросила я.

— В Шарлоттсвилль, место называется «Верблюжий горб гриль», но не пугайся названия.

Я засмеялась.

— Я была в Шарлоттсвилле с Элейн, но никогда не слышала о ресторане под названием «Верблюжий горб гриль».

— Он маленький и находится в придорожном домике, но у них просто чертовские стейки. Их выдержанные стейки почти легенда.

«Верблюжий горб гриль» был более чем в часе езды. Он припарковался и вышел, чтобы открыть передо мной дверь. Как только я попыталась поставить ногу на землю, Кит обхватил меня руками за талию и вынес на асфальт. Я глубоко вдохнула. В моем животе порхали бабочки, и их было слишком много. Я вложила свою ладонь в его.

Он очень медленно двинулся вперед.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я.

— Просто прогуливаюсь с тобой.

— На самом деле, я немного нервничаю, Кит.

— Не стоит. Ты выглядишь прекрасно. Если я могу войти в это место с моим обгоревшим лицом, то ты определенно выглядишь на миллион долларов.

Я улыбнулась ему.

— Ма говорила, что я красивая, но больше никто не называл меня красивой.

— Значит, кругом все слепы, как кроты, — твердо заявил он.

Я рассмеялась и положила руку на его, согнутую в локте. Кит определенно делал меня счастливой. Как только я оказывалась с ним, то забывала, что все меня считали инвалидом. Мы вместе шли к ресторану, и я чувствовала тепло от его тела.

В ресторане было шумно, слышались разговоры и смех, звон ножей и вилок, чьи-то шаги, детские голоса, музыка и многое другое. Запах еды, перемешивался с духами, дезодорантами и кремом после бритья. Нас приветливо встретила женщина, забрала наши пальто и показала нам столик.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что сидячие места были сделаны в стиле банкетов. Опустившись на выпуклую кожаную банкетку, я тут же почувствовала бедро Кита, прижавшееся ко мне с противоположной стороны.

Он провел рукой вверх по внутренней части моей ноги, заставив кожу покалывать. Официантка принесла меню, но Кит сказал, что в нем нет необходимости. Мы готовы были сделать заказ — большой стейк Буна. Он сказал официантке, что хотел бы с кровью, и не против филейной части телятины. Я слышала, как официантка записывает, скрипя ручкой в своем блокноте. Я заказала бокал вина, Кит — холодное пиво. Потом мы говорили о разных несущественных вещах. Он рассказал, что у него была аллергия на запах соевого соуса, а я сказала ему, что не могу есть спагетти.

— Почему? — спросил он.

— Потому что они напоминают мне отвратительных склизких червяков, я не могу себе представить, чем они могут быть хороши на вкус.

Он хмыкнул.

— Ты не знаешь, чего лишаешься.

— Спасибо, но я пас, — ответила я.

Затем он рассказал мне, что однажды так напился, что чуть не занялся сексом в общественном туалете с мужчиной, который был одет, как женщина. Когда он описывал свою реакцию, запустив руку между его ног и обнаружил, что там совсем другое, нежели он предполагал, мне показалось таким смешным, что я громко рассмеялась.

Затем я рассказала ему, как когда-то птица нагадила мне на голову, а я не могла понять, что такое на меня упало. Я подумала, что он рассмеется, но он наклонился ко мне и почти мечтательно произнес:

— О, Лара. Как изменился мир с тобой.

— Чего ты боишься? — спросила я.

— Я боюсь... я боюсь единственного — потерять тебя, — тихо признался он.

— Почему ты думаешь, что потеряешь меня? Ты же все видишь, — пошутила я.

Но он не засмеялся на мою шутку.

— Чтобы ни случилось, просто знай, что ты самое ценное, что со мной произошло, — сказал он.

Я хотела ему сказать, что люблю его, но тут принесли наши блюда. И в суматохе, пока он рассказывал, где находятся вилки и ножи, а также соль и перец, момент был упущен.

Стейк был сочным и вкусным, но он был таким огромным, что я не смогла его доесть. На десерт нам подали яблочный пирог. Он был очень вкусным, но пирог бабушки Элейн взял бы реванш. Мы отказались от кофе, поэтому Кит расплатился, и мы ушли.

Опять пошел снег. Хлопья быстро опускались на землю. Они мягко падали мне на лицо.

— Дерьмо, — выругался Кит. — В такую погоду, ты можешь с таким же успехом вести машину, как и я.

Я все еще смеялась, когда он впихнул меня в салон. Я потерла руки, пытаюсь их согреть. Кит принес плед и завернул мои ноги.

— Спасибо, — прошептала я.

— Я так и предполагал, что ты будешь в платье, — хрипло произнес он, и я поразились насколько заботливым он был.

Через некоторое время я почувствовала тепло от радиатора у ног. Я согрелась в тепле, мне было уютно и после сытной вкусной еды и вина, уснула у него на плече.

Я проснулась от нежного поцелуя на своих губах. Потом еще одного. И еще. Последний был глубже и дольше. Я застонала от удовольствия.

— Приятно так просыпаться каждый раз, — выдохнула я.

Он хмыкнул.

— Мы дома, детка.

Я улыбнулась. Он сказал о своем доме, будто он и мой тоже.

— Я всегда дома, когда в твоих руках, — прошептала я.

— Хочешь я отнесу тебя?

— И ты упадешь и бросишь меня в снег? Нет, спасибо, — хихикая ответила я.

— Очень смешно, — произнес он, выскакивая из грузовика. Прежде чем я успела что-либо сделать, сильные руки подхватили меня под колени и шею, подняли и прижали к своему теплему, крепкому телу.

— Ты упадешь со мной в снег, не так ли?

— Неее, у меня есть план получше, — ответил он, шагая по дороге в сторону дома.

Он никогда не запирает свою дверь, поэтому просто пнул ее ногой, и также закрыл. Он пронес меня через коридор, вверх по лестнице, как будто я была какой-то героиней романтического фильма. Я никогда не отдавала себе отчет, что такое было настолько примитивным и прекрасным в большом и сильном мужчине, который подхватывает и несет тебя в свою постель. Он бросил меня на кровать.

— Эй, — запротестовала я, но он схватил меня за щиколотки и раздвинул ноги. Пару секунд стояла тишина.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Просто гляжу на твою сладкую киску. Я скучал по ней целый день.

Затем я услышала, как он снял одежду, потом шуршание фольги презерватива. Матрас прогнулся, как только он залез на кровать. Он обхватил меня за талию и приподнял, усадив на колени, лицом к нему, мои ноги по-прежнему были раздвинуты.

— Покажи мне свою киску.

Я потянула за низ платья, чтобы снять его через голову, но он остановил меня:

— Нет, не снимай полностью. Я умирал от желания, трахнуть тебя в этом платье. — Он собрал платье у меня на талии.

— Раздвинь пошире бедра, — скомандовал он.

Я откинулась на спинку, подняла бедра и раздвинула ноги так широко, насколько была способна.

Он тут же потянулся и коснулся моей киски пальцами.

— Черт, ты такая мокрая. Ты даже не представляешь, насколько розовой и вкусной ты выглядишь, не так ли?

Я отрицательно покачала головой.

Он осторожно выводил маленькие круги, я застонала и качнула бедрами ему навстречу. Он вставил глубоко в меня палец, и я откинула голову назад от удовольствия.

— Знаешь, что я делаю?

Я молча покачала головой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я трахаю тебя пальцем.

— Это звучит очень пошло, — ахнула я.

— Потому что это, на самом деле, пошло. Мой палец входит и выходит в твою тугую, влажную киску. Каждый раз, когда я вхожу в нее, она с нетерпением обхватывает меня, начиная доить, и каждый раз, когда я выхожу, она издает хлюпающий звук, как бы умоляя, вернуться. Как думаешь, что она действительно выпрашивает у меня, Лара? — спрашивая, он засунул в меня два пальца

— Твой член? — простонала я.

— Почему ты думаешь, что мой член?

— Потому что мне так хорошо, когда он заполняет меня.

Он поднял меня на руки с такой легкостью, словно я весила не больше перышка.

— Ты такая маленькая, Лара, — загудел он, водрузив свой член перед моим входом. — Я боюсь сделать тебе больно.

— Я уже говорила тебе. Я не хочу, чтобы ты осторожничал. Я хочу, чтобы ты отпустил свой контроль.

Я почувствовала, как его головка раздвинула мои влажные складки и проникла внутрь,

растягивая. Мои мышцы тут же сжались вокруг его плоти.

— Видишь, как твоя киска пытается его тут же выдоить, — восхищенно произнес он.

Он еще больше толкнулся вперед, проникая глубже. И мои мышцы стали растягиваться, приспособиваясь под его размер, я начала двигаться, желая, чтобы он еще глубже проник в меня. Мое открытое влагалище находилось напротив его промежности, словно я была индейкой, которую бабушка Элейн делает ко Дню Благодарения.

— Я не могу взять тебя всего, да? — прошептала я.

— Ты возьмешь. Ты такая маленькая и тугая, но постепенно ты привыкнешь к моему размеру. И возьмешь все, что я тебе дам. Уже скоро.

Он был готов ждать, но я не была готова. Я хотела, его всего, полностью. Причем сейчас. Я начала двигаться к нему. Сначала маленькими короткими толчками, потом они становились более длинными. Я была полна решимости взять его целиком этой ночью, которая была просто создана для нас. Я начала скользить по его члену все быстрее и быстрее. Было немного больно, но удовольствие перекрывало эту боль, зная, что вот-вот он будет полностью во мне.

Он вошел в мой ритм и стал двигаться в том же темпе. Наши движения становились более яростными, неуправляемыми. Из меня лились странные звуки от удовольствия. Когда я почувствовала его всего, полностью, даже его лобковую кость, упирающуюся в мою промежность, тогда я закричала от радости. Мы точно подходили друг другу, как два кусочка мозаики, мы точно соединились, между нами не было и дюйма зазора.

Меня стал накрывать оргазм, я была очень близко, фактически шла по тонкой ниточке у края.

С трудом переводя дыхание, Кит прорычал мое имя, я в отчаяние застонала от того, что не почувствовала, как его семя, пролилось в меня внутрь. И в этот момент я решила, что ему не стоит больше надевать презерватив. Я хотела, чтобы его семя было внутри меня. Я хотела, чтобы он стал моим навсегда. Навечно. Я хотела иметь от него детей.

Со вздохом удовольствия, я запрокинула голову назад, пока его язык разжигал огонь в моем горле, и приготовилась ощутить надвигающийся оргазм, зарождающийся глубоко внутри меня.

<https://www.youtube.com/watch?v=orkEnnQN5wM>

Сквозь сон я услышал какой-то звук. Кто не знает, сказал бы что это звук падающего тела, но я знал, что он означает на самом деле. Этот звук невозможно забыть, даже если услышал его хоть раз. Даже во сне я заволновался. Живот скрутило, он моментально превратился в кипящий котел.

Этот звук явно был не из моего сна. Я был в саду, там же были и мои волки. И Лара. Мьели. Чапи лежала у меня на коленях, и я гладил волосы Лары.

Потом раздался еще один звук, отчего волосы встали у меня дыбом. Его я тоже узнал. Во сне я повернулся к Ларе, но она стала исчезать, ее лицо стало растворяться. Я заставил себя проснуться, резко открыв глаза.

Я был настороже, все инстинкты работали на всю катушку. Я быстро сел в вертикальное положение, хотя голова прочистилась от тревоги, адреналин все равно зашкаливал. Что-то произошло. Я опустил глаза, Лара все еще спала. Я накрыл ее одеялом.

— Что случилось? — сонно пробормотала она, потянувшись ко мне.

— Ничего, — соврал я. — Спи. — Я вскочил с кровати и приземлился на пол, как кошка, готовая защищаться.

— Ты куда? — спросила она.

— Не выходи из этой комнаты, я вернусь, — приказал я, схватив брюки.

Потом я услышал еще один звук, от которого сошел с ума. Это был уже не чертов сон. Все мысли улетучились, я превратился в животного. Полуголый, в одних брюках, я выхватил пистолет из комода, и быстро побежал вниз, с такой скоростью, насколько мог перебирать ногами. Я распахнул входную дверь и вылетел на крыльцо. Морозный воздух наполнил мои легкие, и тело сжалось от ледяной стужи, но я был полностью на адреналине, поэтому даже не почувствовал.

На небе виднелась половинка луны, освещающая белую землю, словно фонарь. Вид был пугающим и жутковатым, пока я стоял на террасе, осматривая открытое пространство. Ни души, но на снегу я увидел следы волков, словно они побежали в рассыпную. Голыми ногами я спустился по ступеням, глаза постоянно сканировали местность, готовые уловить любое движение. А потом я увидел темный силуэт на снегу, движущийся ко мне.

Я побежал туда.

В моей голове постоянно стучало: «Нет, нет, нет». Я остановился в нескольких футах от темного силуэта и удивленно возрился на нее.

— Нет, — из глубины моей груди вырвался крик. — О Боже, нет.

Пистолет выпал из моей дрожащей руки. Я упал на колени.

— Нет, нет, нет, пожалуйста, пожалуйста. Нет.

Моя прекрасная, красивая девушка. О, Чепи, нет. За что? Почему? За что? Слезы наполняли мне глаза и стекали по лицу. Я подполз к ее телу, всхлипывая, как ребенок. В области сердца торчала стрела, войдя на добрых пять дюймов. Вокруг ее шерсть пропиталась темной кровью, но фактически я не видел этого. Перед моими глазами стоял лучник, говоря: «Эй, волк. Испытай кайф. Не совсем в центр, но прямо в сердце, пару сантиметров промазал.

но все равно хороший выстрел, чувак».

Я опустил свой взор на свою волчицу, свирепый зеленый огонь умирал в ее глазах. Она была смертельно ранена, но в них не было мести, ненависти или злобы. Она не могла полностью сосредоточиться на мне своим взглядом, ее тело была предсмертная агония. Пасть была открыта, но она не произнесла ни звука.

По ее ране, я понял, что никак не могу облегчить ее боль и спасти ее.

Я наклонился и поцеловал ее в морду, клянусь она сосредоточила на мне взгляд на долю секунды. В этот момент мы узнали друг о друге гораздо больше, чем прежде. Я не мог точно вспомнить, когда прослезился в последний раз, но сейчас был не в состоянии остановить стекающие слезы. Мы оба поняли в этот момент все.

Она была готова уйти.

Она столько проползла ко мне раненная, чтобы посмотреть мне в глаза. Теперь настала моя очередь.

— Мой храбрая Чепи. Не беспокойся. Я позабочусь обо всем. Ты не будешь больше страдать, моя прекрасная девушка.

Я проглотил комок боли, поднял ее голову и быстро свернул ей шею, словно пруттик.

Ее безжизненное тело лежало в моих руках. Прошло столько лет, когда я вот так терял кого-то в своей жизни, кто был очень важен для меня, и я почти стал забывать, каково это на самом деле. Сейчас я потерял члена своей семьи. Боль была неопишуемой. Чепи была молодой, полной энергии, я даже думал, что она переживет меня, и волновался, как она сможет без меня обходиться, но ее жестоко убили в самом расцвете сил.

Внезапно, я завыл всемогущем криком тоски, потому что во мне скопилось слишком много боли. Я утирал слезы почти ничего не чувствующей от холода красной рукой, я вытащил стрелу одним точным движением. Ее кровь на морозе загустела.

Пару секунд я пялился на стрелку. Стрела ТАС! *(герой имеет в виду, что арбалет профессиональный с оптическим прицелом, а не любительский, прим. пер.)*

И я понял, что это не случайное убийство. Тот, кто стрелял в Чепи был профессиональным охотником, с одним из самых дорогих и точных арбалетов, какие вообще можно купить. Его скорость удара настолько невероятно высока, что ни одно животное в мире не успело бы среагировать. Мощностъ удара способна пробить любую жировую ткань и даже кости с восьмидесяти с половиной ярдов.

Учитывая, как этот стрелок завалил волчицу, скорее всего он относится к PSE Tac Elite. был прекрасным стрелком. Мое горе тут же окрасилось черной яростью, которая накрыла меня с головой. Сова, ухая вернулась на ель, дерево затрещало от мороза, остальные волки тоже стали выходить ко мне — Андак, Адам, Ролак, Коа, Лобо...

Один за другим они приходи отдать Чепи последние почести. Я услышал звук и обернулся, больше похожий на животного, чем человека. Я уже забыл о ней. Лара стояла посреди двора в снегу, с одеялом в трясущихся руках.

— Кит, — воскликнула она, в ее голосе слышался страх.

— Не подходи, — ответил я. У меня стучали зубы от холода.

Она не развернулась к дому, наоборот, стала медленно, поскольку ее ноги проваливались в снег, двигаться ко мне. Я переложил еще теплое тело Чепи на колени, а потом поднялся на ноги, держа ее на руках.

Я подошел к Ларе с мертвым телом моей прекрасной волчицы, моей прекрасной девочки.

Как только я поравнялся с Ларой, она схватила меня за руки. Тут же быстро накинула мне на плечи одеяло. Потом мы с трудом пробрались к дому по снегу, я положил Чепи в гостиную на пол.

У меня посинели ноги от холода, и меня неудержимо трясло.

Лара подошла ко мне и прижалась к моему телу. Я так долго был один. Закрытый от всех и вся. Но потом появилась эта женщина, которая принесла с собой радость, сладость, и я не мог предположить... что вместе с ней придет и враг.

Тот, кто не хотел, чтобы я был с ней.

Утром мы похоронили Чепи. Воздух был по-прежнему морозным, кусающимся, и я слышала волков, кружащих вокруг нас. Кит сказал, что волки чуют смерть с большого расстояния, но не знаю понимали ли они, что Чепи ушла навсегда. Должно быть они чувствовали, что происходит что-то серьезное, потому что у всех настроение было мрачное.

Кит плакал над ней прошлой ночью.

Он оставался в постели до рассвета, а потом тихонько прокрался вниз, чтобы посидеть около нее. Когда я спустилась через час и присела рядом с ним, взяв его лицо в ладони, мои руки стали мокрыми от его слез. Он так переживал, словно потерял ребенка.

— Мне очень жаль, — сказала я.

— Она не долго страдала, — тихо ответил он.

Я не догадывалась насколько сильно он любит эту волчицу, но я понимала его чувства. Я потеряла многих, кого раньше любила, и я знала, что словами никто не способен заглушить мою боль. Возможно только время, постепенно притупляет это страдание. Я крепко его обняла и заплакала.

Сейчас стоя на холодном, неподвижном воздухе, и слыша звук падающей земли на бедную Чепи, я не испытывала грусти. Я чувствовала поднимающуюся ярость. Я точно знала, кто это сделал. Но не могла сказать Киту, потому что ситуация выйдет из-под контроля. Сойер, поскольку был жутким трусом, конечно будет все отрицать. Все остальные, за исключением, возможно, Элейн, подумает, что я все нафантазировала, чтобы привлечь к себе внимание окружающих.

Всем в здравом уме и твердой памяти даже не придет в голову, что красавец мужчина, помолвленный с самой первой красавицей города, может влюбиться в слепую девушку, и чтобы отомстить, отправиться морозной ночью к ее любовнику, убить волка. Это звучало совсем невероятно и попахивало безумием даже для меня.

— Давай. Пойдем, — сказал Кит.

Я повернулась к нему, раскинув в сторону руки.

— Я люблю тебя, Кит.

Он резко выдохнул.

— Надеюсь, что никогда не настанет такой день, когда ты пожалеешь, что встретила со мной.

Я нахмурилась.

— А почему я должна сожалеть, что люблю тебя? Ты хороший и добрый человек.

— Надеюсь, что ты всегда будешь помнить об этом, — с грустью ответил он.

— Что это значит, Кит? — обеспокоенно поинтересовалась я.

Он взял меня за руку и дотронулся своими холодными губами до моей щеки, оставив поцелуй.

— Давай вернемся внутрь. Ты замерзла.

— Ты что-то от меня скрываешь, Кит? — голос звучал приглушенно и испуганно, хотя я на самом деле ничего не боялась. Даже ни с колечки. Я готова была доверить ему свою жизнь.

— Если уж на то пошло, дорогая, я лучше умру, чем спокойно буду наблюдать, что кто-

то может попытаться тебя обидеть. Давай не будем говорить об этом сию минуту. Вернемся к этому разговору в другой день.

Он сжал мне руку, а у меня скрутило внутренности от его слов, пока он вел меня в сторону дома.

У шерифа Брэдли были хитрые глаза. Таких людей можно встретить по всей Америке. Развращенные, совсем не заинтересованные в открытии правды или соблюдении закона. Больше всего такие люди были заинтересованы иметь прекрасные отношения с самыми богатыми семьями в своих округах, которые периодически впадала в крайности, но такие, как шериф всеми силами пытались помочь им сохранить свой статус и богатство. Взамен получая свой статус «Я шериф», обладая своеобразными полномочиями долгое время.

Шериф прищурил глаза на окровавленный наконечник стрелы, которую я положил на его стол.

— Так что, на самом деле, никто не угрожал? — спросил он. Его голос звучал несколько странно.

Это заставило мою кровь закипеть, но я полностью контролировал себя. Уже нельзя вернуть Чепи, но мне необходимо таким образом послать предупреждение своим врагам — они связались не с тем парнем.

— Нет.

— Может это подростки играли со стрелами, — предположил шериф.

— Такое возможно, но в данном случае, нет. Это произошло в 3.00 часа утра.

— Тогда может охотники.

— Волки охраняются законом. Никому не позволено охотиться на них... шериф.

Он метнул на меня взгляд, потом обратно на стрелу.

— Я поспрашиваю и посмотрю, конечно, но думаю будет трудно найти кто это сделал, основываясь только на одной стреле. В наши дни у многих имеются арбалеты.

Я приблизился к нему на шаг, отчего почувствовал, как он сжался от страха.

— Этот арбалет является очень дорогим оружием. Я бы сказал, что он относится PSE Tас Elite, но поскольку у вас теперь имеется стрела, то мне нет необходимости вам об этом сообщать. Вы можете легко отследить все по ней. И сможете узнать, что этот арбалет стоит больше 3000\$, поэтому я бы начал с известных семей этого прекрасного города.

Он втянул воздух, заскрежетав зубами.

— Как я уже сказал, я займусь расследованием, но больших надежд не питаю на этот счет. Как вы, вероятно, знаете, владельцы арбалетов не обязаны иметь лицензию на них.

— На моей земле остались следы от шин и ботинок.

— Я попрошу моего заместителя начать расследование и проверить улики, — слово «улики» он произнес, стиснув зубы, но я ничего не мог поделаться.

Я отступил на шаг назад.

— Да, и вы обязательно предупредите своих могущественных друзей, что у меня не очень хорошее зрение, и если я поймаю кого-нибудь шляющегося по моим владениям, да еще ночью, могу принять его за медведя в темноте, поэтому сначала выстрелю, а уж потом буду выяснять что, да как.

Шериф бессильно оцетинился.

— Вы угрожаете застрелить любого местного жителя?

— Нет, я угрожаю застрелить любого медведя, который позарится ходить по моей земле.

— Хорошо, потому что если ты попытаешься создать неприятности у меня в городе, я так быстро упеку твою задницу за решетку, что ты и глазом не успеешь моргнуть, — сказал он, дергая головой в сторону двери, тем самым наверное, показывая, что разговор окончен.

Идея как он собирается тащить мою задницу в тюрьму, показалась мне довольно смешной. Поэтому я ехидно улыбнулся.

— Если вам не нравится мысль стрелять по вашим горожанам, я предлагаю вам найти арбалетчика, прежде чем я отыщу медведей на своей земле.

Потом я развернулся и вышел из его кабинета.

Когда я шел по дороге к пикапу, я увидел белое лицо Лары через лобовое стекло. Она выглядела такой беззащитной и уязвимой, что у меня что-то внутри сломалось. Я хотел бы подальше ее держать от всего этого. Но скоро мне придется сказать ей правду. Я просто надеялся, что она воспримет все немного лучше, нежели ожидал. Я прошел последние несколько шагов, открыл дверь и залез внутрь.

— Что он сказал? — осторожно спросила она. Очевидно, она уже точно знала, что замечательный шериф может сказать.

— Он сказал, что пошлет своего заместителя, чтобы посмотреть на следы, но он сделал все, чтобы я понял, что из этого расследования ничего не выйдет. По его мнению, слишком многие в этом городе имеют арбалеты.

Она нахмурилась, затем странно притихла.

— Что случилось?

— Ты отвезешь меня в библиотеку, Кит. Мне нужно поговорить с Элейн.

— Я останусь и подожду тебя.

— Нет, мне еще кое-что нужно сделать. Меня отвезет к тебе Элейн потом.

— Нет, дороги ужасно плохие. Я вернусь за тобой днем.

Она кивнула, но я видел, что в мыслях она находится где-то далеко. К библиотеке мы ехали в полной тишине. Когда я остановил машину, она повернулась ко мне.

Она протянула руку и схватила мою, крепко сжав.

— Береги себя, дорогой. Езжай аккуратно.

Я вышел и помог ей выбраться из салона. Женщина в черном пальто, хмурясь, внимательно наблюдала за нами. Я разозлился, поэтому крепко сжал Лару в своих объятиях и поцеловал.

Когда я поднял лицо, Лара улыбнулась мне. Но в ее улыбке было что-то печальное.

— Ты лучшее, что со мной случилось в этой жизни, Кит.

— Надеюсь, ты всегда так будешь думать.

Она слегка нахмурилась.

— Кто-то тарашится на нас?

— Угу.

— Женщина в черном пальто и вязаной шапочке, не так ли?

Я снова посмотрел на тетку. Если бы взглядом можно было убить... то сейчас бы прогремел взрыв.

— Это Мэрибет Лютер, одна из городских кумушек. Клянусь, она так разозлила меня на днях, мне хочется ей сказать, чтобы она перестала меня осуждать, потому что путь к сердцу Бога у всех людей одинаков. На коленях.

Я улыбнулся. Я любил эту женщину. Думаю, что я полюбил ее в тот момент, когда увидел, как она выходит из синей Тойоты. Люди легко глумятся над понятием — любовь с

первого взгляда. Должно быть именно со мной такое и случилось. Мне достаточно было бросить всего лишь один взгляд на эту молодую, веселую, невинную, милую девушку, и на меня словно свалилась тонна кирпичей. Пока она не появилась в моей жизни, я даже не задумывался, что мне нужен кто-то еще.

— Скажи ей обязательно, — тихо произнес я.

— Ладно, тебе лучше поехать. Увидимся позже.

— Нет, я подожду здесь, пока ты не войдешь в библиотеку.

Она покачала головой.

— Мне нужно кое-что купить в бакалейной лавке. А потом я пойду. Давай я помашу тебе.

Увидимся у меня дома в три часа дня, — сказала она.

— До скорого, — тихо ответил я.

Я оставил ее на тротуаре и пошел обратно к грузовику. Я видел в зеркало заднего вида, как она махала мне, пока не скрылся из виду.

Я не пошла за продуктами, на самом деле у меня не было никаких дел. Я сжала свою трость и пошла тем же путем в офис шерифа. Дорога было обледенелой и коварной, поэтому я шла медленно. Когда я открыла дверь в его кабинет, он видно собирался уходить, поскольку стоял рядом с вешалкой у входа.

— Лара, — сказал он, его голос был лишен всякой приветливости.

— Здравствуйте шериф.

— Я как раз собирался на другую встречу, но чем я могу тебе помочь?

Я подошла к его столу и села на пустой стул. Громко вздохнув, он положил шляпу на стол и опустился в свое кресло за столом.

— Хорошо. Я готов тебя выслушать.

— Человек, застреливший волчицу, Сойер Беннет, — сказала я.

Наступившая тишина была такой осязаемой, что если бы упала какая-нибудь скрепка, раздался бы грохот.

— Сойер, — недоверчиво повторил он, отойдя от своего шока. — Он и мухи не обидит, которая сядет ему на нос.

— На самом деле он не такой, как хочет казаться, — настойчиво произнесла я.

— Да, а какой? — поддразнивая спросил он.

— Он скрытный. Очень злой, обиженный и коварный. Очень хитрый.

— На каком основании ты делаешь такое серьезное обвинение?

Я сглотнула.

— Потому что он сказал мне, что еще покажет Киту.

— «Покажет Киту», — задумчиво повторил шериф.

— Он собирается его наказать, — с нетерпением произнесла я. Я понимала, что шериф специально строит из себя дурачка. Таким образом, он пытался дать мне понять, что я глупая и у меня не хватает ума.

— Наказать за что?

— За то, что Кит со мной.

— А какая разница Сойеру Беннету с кем ты?

— Потому что он влюблен в меня.

Шериф Брэдли вежливо кашлянул.

— Лара, ты в курсе, что Сойер одной ногой член семьи Хавербрук, да?

— Да, но он признался, что влюблен в меня и что женится на ней ради денег, — вскрикнула я. Я понимала, что мне никто не поверит, поскольку даже для меня самой мои слова звучали дико.

Шериф откашлялся.

— Послушай, Лара. Я знаю, что Сойер сладкий, лучше любого куска сахара, и каждая незамужняя девушка по эту сторону реки тайно влюблена в него, но тебе не кажется, что ты зашла слишком далеко?

— Я ничего не сочиняю, — чуть ли не закричала я от разочарования.

— Я не говорю, что ты придумываешь, неопытная красавица, но возможно, что ты ослышалась или неправильно все поняла...?

— Я слепая, шериф Брэдли, но не глухая.

— Моя работа — присматривать за тобой, но я не смогу тебя защитить, если ты действительно утверждаешь, что у тебя с Карсоном есть какие-то отношения, и ты ходишь по округе, выдвигая совершенно нелепые обвинения. Ты рассказала Карсону о своих домыслах?

— Нет.

— Хорошо. И я настоятельно тебе советую ему не говорить. Мы не можем вершить закон своими руками. Он дикий этот Карсон, ему чужда цивилизация. У него задатки очень вспыльчивого человека. Поэтому решение этого вопроса ты предоставишь мне. Я проведу надлежащее расследование.

— Вы поговорите с Сойером?

— Если я найду доказательства против него, я сделаю больше, чем просто поговорю с ним. В этом ты точно можешь быть уверена.

— Я хочу, чтобы вы передали ему, если он не перестанет шастать по земле Старика Крика и доставлять неприятности, я позвоню папочке Хавербруку сама.

При упоминании имени Хавербрука воздух в комнате изменился, стал более холоднее.

— Я бы не советовал тебе этого делать, Лара. Мистер Хавербрук очень занятой человек, и он не очень будет рад голословным, бездоказательным обвинениям в адрес членов его семьи.

— Согласна, но я говорю правду, — с жаром воскликнула я. — Вы можете мне не верить, но я хотела бы отметить, что приехала сюда и рассказала вам всю правду — Сойер Беннет опасен и его нужно остановить.

— Моя кошка гораздо опаснее, чем Сойер. Я не знаю, откуда у тебя создалось такое впечатление, что он опасен... или влюблен в тебя, но он очень скоро-будет-женат, причем счастливо, как по мне.

— Я думаю, если вы его спросите, он ответит вам, что имеет в своем арсенале арбалет.

— Я думаю, тебе уже пора прекратить лезть в чужие дела. — Его голос стал совсем суровым, в нем пропали все заискивающие и нежные нотки.

— Я готова держать пари, что вы обнаружите, что он был на той земле прошлой ночью. Вы увидите следы от его ботинок на снегу.

— Возможно, он охотился рядом с землей Старика Крика, но это же не преступление, — спокойно ответил шериф.

— Но сейчас не охотничий сезон, — сердито возразила я.

— Уже поздно. Ты лучше беги домой или обратно к Карсону, если по-прежнему собираешься с ним встречаться.

Я расстроенная и взбешенная, и беспомощная поднялась в вертикальное положение.

— Вы не собираетесь ничего проверять из того, что я вам сообщила, не так ли?

— Собираюсь. Как только я получу доказательства, — спокойно произнес он. — Я не могу голословно обвинять людей, на основании слов девушки-худышки.

Я кивнула.

— Хорошо, тогда я сама позабочусь об этом.

— Прими, ради всего святого, отеческий совет от меня, юная леди. Держись подальше от Сойера и семьи. Не думай, что я не смогу засадить тебя за решетку только потому, что ты слепая.

— Спасибо, что уделили мне время, шериф. Вы нам очень помогли, — сказала я сквозь зубы и выбежала из его кабинета.

За окном шел легкий снежок. Нежные хлопья падали мне на лицо. Я повернула в сторону проезжей части. Джимбо, парень, у которого я покупала деревянные детали для своего искусства, притормозил на пикапе, поинтересовавшись, не подвезти ли меня до дома.

— Спасибо, — сказала я и села в теплую кабину его грузовика, в которой пахло мокрой шерстью собаки и слышался постоянный свист от дворников.

— Ты выглядишь чертовски замерзшей, девочка.

— Холодно, — согласилась я.

— Похоже будет еще холоднее, холоднее, чем сердце моей мачехи, — сказал он.

— Джимбо, — обратилась я. — Ты же охотишься, не так ли?

— Конечно.

— Ты когда-нибудь охотился с Сойером?

— Фанатичный стрелок, но я не охотился с ним с тех пор, как он получил кукурузный початок в задницу, прости за мой французский.

— У него есть ружье, Джимбо?

— Мы больше не пользуемся оружием, девочка. Арбалеты — это вещь! Быстрые, тихие и беспощадные, как моя мачеха.

Я прикусила губу.

— Получается, что все сейчас пользуются арбалетами?

— Ими пользуются умные люди.

Так что Шериф оказался прав, когда говорил, что многие охотники имеют арбалеты.

— А ты знаешь, какой арбалет у Сойера?

— У него была такая же модель как у меня, но я слышал, что сейчас у него намного круче. Парни говорили, что его возлюбленная подарила ему настоящий модный арбалет, последнюю модель на день рождения. — Он опустил стекло и сплюнул.

Этим вечером Кит был неусидчивым. Он все время проверял волков, даже во время еды, отрываясь от жареного цыпленка, которого я приготовила, вскакивал и вылетал на крыльцо, я чувствовала его беспокойство. Потом вдруг он замирал, словно прислушивался к звукам за дверью.

Мы занимались любовью, но сегодня он был совсем другим. Он с такой силой врезался в меня, словно им управляли демоны. Хотя он был все тем же, тоже тело, но его член жил своей жизнью и был совсем другим. Позже он извинился, что был слишком груб и возможно причинил мне боль.

— Нет, мне не было больно. Я наслаждалась этим, — ответила я ему.

Он снова занялся со мной сексом, на этот раз нежно, сдерживаясь, позволяя мне первой достичь оргазма, а потом только отпустил себя. Я заснула в его объятиях.

А проснулась от холода. Его не было рядом. Я натянула одежду и спустилась вниз. Он сидел на морозе, на старом, высоком стуле на террасе в окружении волков. Я тут же поняла, что стая скорбит и он вместе с ними. И мне показалось, что они сплотились в своей скорби, я почти почувствовала себя чужаком.

— Что ты делаешь? — прошептала я, стоя у открытой двери.

— Я не мог заснуть, — ответил он.

— Ты простудишься.

Я услышала, как он встал и направился ко мне. Он коснулся руками моего лица, они были такие холодные, что напоминали ледышки.

— Ты замерз, — беспокойно произнесла я.

— Я привык к холоду. — Он заключил меня в объятия своими огромными руками.

Я поежилась.

— Хочешь, я сделаю тебе чашку горячего шоколада? Я захватила с собой зефир.

— О, Лара. Не знаю, что я такое совершил в своей жизни, что заслужил тебя, но я каждый день благодарю Бога за это.

Я улыбнулась ему в ответ.

— Это значит «да»?

— Конечно, да.

— Сядь у костра и подожди меня. Я быстро, — сказала я, но он не пошел к костру, а последовал за мной на кухню и опустился на стул за столом.

Я положила в кастрюлю четыре столовые ложки какао-порошка и столько же сахара.

— Завтра мне придется вернуться к себе, — сообщила я. — Я должна закончить русалку.

— Хорошо. Я заеду за тобой после завтра.

— Спасибо, — ответила я, добавив щепотку соли и две столовые ложки молока. Я поставила кастрюлю на слабый огонь и начала помешивать. Внимательно прислушиваясь к звукам венчик, именно по этим звукам я могла точно сказать, когда растворится сахар. Я вылила остатки молока и быстро составила кастрюлю с плиты.

— Я достану кружки, — произнес Кит.

Я налила густую горячую жидкость в кружки.

— Ты хочешь добавить зефир или спиртное в какао? — с интересом спросила я.

— Спиртное? — переспросил он.

Я достала бутылку бурбона из шкафа и передала ему. Я услышала, как он льет бурбон себе в кружку, причем не мало, я разорвала пакет с зефирками и бросила горсть себе в кружку с горячим какао. Потом мы отправились в гостиную, где и пили наше горячее какао у камина.

— У тебя есть предположения, что кто-то может возражать, что ты сейчас со мной? — вдруг спросил он.

— Все, я думаю, — медленно произнесла я. Я не могла сказать ему правду. Хотя и ненавидела это признавать, но шериф Брэдли оказался прав. Если бы я все ему рассказала, то все могло стать намного хуже. Мне необходимо было первой самой поговорить с Сойером.

Я почувствовала, как он передвинулся и наклонился ко мне вперед.

— Нет, я имею ввиду того, кто может сильно рассердиться, узнав, что ты со мной. Кто-то, кто хочет взять реванш. Но он трусоват, если не сказать сильнее. Мужчина. Мужчина, который что-то чувствует к тебе.

Я наклонилась к своей кружке, чтобы он не видел выражения моего лица.

— Возможно, стоит все предоставить шерифу Брэдли, чтобы он сам провел расследование.

Кит поднялся и несколько раз прошелся по кухне.

— Он ничего не сделает, Лара. Его задача поддерживать не закон и порядок. Его реальная цель состоит в том, чтобы защищать богатых в этом городе. Он их бойцовая собака.

— Но он не может просто взять и ничего не сделать. Он обязан произвести расследование.

— Да, я видел его поддельное расследование ранее. Я точно знаю, чем кончится его расследование. Ничем.

— По крайней мере, дай ему шанс, — сказала, ненавидя, как прозвучало мое жалкое предложение.

— Я не могу сидеть сложа руки, пока по моей округе бродит человек, который может стрелять в волков, когда ему заблагорассудится. Он может прямо сию минуту находиться там, Лара. Просто выжидая удобный момент, чтобы выпустить стрелу.

Я почувствовала себя такой виноватой. Если бы не я, Чепи не была бы мертва. Даже сейчас я не могла рассказать ему всего, поскольку боялась, что он слетит с катушек и, в конечном итоге, окажется за решеткой. Все в этом городе ожидали с его стороны единственного промаха.

Он подошел ко мне и присел на корточки передо мной. Осторожно он взял меня за запястья и убрал мои руки с лица.

— Ты что-то знаешь, не так ли?

— Я не могу пока тебе все рассказать, — прошептала я. — Пожалуйста, не проси меня рассказать тебе.

— Ты кого-то защищаешь? — спросил он и в его голосе послышался шок.

— Да. Я защищаю тебя, — крикнула я.

— Меня? Это не твоя забота защищать меня, Лара. Я нахожусь здесь, чтобы защитить тебя.

— Если ты приблизишься к нему, все будет только хуже. Позволь мне сначала поговорить с ним.

— Что? — взорвался он. — Ни в коем случае. Скорее льдом покроется ад прежде, чем я позволю своей женщине находиться в одной комнате с ублюдком-трусом, который может быть рядом со мной только на расстоянии шестидесяти ярдов с арбалетом.

— Я не буду с ним разговаривать, — тут же ответила я. — Я поговорю с другим, кого он уважает. Против кого он никогда осмелится пойти.

— Лара, я не знаю, о чем ты думаешь, но это решение для меня не годится. Ты должна мне доверять. Я не дурак. И я не потеряю над собой контроль. Я не хочу никому причинить вред, но мне необходимо, чтобы ты сказала мне правду, чтобы я смог разобраться в ситуации. Мои волки прячутся на *своей территории*, пока этому маньяку разрешено свободно по ней разгуливать.

— Все не так просто.

— Нет?

Я отрицательно покачала головой.

— Объясни мне. — Мне показалось, что он готов был взорваться.

— Он влюблен в меня, но женится на другой женщине из-за денег. Он предполагает, что я никому не нужна, и что через два года он сделает кучу денег в результате связей ее отца, и тогда сможет развестись и жениться на мне.

— Бл*ть, он настоящий большой кусок дерьма, — сплюнул Кит.

— Итак, я не хочу портить с ним отношения, потому что потом все будет только хуже. Я хочу предупредить его, чтобы он держался от нас подальше, потому что я с тобой, а он женится. Думаю, я смогу его убедить, что люблю тебя, а он будет с ней, у меня с ним точно нет никакого будущего.

— Ты этого не сделаешь. Он опасен и... — Кит внезапно замолчал на полуслове и замер. — Кто-то приближается сюда. Оставайся здесь. Не двигайся, — велел он, и я услышала, как он ринулся вверх по лестнице за своим оружием. Затем, к моему удивлению, он вдруг остановился на секунду, развернулся и направился ко мне. Он встал передо мной, и вся его злость и напряжение словно покинули его.

В мгновение ока он стал обессиленным.

— Что? — прошептала я, очень сильно испугавшись, я так не пугалась никогда в своей жизни.

Он опустился на колени передо мной, и я протянула дрожащую руку к его лицу. Его глаза были закрыты, я чувствовала его сожаление и печаль. Я услышала автомобиль, подъезжающий к дому.

— Кто-то приехал? — спросила я дрожащим голосом.

— О, Лара. Я никогда не мог предположить, что тебе станет все известно.

<https://www.youtube.com/watch?v=L3wKzyIN1yk>

— Известно? — ахнула я.

Он, кряхтя, лбом упирался мне в грудь, но у меня было такое ощущение, что что-то было совсем неправильным, ужасно неправильным, я отчетливо это чувствовала. Это ощущение украло у меня дыхание и вызвало мурашки на коже. Я сидела прямо, как статуя, с руками, вцепившимися в край стола, знакомый шепот огня лизал дрова в камине, громко отдаваясь в странной тишине.

Затем слышались голоса мужчин. Они остановились перед дверью. Выжидая. Ничего? Кита? Кто они такие и почему он не выходит к ним?

Я прикоснулась к его лицу.

— Что происходит Кит? — умоляюще спросила я, но в голосе слышалась паника.

— Мне надо идти, — сказал он.

— Идти? Куда?

— Я не могу оставить тебя здесь, у себя в доме, пока этот сукин сын разгуливает вокруг, поэтому я должен отвезти тебя назад домой.

— Кит, сначала скажи мне, какого черта, здесь происходит? Ты пугаешь меня. Кто эти люди?

Раздался настойчивый стук в дверь.

— Я все объясню, когда вернусь через два, максимум три дня.

Я схватила его за рубашку.

— Нет, я не могу ждать. Ты должен сказать мне сейчас.

Стук повторился, но громче.

— Кит, — слышалось из-за двери.

— Отпусти меня, чтобы я смог открыть эту чертову дверь, — попросил он.

Я отпустила его рубашку, и он рванул к входной двери. Дверь беззвучно распахнулась на хорошо смазанных петлях, мужчины вполголоса о чем-то заговорили. Я напряглась, пытаюсь услышать хоть что-то, но... Тогда я встала и направилась в коридор.

— Отвезти ее домой? Какого хрена? Она же увидит нас, мужик!

— Она слепая, — ответил Кит.

— Сколько по времени отсюда до города?

— Полчаса.

— Ты не можешь оставить ее здесь?

— Ни в коем случае. У вас есть три варианта. Я отвезу ее домой сам и встречу с вами здесь, мы подбрасываем ее до дома и начинаем двигаться оттуда, или я не еду вообще.

Мужчина вздохнул.

— Я должен позвонить, но думаю будет легче, если мы подбросим ее.

Дверь закрылась. Я услышала шаги. Потом услышала, как Кит побежал вверх по лестнице, перескакивая через две или три ступеньки.

Полностью растерянная и оцепеневшая, я направилась в гостиную. Не раздумывая, опустилась в кресло у камина. Бугристое сидение впивалось мне в попу, и я невольно

вспомнила первый раз, когда пришла к нему. Как изменилась моя жизнь с тех пор! У меня так колотилось сердце, я пыталась понять, прокручивая услышанный разговор в коридоре. Кем был этот человек? И куда они собирались? Почему так важно, чтобы я его не видела?

Как бы то ни было, они собирались отвезти меня домой. Я встала и направилась к лестнице, поднимаясь наверх в спальню.

— Одевайся, — резко произнес он, как только я вошла. — Мы высадим тебя у дома.

Да, это был Кит, но он совсем был не похож на моего Кита. Этот человек был жестким и решительным, в его голосе слышались стальные нотки, я различила их тогда в первый раз, когда он говорил со мной по телефону. Именно так он разговаривал со всеми, но не со мной. Он никогда не был таким со мной.

Я стояла, пребывая в шоке. Он казался мне чужим, незнакомым. Мне хотелось заплакать. Я слышала его шаги, направляющиеся напрямиком ко мне.

На нем были тяжелые ботинки, не такие, как обычно. Они даже пахли по-другому, смесью сандалового дерева, металла и чего-то еще, мне не хотелось до них дотрагиваться. Его одежда шуршала совсем по-другому, такого звука я тоже не слышала раньше. И когда он находился в паре шагов от меня, я протянула руку и прикоснулась к нему.

Ткань была шероховатой, грубой. Моя рука остановилась напротив его сердца, самое мое любимое место в этом мире, но здесь ткань была еще грубее. Нашивка? Я потянула ее на себя. Послышался треск липучек.

— Что происходит, Кит? — У меня так сильно колотилось сердце, что я чувствовала его всем телом, с ног до головы.

— Дорогая, одевайся. Пожалуйста, — сказал он в голосе звучало сожаление.

— Что это такое? — потребовала я, протягивая ему нашивку. — Это личный знак?

Кит молчал.

— Да.

— Ты в форме?

— Да.

— Почему ты в форме? — Я была искренне смущена. Он никогда не говорил мне об этом. Если бы его голос не был наполнен сожалением... я могла бы подумать, что он одет в свою военную форму, как в старые добрые времена.

Но это было не так, и я знала это.

— Присядь на минутку, — сказал он, взяв мою свободную руку и потянув меня к кровати. Я неохотно подошла, опустившись на сложенные одеяла и идеально заправленные простыни. Мой мозг стал обрабатывать эту информацию. Он застелил постель. Какого черта? Зачем застилать постель, если он торопится? Наверное, по той же причине, по которой люди беспокоятся, чтобы на них было надето чистое нижнее белье, когда с ними происходит несчастный случай? Мой разум вошел в ступор.

— Что происходит? — я взяла его за руки, желая услышать все, что он мне скажет и даже то, что не сможет сказать. Мне было страшно, не знаю почему, но мне было очень страшно.

Кит вздохнул.

— Я собирался тебе все объяснить, но не было подходящего момента, — сказал он. — После того, что ты рассказала мне про своего брата и отца, я понял, что мне стоит подождать. Потом мы сблизились, и мне не хотелось все испортить. — Он откашлялся. — Я знал, если расскажу тебе, все полетит к чертям.

— Скажи мне, Кит, — прошептала я. — Неизвестность убивает меня.

Он сделал паузу на несколько минут. Потом снова заговорил, в его голосе слышалась горечь.

— Я в форме, потому что я работаю под прикрытием, Лара, — произнес он.

Я не могла вздохнуть. Мне не хватало воздуха. Я встала, и такое простое движение встряхнуло меня. Я смогла сделать глубокий вдох, не веря словам Кита.

Потом опять плюхнулась на кровать, как болванчик.

— Повтори, что ты сказал. — Я надеялась, что ослышалась.

— Я тот, кого называют в этом деле, Лара, офицер, переодетый в гражданскую одежду.

— Офицер, переодетый в гражданскую одежду? — повторила я. На самом деле я чувствовала головокружение от растерянности, словно вся моя жизнь перевернулась. — Ради бога, Кит, перестань говорить чертовыми загадками. Какого черта ты, переодетый офицер? — набросилась я на него.

— Это тот, кто создает у всех впечатление, что он обычный гражданин или такая же овца, как и все, но на самом деле, работает под прикрытием. Мы осуществляем операции, которые поручает нам правительство, но не афишируем их.

— Ты не можешь, — ахнула я. Я запустила обе руки себе в волосы. Вся моя жизнь напоминала странный, невероятный кошмар. Во-первых, Сойер сказал мне, что он был тайно в меня влюблен, шериф Брэдли сказал, что Сойер даже не способен убить муху, которая сидит у него на носу, но он пришел и убил невинного волка, теперь Кит говорил мне, что он, на самом деле, чертовый офицер, работающий под прикрытием.

Как такое могло со мной случиться? Я никогда в своей жизни не хотела связываться с военными, в итоге я получаю своего мужчину из отряда «Дельта» или морских котиков, или как там его отряд называется.

— Вот кто я, Лара. И вот, чем я занимаюсь. Я являюсь частью команды спецназа. Я был завербован семь лет назад. Я и мои сослуживцы были выбраны из-за наших навыков, отсутствие семей, нашей лояльности. Когда дело доходит до того, что наше правительство не может открыто разобраться с какой-либо ситуацией, парни приходят и забирают меня.

— На эту работу? — прошептала я.

— Правительство дает работу. Туда и обратно, коротко и ясно, раз и готово. Потом я возвращаюсь сюда и становлюсь обычным парнем, уволившимся из армии и страдающем легкой формой ПТС...

Я почувствовала себя больной.

— Это должно быть шутка.

Его голос был полон сожаления.

— Я бы хотел, но...

— Ты сказал, что был в армии. А не то, что ты по уши в ней! — обвинила я его.

— Я не говорил. Я не говорил, что демобилизовался. Я бы никогда не сделал этого, потому что это было бы ложью... тебе, мой ангел.

— А *недосказанность* не является ложью, да? — крикнула я.

Мой голос настолько был громким, что эхом разнесся по комнате. Я не могла нормально дышать. Я хотела лечь на кровать, свернуться калачиком и зарыдать, пока не отступила бы боль и ужасные мысли не выветрились из головы. Но я была сильной. Не так ли?

— Хорошо, тогда расскажи мне все сейчас же. Я хочу знать, — потребовала я с силой, даже не узнавая свой голос.

— Я не имею права ничего рассказывать. Тебе не следует знать даже того, что ты уже знаешь. Мы не имеем права никому раскрывать свое истинное лицо, даже членам семьи. Большинство семей тайных агентов считают, что их близкие демобилизованы из армии в результате полученных травм или проблем с психикой.

— Я должна знать, куда вы направляетесь сегодня вечером.

— Я пока не знаю. Меня проинформируют, как только я доберусь до базы.

— А что вы будете делать?

— Даже если бы я знал, я не могу тебе сказать.

— Но задания, на которые тебя посылают, опасные?

— Одним более опасные, другие менее.

— Боже мой! Ты так просто об этом говоришь, ты можешь умереть сегодня вечером, не так ли? — ахнула я.

— Да. — Он очень тихо произнес это слово, но оно ударило мне в самое сердце, словно пуля.

— Я не могу поверить. Нет. Почему это опять происходит именно со мной? Ты так спокойно мне говоришь, что можешь уйти и не вернуться?! Как мой брат и отец? — Мой голос звучал визгливо и истерично, одна мысль меня выводила из себя — он может умереть.

— Что подразумевают эти скрытые операции? Ты делаешь какие-то незаконные вещи?

— Часто, поэтому нам не привыкать.

— Почему?

— Потому что результат оправдывает средства.

— Если ты делаешь что-то противозаконное, значит, ты совершаешь что-то неправильное.

— Существует большая разница между тем, что является законным, а что правильно с моральной точки зрения. Понятие законности меняется со временем. Когда-то считалось законным охотиться на волков. Сейчас это не разрешено. Когда-то было узаконено рабство, покупали и продавали негров. Сейчас это вне закона. Я все делаю правильно. Кто-то должен остановить ужасные вещи, которые происходят в этом мире. Кто-то должен отправиться туда и все исправить.

Я плакала, пока он говорил, но все же нашла силы и спросила ровным голосом:

— Почему этим кем-то должен быть ты?

— Если бы все думали о своих близких, то никого бы не осталось, чтобы заняться этой работой.

— Я отдала своей стране своего отца, брата и маму. Ты просишь меня отдать этой стране тебя, мужчину, которого я люблю?

— Мы можем поговорить об этом, когда я вернусь?

— О чем тут говорить? — с горечью спросила я. — Ты не только солдат, ты — часть группы, на долю которой выпадают самые опасные задания. — Я на пару минут замолчала. — Ты убиваешь в этих тайных миссиях?

— Иногда.

Я прикрыла рот руками.

— Кто ты есть на самом деле?

— Я мужчина, который не мог предположить, что он найдет свою женщину. Я тот, кто потерял любую надежду. Я мужчина, который любит тебя.

Если бы эти слова он произнес несколько часов назад, я была бы самой счастливой женщиной на всем свете, но сейчас они звучали фальшиво. Любовь? Это — не любовь. Он обманул меня. Он знал, что я не хочу иметь ничего общего с военным, а он позволил мне влюбиться в него.

— Если что-то с тобой случится в этот раз, и ты не вернешься, я даже не узнаю об этом?

Его молчание было словно нож, всаженный мне в грудь.

— Мне даже никто не сообщит, да? — в недоумении прошептала я.

— Скорее всего, нет. Ты просто прочитаешь в газете, что в автомобильной катастрофе неподалеку отсюда погиб ветеран войны или что-то подобное.

Я в недоумении отрицательно покачала головой.

— О, Господи! Ты слышишь сам себя? Ты хоть понял, о чем ты просишь меня?

Он молчал, и мне захотелось его встряхнуть от разочарования и ярости.

— Что, если бы это была я? Что, если бы в середине ночи меня вызвали на задание, и существовал бы шанс, причем такой огромный шанс, что ты больше меня не увидишь?

Я услышала, как он прерывисто вздохнул.

— Ответь мне! — закричала я.

— Нет, я не разрешил бы тебе уйти.

— Тогда чего ты просишь от меня? — заплакала я.

— Между нами большая разница. Я не новичок. Я прекрасно обученный солдат. Не так много найдется мужчин, которые лучше, чем я в этом деле. Я хорош в этом, Лара. Вот почему меня завербовали.

— Так вот почему тогда тебя чуть не разнесло на куски?

Он тяжело вздохнул.

— Если мне суждено умереть, Лара, я умру. Я могу незаметно скользить по снегу и упасть, хотя тебя я несу к нашей входной двери весь путь.

— Ты должно быть шутишь? — ахнула я.

— Мне нужно идти, но я вернусь через три дня. Пожалуйста, не пытайся связываться с этим сукиным сыном, пока я не вернусь.

Я автоматически кивнула и услышала лязг металла, я слышала этот звук раньше. И потом я почувствовала запах, мне не хотелось дотрагиваться пальцами до этой вещи, которая пахла так знакомо. Оружейным маслом. Внезапно я все поняла. Я глубоко вздохнула. Вся ситуация ранила меня до глубины души.

— Я пообещала себе, что никогда не буду проходить через то, что пережила моя мать, — сказала я. — Я не рассказывала тебе, что произошло после похорон моего отца, не так ли? Моя мать держалась во время похорон, когда на его гроб положили этот чертовый флаг, и когда отдавали, стреляя в воздух, последние почести отцу, и пока люди в форме говорили, как они жалеют и скорбят. Мы вернулись домой, она продолжала мужественно улыбаться на поминках, но когда все ушли, она рухнула на пол в своей спальне и завывала. Она кричала, выла, рыдала, не переставая и... я... Я... не могла ее успокоить. — В моем голосе плескалась истерика.

— Нет. Нет, Лара. Не надо, — умолял он, крепко обнял меня.

Но я так рыдала, что даже не могла дышать.

— После этого она стала совсем другой. Совсем. Я не хочу этого. Я не могу. Я не хочу переживать это снова. Пожалуйста, не проси меня.

— Лара, давай поговорим об этом позже, прошу тебя. Я все тебе объясню, и ты поймешь меня, почему...

— Нет, — внезапно зарычала я, вырываясь из его объятий, вскакивая с кровати. — Ты не хочешь меня понять. Ты хочешь, чтобы я согласилась с твоей философией «цель оправдывает средства» и простила твою ложь.

— Я никогда не лгал тебе. Ты подумала, что я живу один в глуши, и решила, что больше

не имею никакого отношения к армии.

— Если бы я знала, что ты продолжаешь служить под прикрытием, я никогда бы не осталась у тебя во время той снежной бури. Я никогда бы не стала делать то, чем мы занимались, — возбужденно закричала я.

Кит тоже поднялся на ноги и сделал ко мне шаг. Он был так близко от меня, что я чувствовала тепло и напряжение его тела.

— Лара, из-за чего ты думаешь, я оттолкнул тебя той ночью? Из-за того, что ты рассказала мне о своем отце и брате. Но ты сама пришла ко мне той ночью, у меня не хватило сил противостоять тебе, я не смог тебя опять оттолкнуть. Как я мог? Ты была всем, о чем я когда-либо мог мечтать, всегда хотел иметь.

— Ты сказал, что я могу пожалеть, что спала с тобой, — сказала я ему, мой голос звучал резко и горько. — Ну, ты был прав. Я сожалею об этом. Всем своим сердцем. — Я специально произнесла эти слова, я хотела причинить ему боль, и похоже, мне удалось.

Кит втянул носом воздух и замер, словно я выстрелила в него.

У меня так болело сердце, мне хотелось обхватить его руками за шею и умолять не уходить. Я развернулась и начала двигаться к двери, но пошла немного быстрее, чем обычно, поэтому ударилась об угол стола, споткнулась и упала бы, если бы Кит не подхватил меня.

— Лара...

— Нет, не трогай меня, — закричала я. — Ты беспокоишься, что я ударилась, а тем временем спокойно разрываешь мне сердце в клочья.

Он отпустил меня, словно обжегся. Выпрямив спину, я начала пробираться к своей одежде. Кит находился позади меня.

— Лара, пожалуйста... я знаю, выглядит все очень плохо, и мне жаль, что я не рассказал тебе, но, пожалуйста, дай нам шанс.

У меня внезапно высохли слезы. Я медленно повернулась к нему. Я не слышала в его голосе жалости. Очередной раз он решил, что «цель оправдывает все средства».

— Я не знаю, куда ты собираешься. Я не знаю, что ты будешь делать. Я не смогу так жить.

— Я вернусь через три дня, — сказал он. — И тогда мы поговорим.

Сейчас его голос звучал настолько жалобно, в нормальных обстоятельствах я бы сдалась, но я тут же вспомнила соседей, стучащих в дверь, пока была и кричала мама, в результате потеряв сознание. Я по-прежнему в кулаке сжимала его нашивку. Я сделала глубокий вдох и дотронулась до его груди. Нащупав липучки, я вернула нашивку с его именем на место.

— Будь осторожен, — тихо произнесла я. — Хотя ты не для меня, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Он не пытался меня остановить, я сделала шаг назад и подошла к стулу, где оставила свою одежду.

— Лара, — произнес он.

Я развернулась к нему лицом.

— Хватит. Пожалуйста. Ты солгал мне. Ты не сказал мне самого важного. Мне казалось, что с тобой и волками я стала частью чего-то особенного. Как я могу опять доверять тебе?

Я слышала, как он с трудом сглотнул, оставаясь на том месте, где стоял. Отвернувшись, я натянула джинсы и надела блузку, стараясь нащупать на стуле свитер. Но на стуле его не оказалось, хотя я клала его именно сюда. Я услышала, как Кит подошел ко мне, поднял его с

пола и вложил мне в руку.

Мне захотелось заплакать, но я подавила желание, взяла свитер и натянула его на себя через голову. Затем я вышла из комнаты и спустилась по лестнице, он последовал за мной. Я прошла в прихожую, сняла свое пальто с крючка у двери и надела. Застегнув, я нащупала свою вязанную шапку и шарф, пока он обходил комнаты. Дом как-то затих, слышались только шаги его ботинок.

Мне не хотелось с ним разговаривать, поэтому я открыла входную дверь и вышла на крыльцо. Джимбо оказался прав — ночью подморозило. Волки исчезли. Кит как-то сказал мне, что волки живут в лесу, когда он куда-то ненадолго уходит и возвращаются, когда он возвращается домой.

Я чувствовала, как парни в машине, оценивающе разглядывают меня. Поскольку земля обледенела, я ждала Кита, когда он выйдет из дома. Молча, я позволила ему взять себя за руку и помочь спуститься по ступенькам. Кит открыл заднюю дверь минивена, и я юркнула в теплый салон.

В котором уже находилось двое мужчин, но они молчали, пока Кит меня не представил: — Это Лара, ребята. Лара, тот, что за рулем Джерри, а мудака, который сидит с ним рядом — Билл. — Кит пытался сделать вид, что ничего ужасного не произошло, но его выдавал голос.

— Спасибо, чувак. Привет, Лара, — добродушно произнес Билли.

— Как ты, Лара? — поинтересовался Джерри.

— Хорошо, спасибо, — прошептала я.

Автомобиль пришел в движение. Я была полностью оцепеневшей, пока мы преодолевали милю за милей. Мне так хотелось заплакать, но я стиснула зубы и заставила себя выпрямиться, подальше отодвинувшись от Кита.

Мы въехали в город, Кит стал давать указания по поводу дороги к моему дому. Автомобиль притормозил напротив подъезда. Я услышала, как Кит открыл дверь и повернулась на звук. Мне не хотелось, чтобы он помогал мне выходить из машины. Я опустила ногу в открытую дверь, и моя нога погрузилась в снег. Кит был тут как тут, взяв меня за руку.

— Я смогу теперь управиться сама. Ты можешь ехать, — с прохладцей произнесла я.

— Нет, я провожу тебя до двери.

— В этом нет необходимости. Спасибо за все.

— Черт побери, Лара. Я провожу тебя до двери и заведу в квартиру. У тебя нет выбора.

Я сглотнула. Я даже не понимала окончательно, что мне делать, поскольку чувствовала себя несчастной. Я положила руку ему на плечо. Мгновенно его твердые мышцы напряглись. Он выдохнул, и на секунду я подумала, что он собирался мне что-то сказать, но всего лишь сделал шаг вперед. К моей двери. Он стоял рядом и ждал, пока я вставляла ключ в замочную скважину и открывала ее.

— Спокойной ночи, любовь моя. Я буду думать о тебе, — прошептал он.

Я ничего не могла с собой поделать, у меня появились слезы.

Он протянул руку и вытер их.

— Я люблю тебя, — произнес он, — до боли.

— Тогда не уходи, — всхлипнула я.

— Это моя работа, Лара.

— Устройся на другую работу, — взмолилась я.

— Здесь я лучший. Я больше ничего не умею делать.

— У меня припасено достаточное количество денег. Мы сможем прожить, продавая мои скульптуры. — Слезы быстро текли у меня по щекам.

— Мы поговорим об этом, когда я вернусь домой.

— Нам не о чем говорить. Ты или со мной, или с армией.

Он наклонил голову и нежно поцеловал меня в лоб. А потом ушел. Я вошла в дом, закрыла дверь и прислушалась — захлопнулись дверцы машины, запустился двигатель, и они уехали в ночь.

Я направилась на кухню. Меня немного штормило, но я была в порядке. Я включила батареи, подошла к чайнику на столешнице и наполнила его свежей водой. По-прежнему не снимая пальто, я заварила чай в кружку.

Затем вошла в гостиную. В квартире было очень холодно, поэтому я включила маленький обогреватель, который имела на случай чрезвычайной ситуации. Я опустилась рядом с ним. Тепло стало согревать мне ноги.

Я дотронулась до циферблата своих наручных часов. Три тридцать пять. Мне следует пойти спать, но не хотелось. Я сделала глоток чая, даже не почувствовав его вкуса.

И в этот момент я почувствовала, что оказалась в Дуранго Фоллс, а также во всем мире, совершенно одна, словно меня все бросили. Я выпила чай и поднялась наверх. Я двигалась медленно, не спеша, как старая уставшая, покинутая всеми женщина. Я не позволяла себе плакать, по крайней мере, впереди для слез у меня было предостаточно времени.

Я уже понимала, что буду долгие годы оплакивать наши отношения.

<https://www.youtube.com/watch?v=vt1Pwfnh5pc>

Можете называть меня сукиным сыном за то, что с самого начала я не сказал ей правду, говорить, что у меня вместо мозгов дерьмо, в общем называть меня как попало, я не жалею. Я слишком люблю эту женщину, чтобы ждать момент и играть по правилам или страдать другой х*рней. Даже если я поклялся защищать эти правила, и я бы сказал ей, что я до сих пор служу в армии, все равно нет никакого, бл*дь, пути, что я смогу что-то объяснить, и я не собираюсь, бл*дь, терять единственную женщину в своей жизни, настолько идеальную для меня, настолько непорочную, из-за этого.

Да, можете считать меня эгоистом, но могу сообщить вам новость — я никогда и не претендовал на роль святого, и если бы мне пришлось сделать все с самого начала, я сделал бы то же самое. Зачем мне рисковать, даже чуть-чуть, в результате чего она может уйти от меня? Таким образом, я прошел через первую линию обороны оправданий, и завоевал себе шанс бороться за нее дальше, но в другой день. Чтобы сейчас ни случилось, она любит меня и ей будет гораздо тяжелее противостоять мне. Я буду бороться за нее, пока она не сломается и примет меня обратно, или я буду жить у ее входной двери, пока она меня не выпустит.

Я с трудом заставил себя перестать думать о Ларе. Мне следует абстрагироваться от нее. Да, если я хотел выбраться из этой катавасии живым. Я обязан сфокусироваться на выживании. Ради себя и восьмерых парней, которые вместе со мной отправились на это задание. Достаточно всего одной маленькой ошибки, и я больше никогда не увижу ее ангельское лицо и не попробую ее сладкую плоть.

Я лежал на мокрых листьях в колумбийских джунглях, в очках ночного видения, упакованный в черный камуфляж без опознавательных знаков. Если что-то пойдет не так, и меня обнаружат, то, никто меня не вернет назад. Мы были людьми, которых не существует.

Что-то склизкое ползло у меня по руке. Ой, бл*дь. Только этого мне не хватало, еще одна пиявка. Я не мог даже поджечь ее сигаретой, поэтому позволил ей устроить праздник, напившись моей крови. Я перевел глаза и посмотрел в прицел своей снайперской винтовки.

Я смотрел на большой старый склад, покрашенный в зеленый цвет, который хорошо сливался с джунглями, защищенный высоким забором с проволокой, по которой шел электрический ток, по последним подсчетам, его охраняло восемь охранников, обученных убивать. Наверное, наемники. Внутри хранилось огромное количество незаконного оружия и кокаина высокого качества. Я хотел, чтобы Лара поняла то, чем я занимаюсь.

Кто-то должен делать эту работу.

Если мы не позаботимся об этом сейчас, то завтра утром к воротам склада выстроится длинная колонна из грузовиков, готовая забрать содержимое. По одному грузовики задним входом подъезжали к складу, и мужчины на грузоподъемниках перегружали коробки из-под дешевых телевизоров, набитые кокаином. Они наполняли один грузовик за другим, готовя их отправиться в порт, и благодаря взяткам, все будет погружено на корабль, на котором будут смотреть на происходящее сквозь пальцы.

Выгрузят товар в моей стране, где уйма людей готова будет убить за дозу. Это все

должно будет произойти завтра, если бы я сейчас не был здесь и не изменил бы ход событий, поэтому история будет совсем другой.

Без разницы моя команда это сделает или нет.

Подъехал черный 4x4 внедорожник, разрезающие темноту светом фар. Охранники бросились открывать металлические ворота. Автомобиль остановился напротив двери склада. Я перевел прицел на переднюю дверь джипа. Появилась темная голова мужчины, затем показалось его тело и одну ногу он стал опускать на землю. Я направил прицел, в виде воображаемой красной точки.

Достаточно всего лишь мгновенного выстрела.

Спустя несколько дней, я вспоминал о нем. Почти опустошив бутылку виски, задаваясь вопросом, почему полно таких, как он. Как человечество пришло к этому, что появлялись такие личности, имеющие столько денег и правящие нами?

Но столь глубокие мысли и тайные операции, в которых мы участвовали, напоминали наши армейские ботинки, надетые на пуделя. Они никак не пересекались. Просто сегодня существовал простой факт: он стоял между мной и моей целью.

Голос в моем наушнике прошептал: «Мы выдвигаемся».

Прежде чем его вторая нога успела коснуться земли, я спустил курок.

Человек обмяк и упал перед джипом. Я попал прямо в цель, его голова еще не успела коснуться земли, как мужчина с переднего пассажирского сидения бросился бежать к дверям склада. Я убил его прежде, чем он смог добраться до дверей. Послышались крики и вопли. Машина, панически визжа шинами, двинулась обратно к воротам.

Я снова нажал на курок.

Все закрутилось. Вооруженные люди высыпали со склада. Их смерть пришла с другой стороны здания. От моего приятеля Роджера, с его саркастической улыбкой, имеющегося теперь перед собой идеальные цели. Я насчитал их восемь.

Внезапный вой сирены в наушнике застал меня врасплох.

— Дерьмо!

Луч света прошарил по джунглям вокруг всего лагеря, освещая ночь, как будто днем. Я моргнул.

Ах, такое не в первый раз. Опять разведка облажалась и наш тщательно разработанный план в этих влажных джунглях полетел ко всем чертям. Теперь мы были в гущи событий, хотя план был другой. Но все-таки действие было на нашей стороне. Я посмотрел на склад, пытаюсь найти хоть какие-то признаки жизни.

Из окна второго этажа заметил поблескивающий металл винтовки.

Я прицелился и выстрелил. Первая пуля попала в стену, в штукатурку. Вторая пуля разбила окно, и раздался негромкий крик, который я с трудом услышал. В двух футах от меня пролетела пуля, войдя в мягкую землю. Слишком близко, чтобы я чувствовал себя в этом месте комфортно.

Итак, мы идем, приятель. Давайте поиграем.

Я поднялся на ноги и быстро побежал вдоль борозды. Стрелок все еще пытался меня нагнать. Я слышал свист пуль, как она пролетали мимо. Он явно был не снайпером. Он был тем, кому просто могло повезти.

Я спрятался за дерево и стал ждать. У меня был правильный угол зрения, поэтому заметил его глупость, ошибку новичка, которую делают все. Только в этот раз ему несказанно повезло, и он смог выбраться живым.

Я видел отблеск его винтовки. Но я выжидал. Я видел его руку, сжимаю винтовку. Я по-прежнему ждал. Затем он высунул голову, а потом высунулся в половину, став прекрасной мишенью на линии огня, чтобы попытаться меня отыскать. Не более, чем на секунду, но эй, для снайпера этого вполне достаточно, мой друг.

Я не опускал винтовку, целясь туда, где было разбитое окно на втором этаже, и парню явно не повезло.

И именно в этот момент весь ад вырвался наружу.

Скрытые люки по периметру всего склада открылись и послышались выстрелы. Судя по всему, охранников было гораздо больше, чем донесла наша разведка, и теперь, когда дерьмо стало известным, ничего не оставалось, бл*дь, как плескаться в нем. Автоматные очереди преследовали меня, пока я не скатился с крутого обрыва на двенадцать футов вниз.

Я попытался легче приземлиться, чтобы не травмировать колени. Да, я мог бы быть крутым, но время берет свое, я старею, также как и все. В свои тридцать два я уже не был резвым цыпленком. У меня не было времени изучать рельеф местности. Я был охотником. Меня прикрывали огнем мои парни, я взвалил винтовку, вытащил пистолет и направился к задней части склада.

Я разнес выстрелом замок на двери и двинул по ней ногой, открыв, удивляясь про себя, что все слишком легко, шагнул в коридор.

Раздался кристально чистый голос Роджера в моем наушнике:

— Нарушители три часа [5], двое местных.

Мужчина в костюме повернулся ко мне и поднял пистолет. Он выстрелил мимо, попав в стену. Я выстрелил ему прямо в грудь, его качнуло назад. Этот ублюдок был в бронежилете. Второй выстрел пришелся ему в голову, которая разлетелась, как арбуз.

— Они в броне, — сказал я в свой микрофон.

— Ясен хрен, — последовал ответ, перекрывая шум далеких выстрелов.

Я всегда ненавидел в любой операции вести ближний бой, здесь не оставалось времени для раздумий. Пока ты будешь анализировать ситуацию, просчитывая варианты, как поступить, тебя уже подстрелят.

Я пробирался через подсобные помещения. Здесь было больше охранников, чем мы ожидали, но не настолько, чтобы нас остановить. Наши пистолеты молчали. Я слышал вдалеке стрельбу, которая потом и вовсе затихла. Я отправил еще двоих парней к праотцам, расчищая себе путь в подвал.

Подвал вел в сторону открытого холма, на котором была большая вертолетная площадка, окрашенная в зеленый цвет, как и сам холм. Сейчас он был пуст, можно было только надеяться, что вертолет не прилетит. Не сейчас, когда было раскрыто наше присутствие, задолго до того, как мы начали нашу операцию. Возможно мы не взяли главных парней этого бизнеса, но по крайней мере, склад был в наших руках.

О, да.

Я на пару секунд уставился на ящики с оружием. Они стояли вдоль всей стены. Их было намного больше, чем мы ожидали. Сколько? Ну за тысячу, это как минимум. Наша работа будет считаться законченной, когда мы спалим все за собой и, улетаая, будем с высоты наблюдать за начавшимся адом.

Роджер вошел в подвал, увидев меня, он выдохнул. Его низкий свист прорезал тишину, как только он увидел склад оружия. Он указал на коробки, сложенные в одном углу.

— Черт побери! — выдохнул он.

Я посмотрел в ту сторону. Действительно ох*еть — ракетные установки!

Из-за своего удивления, мы потеряли бдительность всего лишь на пару секунд, но этого было вполне достаточно.

Раздался выстрел позади Роджера. Я не видел стрелка, только как распахнулись его глаза за очками ночного видения, как хлынула кровь у него по шеи, как он закрыл ее рукой и упал на пол. Я повернулся в сторону стрелка и выгрузил оставшиеся патроны своего пистолета, переключившись на винтовку, скрывшись за ящиками. Мужчина со стоном, как и его пистолет, рухнул на пол. Меня обуяла ярость, я даже не задумался, выпустив очередь из семи выстрелом в лежащее тело. Он отправился туда, откуда и пришел.

Но Роджер тоже готов был уйти.

— Черт побери! Медик, нам нужен врач срочно, — прокричал я в микрофон, молясь, чтобы они вовремя успели сюда, зная, что это просто невозможно. Я упал на колени в кровь Роджера, растекающуюся по бетону, и положил его голову себе на колени. Он смотрел на меня своими огромными карими глазами, взмахнув своими пышными ресницами. Мы все время подтрунивали по поводу ресниц над ним. Даже на глазах его девушки. Его глаза наполнились сейчас слезами.

— Ублюдок подстрелил меня, — выдохнул он.

Я положил руку ему на шею, пытаясь остановить кровотечение. Немного помогло, но этого было мало, спасти его в этих условиях было невозможно.

— Роджер, — произнес я, — держись.

Он схватил меня за руку.

— Заткнись и слушай, бл*дь, — зашептал он, его голос стал очень тихим.

Я покачал головой.

— Медик уже идет сюда.

— Я умираю. Я не дурак. — Он начал задыхаться.

Я приподнял его голову.

— Молчи, не говори ничего, я приказываю.

— Послушай меня, — собрав силы произнес он, схватив меня за рубашку. — Пришло время уйти. Мы всегда говорили, что сделаем это вместе, помнишь?

Глаза Роджера наполнились слезами.

— Так что мы должны. Мы сдержим это обещание, ты слышишь меня, парень? Я уйду первым. Прямо сейчас. И когда ты выберешься отсюда, ты снимешь эти ботинки и сдашь винтовку, пойдешь домой, чтобы начать жить своей жизнью, мужик. Мы уйдем вместе.

— Ты не умрешь, — сказал я, сжимая рану у него на шеи, видя, как кровь все равно просачивается сквозь мои пальцы.

Он вздохнул, и в горле послышалось бульканье.

— Прекрасно делать всю мокрую работу. Однажды ты попадешься на этом. Обещай мне, что ты не умрешь, как я. Как чертова собака. Ведь не зря эти мошенники ублюдки не отправляют своих собственных сыновей, чтобы проделать эту работу. Пообещай мне!

У меня тоже появились слезы на глазах.

— Это мое предсмертное желание, — настаивал он.

Я с трудом сглотнул, словно камень, встал у меня в горле.

— Хорошо, Роджер, я обещаю.

Он улыбнулся и кашлянул. Бл*дь, из него вышел почти целый стакан крови, окрасив его руки и одежду.

— Ты заслуживаешь чего-то более хорошего и лучшего, парень. Ты заслуживаешь что-то лично для себя. Помнишь... помнишь, когда мы говорили с тобой, что хотели бы пойти на пляж... пить пиво и флиртовать с девчонками до скончания нашего века?

Я кивнул.

— Сегодня, мой друг, именно тот день. Пиво будет холодным, таким холодным, что даже чертовски больно, солнце всегда будет светить, а женщины всегда будут думать, что я намного сексуальнее, чем ты.

Я сделал глубокий вдох и посмотрел в его полуприкрытые глаза.

— У меня есть женщина, — прошептал я.

Его глаза медленно открылись.

— Да неужели? — тихо спросил он.

— Она прекрасна.

Роджер довольно улыбнулся.

— Ты поцелуешь ее и выпьешь за меня пиво.

— Да, сделаю.

— Скажи Марле правду. Она заслуживает ее знать, как я умер и почему я вообще в это ввязался.

— Скажу, — пообещал я.

— Мне стоило ей сказать все раньше, но скажи ей, что я люблю ее.

Он закрыл глаза.

— И не приукрашивай это дерьмо, парень, — прошептал он, и его рука отпустила мою рубашку.

И не было никаких почестей. Он коротко вздохнул, а потом наступила тишина, которая растянулась на долго... на слишком долго. И вот так, мой лучший друг ушел.

— Я всегда предполагала, что у тебя не все в порядке с головой, — заявила Элейн.

— Спасибо, — ответила я.

— Нет, я серьезно.

— Это не смешно, Элейн.

— Я и не пытаюсь быть смешной.

— Ты считаешь, что у меня не все в порядке с головой, потому что я изменила свое мнение о Ките? — Нет, конечно же я не рассказала ей о спецоперации, хотя бы потому, что это секрет, а Элейн, благослови ее сердце, не относилась к тем, кому следует рассказывать такие секреты, вызывающие невероятную боль у меня в сердце, кроме того, даже если бы она и узнала, она бы так мучилась, желая его кому-нибудь рассказать, но не могла бы, поэтому зачем я буду заставлять ее так страдать, ведь я ее люблю?

— Не потому, что ты передумала, а из-за того, что ты сказала мне, почему вдруг решила с ним расстаться — это просто смешно. Он, что отправился поохотиться на акул?

Я вздохнула.

— Нет, не то время месяца.

— Тогда что? — нажимала она на меня.

— Ну, если более литературно, то мы скорее всего напоминаем пару из яблока и апельсина, как тебе такое? Мы оба хотим разные вещи, — ответила я, надеясь, что она войдет в мое положение и на этом остановится в своем любопытстве. Я итак была очень расстроена, и совершенно была не в настроении отвечать на такой тщательный допрос Элейн.

Она не купилась на второе объяснение.

— Ты сутки назад была влюблена в него по уши! — тут же выдвинула она аргумент.

— Ну, я передумала.

— Ну, я не верю тебе.

— Хорошо, это меня вполне устраивает. Теперь мы можем сменить тему?

— Нет, я не собираюсь менять тему. Это важно. Ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни.

— Это просто небольшое увлечение, Элейн. Ничего больше.

— Дерьмо! В твоём заявлении столько же смысла, как синицы, какающая с дерева! Перестань врать. Я, Элен, твоя лучшая подруга, с тех самых времен, когда мы еще ходили в памперсах, полных какашек.

Я склонила голову на руку. Честно говоря, я умирала, еле сдерживаясь, чтобы все ей рассказать и поплакать на ее плече, но я не могла. Я не могла выдать секрет Кита.

— Вы поругались? — начала задавать она наводящие вопросы.

— Неа.

— Точно? — недоверчиво спросила она.

— Ну может, чуть-чуть.

— По поводу?

— Он хотел, чтобы я согласилась с тем, с чем не согласна.

Она резко выдохнула.

— В сексуальном плане?

— Боже мой, Элейн. Может сделаем перерыв в допросе?

— Так все-таки это был секс!

Я с отчаянием отрицательно покачала головой. Возможно, мне стоит что-то сказать, чтобы все же удовлетворить ее любопытство. В противном случае, этот допрос никогда не закончится. Я попыталась вспомнить что-нибудь ужасное, что он совершал, но голова была совершенно пустой, как в тумане.

— Ты могла бы все же мне рассказать. Я же твоя лучшая подруга во всем мире. Кроме того, любую проблему лучше решать вдвоем.

— Прекрати ныть, Элейн.

— Хорошо, я все поняла. Я успокоюсь и больше не задам ни единого вопроса, если ты скажешь мне, где он сейчас.

— Он уехал к друзьям.

— Он вернется?

— Мне показалось, что ты сказала, что остановишься задавать вопросы.

— Да. Просто ответь на этот последний вопрос.

— Он вернется через два дня.

— Лара, я знаю, что ты не хочешь говорить об этом, но как твоя лучшая подруга, я хочу, чтобы ты сделала себе пометку, что я думаю на этот счет — ты совершаешь самую большую ошибку. Прежде всего, он сделал тебя счастливой. С тех пор, как ты стала встречаться с ним, ты стала совсем другой, так выглядит опоссум, который спрятался в поле со сладким картофелем. Если бы ты могла посмотреть на себя в данную минуту. Ты пытаешься притвориться, что тебе наплевать, но твое сердце разрывается только от одной этой мысли.

— Это правда, я очень расстроена, — призналась я, — но все к лучшему.

— Большинство вопросов могут быть сняты, благодаря компромиссу, — сказала она.

Я сокрушенно покачала головой.

— Не в этот раз. Наши разногласия непримиримы.

— Знаешь, что такое непримиримо. Когда твой партнер изменяет или бьет тебя, или не любит. Со всем остальным можно примириться. Он делал что-то похожее?

Я молча отрицательно покачала головой.

— Поэтому ты обязана разобраться сама с собой и утрясти этот вопрос с ним. Настоящая любовь не растет на деревьях. Ты думаешь, что такой замечательный мужчина снова появится в этом задрипезном городишке? Поверь мне, когда я говорю, что все можно пережить и нет таких непримиримых вещей, о которых ты говоришь. Даже «Частокол» Питера уже подобрали.

Я почувствовала боль от ее слов, она была права. Никто не сможет заставить меня снова почувствовать себя так, как Кит, а также никто не сможет любить меня так, как он.

— Я никогда не вмешиваюсь в...

Моя голова дернулась от ее заявления.

— Хорошо, я согласна, я все время вмешиваюсь в твою жизнь, но черт побери, я никогда не настаивала, чтобы ты прислушивалась ко мне.

Я снова многозначительно дернула головой.

— Хорошо, я настаивала на многом, но я никогда не настаивала на этом раньше. Если ты не попытаешься разобраться, потом ты пожалеешь об этом и будешь жалеть всю оставшуюся жизнь.

Видно выражение моего лица изменилось, потому что она спокойно продолжала:

— Позволь мне спросить тебя кое о чем. Если бы ты узнала, что Киту остался бы всего один день жизни, ты бы по-прежнему продолжала с ним бороться, или на всю катушку использовала оставшееся время, чтобы быть с ним?

Я замерла. Надо же, Элейн ничего не знала, но ударила в самую суть. Какого черта я делаю? Я любила Кита всем своим сердцем, всем. Я даже не могла описать словами свою любовь к нему. С тех пор, как он ушел прошлой ночью, мое сердце превратилось в камень, заморозившись. Простые истины моих убеждений были хороши и правильны в теории, но теперь, когда я по уши была в него влюблена, я не могла вот так просто уйти от него и начать двигаться дальше, словно ничего не было. Моя жизнь принадлежала Киту. Если бы у меня остался только один день с ним, я бы использовала его на всю катушку. Если бы даже остался один час с ним, я бы тоже воспользовалась им по полной.

Я наклонилась и поцеловала Элейн в щеку.

— Спасибо Богу за тебя, Элейн. Ты права. Глупо упираться по поводу какого-то вопроса, который можно разрешить и во всем разобраться.

Она захлопала в ладоши от удовольствия.

— Хорошо. Постарайся выяснить все, как можно скорее.

— Элейн, если в этом городе совсем никого не осталось для тебя, тогда как же?

— Я уеду из Дуранго Фалс, Лара. Я не собираюсь здесь гнить. Я коплю деньги. В один прекрасный день я накоплю достаточную сумму, чтобы купить билет на автобус до большого города грехов.

— Города? Какого? — ахнула я.

— Голливуда.

Я разинула рот.

— Ты подумываешь переехать в Голливуд!

— Конечно.

— Что ты будешь там делать?

— Не знаю. Я пишу маленькие сценарии о жизни в маленьком городке. Попробую продать свои работы, но, конечно, начну с официантки.

— Если тебе нужны деньги, у меня есть некоторые сбережения.

— Неее, я пока набираюсь мужества, подпитывая свои ляжки и другие части тела. Ты же знаешь, как это бывает в Голливуде, заполненного сучками, которые только и ждут, чтобы выцарапать тебе глаза. В любом случае, мы говорим не обо мне. Мы говорим о вас.

Я улыбнулась.

— Ты не могла бы подбросить меня завтра до дома Кита? Я хочу сделать ему сюрприз, когда он вернется.

<https://www.youtube.com/watch?v=SBmAPYkPeYU>

Мы подъехали к дому Кита около пяти часов вечера. Я очень хорошо запомнила расположение всего в его доме. На самом деле, я готова была даже зайти так далеко, что могла сказать — я почти так же хорошо знала все у него в доме, как и в своем собственном. Я могла спокойно передвигаться по комнатам, не выставляя вперед трость, и ни на что не натываясь.

Однако, я не знала, где включается отопление, поэтому со мной вошла Элейн и помогла мне его отыскать. Мы не разожгли огонь в камине, потому что ни я, ни она не знали, как разжечь дрова, чтобы они долго горели. Мы вместе выпили чаю, но она не стала задерживаться, поскольку хотела вернуться домой к ужину.

Когда она ушла, я открыла шкаф. Все в нем было расположено в определенном порядке, поэтому я знала, где что находится. Я выбрала банку томатного супа. Пока переливала его в кастрюльку, услышала знакомый звук, кто-то царапался в заднюю дверь. Волки почувствовали, что кто-то вернулся. С счастливой улыбкой, я открыла дверь, Лобо и Коа стали приветствовать меня. Коа ушел, как только я дала им немного сушеного мяса из кладовки, а Лобо остался обниматься и ластится ко мне. Я вспомнила, как Кит меня предупреждал держаться на почтительном расстоянии от волков, так как они не домашние животные, но я полностью игнорировала его инструкции, продолжая целоваться и обниматься с Лобо, который не отступал от меня.

Когда он вдоволь наелася, тогда ушел, а я вернулась на кухню. Я подогрела суп, покрошила сыр и села за стол есть, намазав хлеб маслом.

Я слышала, как завывает холодный ветер за окном, заставляя покачиваться деревья, но в доме было хорошо, тепло рядом с дровяной печью. Я никогда не была у него в доме одна, и было странное ощущение. Я начала раздумывать о совместной жизни с Китом. Готова ли я была себя обречь на это?

Ждать длинными, одинокими ночами его возвращения. Не будучи уверенной, вернется ли он. И что мне делать, если он не вернется? Эта мысль вызвала у меня тошноту, и я быстро оттолкнула ее, и взялась за ложку, словно она была чем-то положительным, но у меня пропал аппетит.

Я умылась, надела куртку, шапку и перчатки, схватила теплое одеяло и вышла наружу. Волки все вернулись. Я могла их почувствовать и услышать. Они поднялись на крыльцо, чтобы поздороваться со мной. Я села в высокое кресло, на котором обычно сидел Кит, и стала ждать.

Я прислушивалась к звукам, надеясь услышать звук того автомобиля своего мужчины, который возвращался домой, и который забирал его той ночью. Я ни одна прислушивалась к звукам. Мой слух был более острым, чем у многих зрячих людей, но все равно мой слух был слишком далек от слуха волков.

Трое волков присоединились ко мне на крыльце, они повернули голову к дороге, их хвосты стали подметать половицы крыльца. Иногда, кто-то из них поворачивался ко мне и лизал мне руку. Снова и снова они тихо скулили, отчего я чувствовала поднимающийся страх

по моему позвоночнику.

Я поняла, что они тоже его ждут. Сколько раз они вот так сидели, ожидая его? Сколько раз мне придется его вот ждать, с сердцем, клокотавшем в горле?

Я дотронулась до циферблата своих часов. Сейчас было только восемь вечера. Кит сказал, что вернется самое позднее сегодня вечером. Я подумала, что сегодня он точно должен вернуться. А потом вдруг. А что, если он не вернется сегодня? Что, если он не вернется вообще?

Чем больше проходило времени, тем больше я сожалела, что столько ему наговорила той ночью. Хотя я была настолько уверена, что окончательно закончила с ним отношения, мне не следовало говорить ему столь ужасные вещи, когда он собирался на свою опасную миссию. А вдруг наша ссора повлияла на его концентрацию и внимание? Насколько глупо было с моей стороны, позволить ему уйти на такой горькой ноте.

Ко мне вернулись воспоминания. Я слышала, как истерически рыдала моя мать, и как лучи солнца палили мне на голову, когда я положила руку на полированный гроб. Потеря отца была худшим днем в моей жизни... пока, я не потеряла брата.

И единственная мысль, которая тогда крутилась в моем сознании, что Кит солгал мне, намеренно скрыв свою тайну. Я была в ярости, что умолчал и ничего мне не рассказал, даже когда узнал, что я влюбилась в него, но думаю худшем было из всего то, что он был готов уйти, уйти к своей работе, несмотря на то, что видел насколько я была опустошена. У меня было такое чувство, что между мной и работой, он выбрал второе.

Ма говорила: «Счастье — это печаль, выжидающая свое время». Возможно, мне стоит быть более терпеливой. Возможно, наступит такой день, когда он сильнее будет любить меня, чем свою работу. Он же не может всегда быть солдатом. Может, мне все-таки больше повезет, чем ма.

Закутавшись в куртку и одеяло, и окруженная стаей волков, я чувствовала себя уютно, словно под прикрытием, поэтому терпеливо ждала. Прошел час. Несколько раз я ловила звук двигателя автомобиля, ехавшего по главной дороге, но звук двигателя отличался от той машины, которая приезжала за Китом, а также она не сворачивала на проселочную дорогу.

На крыльцо поднялся еще один волк. Я слышала его осторожные шаги. Он подошел прямиком ко мне, это был большой дикий зверь, присевший рядом. Я почувствовала его дыхание на своей руке, как его нос ткнулся мне в ногу, потом он положил голову мне на колени. Я коснулась его морды и пальцами нащупала шрамы.

Старый Андак! Старый слепой приятель Кита. Он пришел сюда, а обнаружил меня. Я понятия не имел, зачем он решил прийти ко мне в эту ночь (наверное, за миллион лет я так и не смогу этого понять), но его приход, как выяснилось, мне был просто необходим, он сломал меня окончательно.

Поясню: я была чертовски сильной женщиной. Я могла справиться с чем угодно, взвалить на свои плечи и справиться со всем, но то, что в своем роде, это прекрасный родственник мне по духу зверь, пришел ко мне, окончательно меня добило.

Я наклонилась вперед, уткнувшись лицом в его густой, теплый мех. Он оперся на меня, и я испустила крик, похожий на раненого животного. Этот крик был наполнен всем, через что мне пришлось пройти и бороться долгими днями и ночами — все переживания и боль, страх, который заставил меня отвернуться от Кита, а затем привел назад сюда, в то место, которому я принадлежала.

Окружающие меня волки, возможно, были поражены моими действиями. Возможно,

были поражены силой звука, но волки — мудрые, красивые животные — не дрогнули. Они восседали рядом со мной, как каменные изваяния, не двигаясь ни на шаг. Они привыкли к излияниям души, и они понимали мои слезы.

Когда я больше не могла уже всхлипывать, Андак выпрямился, сев ровнее. Он обнюхал мое лицо, а затем лег рядом со мной. Моя рука повисла на подлокотнике кресла, запутавшись пальцами в его загривке на шеи. Я так устала и еще больше была напугана. Почему Кит до сих пор еще не вернулся? Он сказал самое большее через три дня. На самом деле, он был полностью уверен, что вернется через два дня.

Я закрыла глаза и стала молиться.

— Пожалуйста, Господи. Не забирай и его от меня. Не сейчас. Не тогда, когда мы так плохо расстались. Я не смогу этого пережить.

Как только шепот умер на моих губах, я услышала звук автомобиля. Это был совсем другой автомобиль, но он свернул на проселочную дорогу. Я встала. Волки тут же кинулись в рассыпную. Я подошла к краю террасы и стала спускаться по ступенькам. Андак следовал за мной. Машина остановилась на полдороги, и я направились в ту сторону. Почему они остановились? Что-то случилось?

— Кит, — закричала я, делая еще один шаг. Это был неосторожный шаг, вдруг я наклонилась вперед. К моему удивлению, огромная сила, чем та, что подтолкнула меня вперед, ударила прямо чуть ли не в сердце и отправила меня в полет в обратном направлении.

Боль была адской. Белая горячая боль проткнула мое тело. Я приземлилась на спину, с громким стуком, ударившись головой о твердую землю, но я даже не почувствовала. Моя рука потянулась к жгучей боли под лопатку.

Что-то вонзилось в меня очень глубоко.

Машина подъехала. Все происходило как в замедленной съемке. Я застонала от боли. Машина остановилась. Дверь открылась. Снег захрустел под чьими-то ботинками. Хотя я была в ужасе, мой мозг был острый, как бритва.

— Соьер? — позвала я.

Кто-то в нескольких шагах стоял надо мной.

— Прости, Лара. Мне очень жаль. Я не хотел в тебя попасть. Но ты стала падать. Я целился в волка.

— Все хорошо, Соьер. — ответила я дрожащим голосом. — Я знаю, что ты не хотел стрелять в меня. Это произошло случайно.

— Мне очень жаль, Лара. Я люблю тебя.

— Я знаю. Помоги мне, отвезите меня в больницу.

Раздался крик, потом Соьер запричитал:

— Я не могу ничем тебе помочь, Лара. Никто не должен знать, что я был здесь.

— Пожалуйста, Соьер. Я никому не скажу.

— Лжешь. Конечно, ты скажешь ему.

— Они все равно узнают по стреле.

— Я вытащу ее из тебя.

— Пожалуйста, Соьер. Не делай этого, иначе я здесь умру от потери крови.

— Ты не должна была здесь находиться. Зачем ты пришла сюда?

— Соьер, ты выстрелил случайно. Если ты вытащишь стрелку и оставишь меня здесь, это будет уже убийство.

— Заткнись, — закричал он.

— Тебе не сойдет это с рук.

— Я не могу оставить в тебе свою стрелу, — зарычал он и сделал шаг ко мне, и вдруг раздался низкий рык, еще более угрожающий, чем я могла себе представить. Такой глубокий и гортанный, что казался почти потусторонним. Я услышала, как другие волки начинают приближаться сюда со всех сторон.

С криком ужаса Соьер побежал обратно к машине. Я услышала, как захлопнулась дверь, и он помчался по дороге как сумасшедший, с визгом шин, скользящих по льду и снегу.

Боль становилась только хуже. Дом был всего лишь в нескольких футах от меня. Если бы я могла добраться до него. Я попыталась сесть, но не могла двигаться.

Потом я услышала душераздирающий рык рядом со мной. Лобо! Я почувствовала, что это он, но он был совсем другим. Он уже не был волком, который игриво лизал меня. Я вдруг вспомнил случаи, которые происходят с владельцами больших агрессивных собак, нападающих и убивающих своих кормильцев, когда у них случались сердечные приступы или судороги, и они падали на землю. Я больше не была его другом. Я стала добычей. У меня задрожало все тело от страха. Я слышала, как сужается вокруг меня круг волков. Лобо не собирался защищать меня. Он предупреждал других волков, что готов меня убить. Это была сложившаяся иерархия дикого мира.

Они собирались меня съесть!

Я открыла рот, чтобы закричать и напугать их, почувствовав мощные челюсти у себя на плече. И испытала настоящий ужас. Волки Кита собирались меня съесть заживо.

Страх был такой сильный, что я вырубилась.

https://www.youtube.com/watch?v=QNXL_-oLJU8

Я увидел слабое оранжевое пятно в верхних окнах своего дома, как только мы свернули на проселочную дорогу, и каждая клетка в теле застыла от ужаса. Какого хрена? Она находилась у меня дома, пока меня не было! А вокруг по-прежнему шарит это псих?

— У тебя свет в окнах, дружище, — сказал Билли.

Дорога была один лед, я бы бегом добрался быстрее, чем двигалась машина.

— Останови машину, — закричал я, потянувшись к ручке и выпрыгнув в толстый снег, побежал так быстро, настолько мог к дому. Волки были на крыльце, собравшись кучкой. У меня сердце заколотилось как сумасшедшее, когда я их увидел.

Ошалело я заметил следы моих волков на снегу, когда они что-то тащили, а сейчас сидели и охраняли то, что притащили ко мне на крыльцо.

Я поставил ботинок на первую ступеньку и прежде чем увидел ее, я увидел стрелу. Мои волки даже не двинулись ко мне, что лизнуть руку или выказать свою обычную радость. Они встали и нервно отошли к краю крыльца.

Я упал перед ней на колени. Тепло от животных на таком маленьком пространстве, создавало маленький оазис тепла в самый разгар зимы. Она выглядела бледной, но было такое впечатление, будто она заснула. Я прикоснулся к ее шее. Ее кожа была холодной, пульс слабым, но она была еще жива. Я дотронулся до места, куда вошла стрела. Она не издала ни звука.

Я очень нежно, стараясь не причинить ей очередную боль, дотронулся до древка, и понял, что стрела не задела кость. К счастью, стрела не вошла в ее лопатку. Иначе бы она раскрошила ее, как памятную плиту Элвиса и повредила бы навсегда, но маловероятно, что Лара оказалась достаточно настолько удачлива, чтобы она прошла через единственное безопасное место в этой части — малюсенький треугольник.

Даже если не было никаких серьезных повреждений внутренних органов, необходимо удалить стрелу. Я смог выдернуть стрелу из мертвого тела Чепи, но я не мог вытащить ее из Лары. Я боялся оторвать древко и оставить наконечник в ее теле.

Гладкая пуля может, не причиняя неудобств, остаться внутри кости или ткани, но стрелы имели грубые наконечники, поэтому могут травмировать, воспаляя ткань вокруг, в конечном итоге может привести к заражению и смерти.

Местная больница закрыла свое отделение три года назад, ближайшая была почти в часе езды. При таких дорожных условиях почти полтора часа, по крайней мере, так, поскольку других вариантов не было.

Я услышал Билли бегущего по дороге. Осторожно, я поднял ее на руки и выпрямился.

— Что случилось? — спросил он позади меня.

— Мы должны отвезти ее в больницу. — Я говорил тихо и поразительно спокойно.

Мы погрузили ее в машину, я завернул ее в свою куртку и прижал поближе к себе. Она несколько раз стонала, но я негромко говорил с ней, она задремала. Я боялся. Я очень боялся того, что происходило внутри ее тела. Полтора часа, пока мы добирались до больницы, оказались самыми длинными часами в моей жизни. Мне казалось, что они никогда не

закончатся, и мы никогда не приедем. Я чувствовал себя таким беспомощным, мне хотелось грохнуть кулаком, разбить и заорать во все горло.

Как только мы подъехали к дверям скорой помощи, мои приятели испарились. Здесь их никто не должен был видеть. Я отнес ее в приемный покой и позвал на помощь. Санитары и врачи быстро сработали, забрав ее от меня. Я направился в зал ожидания и безучастно пялился в окно. Здесь маленькая девочка с матерью тоже ждала заключения врачей. Она подошла ко мне и встала рядом у окна. Я видел ее отражение в стекле. У нее были светлые косички, и розовое платье с маленькими сине-белыми лодками.

— Ты здесь, чтобы вылечить свое лицо? — спросила она меня.

— Холли, иди сюда, перестань ко всем приставать, — позвала ее мать.

Она ускакала к ней.

Я посмотрел на руки. Они были все в запекшейся крови. Я мог плакать по Чепи и Роджеру, но я не мог плакать по Ларе. Боль была слишком велика. Мысль о потере ее была непонятной и невыносимой. Мысль, что я бросил ее в опасности, заставила меня так разозлиться, что мне хотелось своей головой пробить стену.

Я подошел к стулу и сел. Маленькая девочка играла с кубиками. Больше она не предпринимала попыток приблизиться ко мне. Кто-то пришел и позвал мать, они ушли. Я остался один и не сдвинулся с места. Я просто сидел, как будто под кайфом, пока не пришел врач. Он был полным, средних лет, лысеющим мужчиной. У него на носу были очки в металлической оправе, за которой скрывались водянистые голубые глаза.

— Мистер Карсон?

— Да, — ответил я вставая. Мои ноги стали как желе, едва удерживая меня в вертикальном положении.

Он улыбнулся.

— С ней все будет хорошо.

И при его словах, мои глаза наполнились слезами. Слезami настоящего счастья.

— Я могу ее увидеть? — спросил я.

— Можно, но она все еще под наркозом.

— Спасибо, — прошептал я. Это был один из тех моментов, если бы он попросил меня встать на колени и отсосать ему, я бы сделал. Я так был ему благодарен, что хотел его расцеловать.

— Ей несказанно повезло. Стрела сломала ей ребро и прошла насквозь, надрезав легкое, отчего там собралась кровь. Мы выкачали ее. Также сломала ей четвертое ребро с левой стороны на выходе.

— Я думал, вы сказали, что ей повезло, — прохрипел я. Я молился, чтобы стрела не задела ее легкое.

— Наконечник стрелы был в миллиметре от ее плечевой артерии. Если бы он ее проткнул, считайте, она истекла бы кровью и умерла бы в течение нескольких минут.

У меня было такое чувство, словно мое сердце в огне. Господи, стрела прошла так близко! Молча я последовал за доктором в небольшую палату, в которой лежала Лара. Она выглядела такой маленькой, бледной и несчастной. Вокруг нее работали какие-то аппараты.

Пришла медсестра, и я спросил, не мог бы я подождать здесь, когда она проснется, потому что хотел, чтобы первое, что она почувствовала очнувшись, мою руку.

Она любезно улыбнулась.

— Думаю, почему бы и нет.

Когда Лара пришла в себя спустя несколько часов, она легонько сжала пальцы моей руки, пока я сидел на стуле и держал ее за руку.

— Кит, — пробормотала она.

— Я здесь. Я больше никогда тебя не оставлю.

— У меня грудь очень сильно болит, — прошептала она.

— Я знаю, детка. Знаю. Мне жаль.

— Что со мной случилось?

— Шшшш... отдыхай сейчас. Мы поговорим об этом позже.

Я встал и поцеловал ее в лоб, и подождал, пока она снова не заснет. Я наблюдал как поднимается и опускается ее грудь, а потом вышел из палаты. Уже начался новый день.

На парковке я обнаружил свой пикап. Как мы и договорились, парни перегнали его сюда, оставив ключи под козырьком на лобовом стекле. Я сел и поехал в город, где нашел забегаловку и решил позавтракать.

Я заказал много всего, предстояло много работы, и я набросился на еду, как изголодавшийся путник. Я выпил две чашки черного кофе, потом подошел к телефонному автомату и позвонил шерифу Брэдли. Я рассказал ему о несчастном случае и попросил рассказывать все Элейн.

— Имеются ли какие-либо вещественные доказательства? — спросил шериф Брэдли.

— Неа. Вообще ничего. У вас нет никаких мыслей на этот счет?

— Даже не могу себе предположить. Должно быть дети снова хулиганят на вашей земле. Мне придется сделать им строгое предупреждение.

— Я был бы очень признателен, шериф. Вам определенно стоит именно так и поступить. Я буду здесь в Тапли в течение следующих нескольких дней, — сказал я. — Я заметил мотель, когда проезжал мимо, скорее всего остановлюсь в нем.

— Как он называется?

— Биг Блю.

— Да, я знаю, где он находится. Если что-то появится, я дам вам знать.

— Очень благодарен, шериф. Высоко ценю ваше участие.

Как я и ожидал, Элейн влетела в двери приемной больницы перед обедом. Она выглядела бледной и испуганной. Я ждал ее там и как только услышал, что она произнесла имя Лары, подошел к ней.

— Элейн? — спросил я.

Она крутанулась всем телом ко мне. Красивая девушка с каштановыми волосами, большими, зелеными глазами и с губами купидона, больше уже не столь популярен этот тип, но мне кажется, такой тип редкий и особенный. Она была выше и стройнее, чем Лара. Роджеру бы она понравилась, это был его тип женщин. Если бы он был здесь, он явно стал бы с ней флиртовать.

— Кит Карсон, — выдохнула она, схватившись за грудь, как если бы я был графом Дракулой.

Я растянул губы в своей самой дружественной улыбке.

— Да, это я.

— Ах, да. Как Лара?

— Все будет хорошо.

Ее плечи с облегчением опустились.

— Она сейчас спит. Давай, я отведу тебя к ней.

Лифт был старым, поэтому поднимался очень медленно. Мы молчали. Ее взгляд скользнул в сторону, потом очень быстро она посмотрела на меня, встретившись с моими глазами. Она прочистила горло и посмотрела на загорающиеся цифры вверху кабины. Когда дверь со скрипом открылась, так медленно, словно старый гроб, я указал ей направление.

Я открыл дверь и увидел спящую Лару. Элейн быстро подошла к кровати. Нормально было бы мне выйти и дать ей возможность побыть вдвоем, но мне было любопытно посмотреть на ее реакцию.

Она взглянула на Лару и начала тихо всхлипывать. И ее реакция сообщила мне все, что мне было необходимо знать. Я понял, что могу доверить ей Лару. Тихо, я выскользнул из палаты, прислонившись к стене, и стал ждать, когда она выйдет.

Когда дверь открылась, я выпрямился.

— Я могу купить тебе кофе из автомата?

— Да, — сказала она и слабо улыбнулась.

Мы пошли к кофе-автомату.

— Хочешь шоколадку?

Она покачала головой. Я бросил несколько монет в щель и достал наш кофе. Оно было, на самом деле, просто ужасным, но мне нужен был предлог, поэтому я мог выпить миллионов чашек кофе, если бы они хоть как-то помогли Ларе. Я повел ее к диванам.

— Я не могу до конца понять. Шериф Брэдли сообщил, что произошел несчастный случай на охоте. Я высадила ее перед твоим домом. Она была в порядке, когда я ушла около 7:00 вечера, что случилось? — спросила она, шмыгая носом и вытирая нос платком.

— Когда я вернулся, я обнаружил ее со стрелой в теле.

Ее глаза сузились и заблестели от подозрения. Она не была наивной девочкой, в ее глазах явно виделся ум.

— Стрела?

— Почему ты думаешь, шериф Брэдли сказал тебе, что это был несчастный случай на охоте, когда сейчас даже не сезон охоты?

— Как думаешь, что случилось? — осторожно спросила она. У меня было такое чувство, будто мы поменялись ролями.

— Думаю, что у Лары появился опасный поклонник, — ответил я, внимательно наблюдая за ней.

Она пристально посмотрела мне в глаза.

— Сойер. Его зовут Сойер Бьюкенен.

— Он кажется помолвлен с кем-то?

— Да.

— И его невеста из богатой семьи?

— Самой богатой, — уверенно произнесла она.

— Почему ты думаешь, что это был он?

— Потому что он всегда был влюблен в Лару, но он не мог устоять перед соблазном больших денег, став зятем Ретта Хавербрука.

Я кивнул.

— Ты собираешься поговорить с ним?

— Нет, я оставлю это шерифу Брэдли. Нельзя вершить закон своими руками.

На секунду она нахмурилась. Затем улыбнулась, огромной солнечной улыбкой.

— Да, я думаю, что это лучше всего. Мне нравится эта идея. Таким образом, каждый получает именно то, чего заслуживает.

— Каждый получает то, что заслуживает, — негромко повторил я.

— Что говорят врачи о Ларе? Когда она сможет вернуться домой?

— Если не будет никаких осложнений, я, наверное, смогу забрать ее через неделю, но восстановление потребует от шести до восьми недель. Ей придется не легко в течение этого времени.

— Это хорошо. Думаю, мне лучше пойти посмотреть, не проснулась ли она.

— Прекрасная идея. Она будет счастлива увидеть тебя.

Она кивнула и ушла. Я наблюдал за ней, выбросив ее нетронутую чашку кофе в мусорное ведро, но мой ум уже был занят другим.

Я бы сказал, что этот Сойер Бьюкенен, оказался легкой добычей для отслеживания. Он пил в местном баре.

Я видел, как он вышел из бара покачиваясь и залез в свою машину. Затем я последовал за ним, пока он не оказался на более тихом, безлюдном участке дороги. Когда он почти подъехал к местности, где деревья редко стояли по одной стороне дороги, я включил подложную полицейскую сирену.

Он мгновенно остановился, такой послушный.

Но на его лице отразился настоящий шок, когда он увидел меня в своем окне, а не одного из своих дружков, обладающих властью. Жаль, что я не мог его сфотографировать.

— Чего ты хочешь? — загремел он пьяно.

Не тратя время на разговоры, я двинул его по лицу и выключил фары его автомобиля. Я направился к своей машине. Если кто-то проедет мимо, решит, что он в отключке.

Я отвез свою машину в лес и спрятал ее из виду подальше. Насвистывая, я вернулся обратно к его машине и перетащил его на пассажирское сиденье. К счастью для меня, так

никто и не проехал по этой дороге, пока я вез его к себе домой.

Я перебросил его через плечо, неся в лес за домом и бросил в яму, которую выкопал заранее. К моему удивлению, он пришел в себя и огляделся вокруг мутным взглядом.

— Что ты делаешь? — спросил он воинственно.

— Это хорошо, что ты проснулся для своих похорон, — сказал я спокойно.

Он попытался встать. Я взял свое ружье и выстрелил по его коленям. Две пули. Я меткий стрелок.

Эй, что за спешка. Я видел много умирающих людей за свое время, но он должен был сорвать куш. Я с любопытством наблюдал за ним. Мне никогда не нравилось убивать, но наблюдая за ним, на самом деле, те страдания, которые я испытал, выкапывая для него эту яму, окупались сторицей. Земля совершенно заиндевила и ради этой суки, я ломал спину.

Пока он продолжал выть и кричать от боли и ужаса, я взял свою лопату и начал кидать холодную землю на него в яму. Вы бы видели, как он стал хвататься руками, пытаясь выбраться. Каждый раз, когда он клал руки на край ямы, я ударял по ним лопатой.

Это была настоящая пытка.

Он лежал в яме, пытаясь мне что-то объяснить. Повторяя, что это был несчастный случай. Что она случайно наклонилась. Потом он начал извиняться. На своей последней церемонии перед смертью. Он умолял, кричал, угрожал, обещал, выл, ругался, но ничто не могло остановить меня не кидать землю в его могилу. В конце концов, его рот наполнился землей и даже приглушенно и давясь, он продолжал что-то говорить, пока не заглох окончательно.

На моей земле установилась тишина.

Махая лопатой, я вернулся в дом. Я снял диски с его крутой тачки и поставил новые. Через десять минут прибыл мой приятель Грейсон и его приятель Тед. Тэд приехал на своей машине, Грейсон и я забрались в машину Сойера и отправились к тому месту, где я оставил свой грузовик. Он попрощался, и я сел в свою машину. Мы разъехались в разных направлениях.

И никому не было заплачено ни цента.

Прошла неделя, как я была в больнице. Я не спрашивала Кита про тот день. Я знала, что он не хотел меня расстраивать, и меня это вполне устраивало, потому что мне хотелось подождать, пока я не окажусь у него дома, прежде чем скажу о своем решении. Сегодня был мой последний день в больнице, и Кит пошел купить кое-какие лекарства, когда в палату вошел мужчина.

— Привет, Лара, — приветствовал он меня. Его голос звучал пафосно и непреклонно. — Вы не знаете меня, я Ретт. Ретт Хавербрук.

Я так резко выдохнула, что почувствовала боль в легких. Потом расслабилась и сделала несколько неглубоких вдохов.

— Прости, если я тебя напугал, — сказал он, подходя ближе.

— Что вы хотите? — подозрительно спросила я. Я не желала получить неприятности от могущественной семьей мистера Хавербрук.

— Я хочу тебя поблагодарить.

Я замерла от изумления.

— Поблагодарить меня? За что?

— Что ты побеспокоилась о моей насущной проблеме.

Я нахмурилась.

— Проблеме? Какой проблеме?

— Моя дочь собиралась выйти замуж за никчемного золотоискателя. Она отказывалась слушать все мои доводы, когда я пытался достучаться до нее. Шериф Брэдли сказал мне, что благодаря тебе, юная леди, он, наконец-то исчез с поля ее зрения. Сбежал, поджав хвост.

— Ну, ээээ... — сказала я тихо. — Да, хорошо, что Кейли не вышла за него замуж. Он не хороший человек.

— Ну, — он выдохнул. — Я заскочил к тебе, выразить свою благодарность и вернуть должок. Если ты в чем-то нуждаешься, не стесняйся обращаться ко мне. Если тебе что-то понадобится. Деньги? Что еще? Просто свяжись со мной.

Я отрицательно покачала головой.

— Благодарю вас, но мне ничего не нужно, мистер Хавербрук, — а потом я замолчала. — На самом деле, мне кое-что нужно. У вас есть связи в Голливуде?

— Думаю, найдутся, — ответил мистер Хавербрук, и я услышала улыбку в его голосе.

— Хорошо, потому что у меня есть подруга, которой я хотела бы немного помочь. Но вы не должны говорить ей об этом. Это должно храниться в секрете.

— Ну, тогда, это будет нашей маленькой тайной, — сказал он, Кит вошел в комнату.

— Вы должно быть Кит. Я Ретт, — учтиво произнес он.

— Приятно познакомиться, — вежливо ответил Кит, но голос был жестким и отстраненным.

— Для меня это большое удовольствие. Вы и Лара должны прийти к нам на ужин. Познакомиться с моей женой и дочерью.

— Я не очень люблю выходить куда-то, Ретт, но спасибо за приглашение.

— Ну, я тогда пойду. Хорошего дня вам обеим.

— Я свяжусь с вами по поводу моей подруги. Ее зовут Элейн.

— Что это было? — спросил меня Кит.

Я радостно рассказала ему о предложении Ретта Хавербрука помочь нам.

Медсестра выкатила меня на инвалидной коляске из больницы, Кит помог мне забраться в пикап.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

— Да.

— Помнишь, если ты почувствуешь одышку, внезапную острую боль в груди, повысится температура или на ране появятся какие-то выделения, сразу скажи, нам тут же стоит вернуться в больницу, — обеспокоенно произнес он.

Я кивнула.

— Хорошо.

— Отлично. Ты готова поехать домой?

— Да, — улыбнулась я ему.

После недели, проведенной в больницы, было несколько странно вдохнуть свежий, холодный воздух. Моим легким было немного больновато, но я наслаждалась ощущениями морозного холодного воздуха, несмотря на то, что он словно покусывал легкие.

В машине по дороге домой мы почти не разговаривали. Я чувствовала себя уставшей, но счастливой. Очень счастливой. Возможно, даже задремала в тепле кабины. Когда я проснулась, Кит уже припарковался. Его рука коснулась моей кожи, она была такой теплой, как будто он только что снял флисовые перчатки. Он дотронулся до моего плеча, затем наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб.

— Все хорошо? — спросил он, в его голосе слышалось беспокойство и нежность.

— Да, — тихо ответила я.

— Пойдем внутрь, — также тихо произнес он.

Кит осторожно, как будто я была сделана из сахарной ваты, помог мне выйти из машины.

— Я понесу тебя? — спросил он.

— Неаа, ты бросишь меня в снег, — пошутила я.

Но он не засмеялся. Медленно, шаг за шагом, он повел меня к террасе. Он открыл дверь, и я услышала отчетливый шорох волчьих лап по деревянному полу позади себя. Я ахнула от изумления. Я не слышала, как он подошел.

— Это Лобо? — Кит рассказал мне, как обнаружил меня в окружении волков.

Когда я сообщила ему, что Лобо жутко рычал на меня, он сказал, что Лобо рычал на других. Предупреждая их держаться подальше от *его человека*. Он пояснил, что Лобо схватил меня за плечо своими челюстями, чтобы тащить меня к террасе. Каким-то образом, ему удалось втащить меня вверх по ступенькам на крыльцо. И тогда волки окружили меня со всех сторон, охраняя и согревая.

— Да, — ответил Кит, его голос стал приветливым и добрым, я не слышала его таким.

Я впервые улыбнулась за долгое время.

— Он хочет войти со мной. Он мой приятель.

— Если ты хочешь, парень, можешь войти, — сказал Кит.

— Я думала, что ты против, чтобы волки были в доме.

Кит обнял меня своими сильными руками и поцеловал в волосы

— Он спас тебе жизнь, Лара. Насколько я понимаю, он даже может спать в моей кровати.

Я прикусила губу.

— Мне так стыдно, что я тогда на мгновение подумала, что они собирались меня съесть, а на самом деле, я обязана своей жизнью Лобо и остальным.

— Эй, не волнуйся об этом. Они не узнают об этом, и даже если они почувствуют, животные не держат обиды. Ты была напугана, и поскольку так близко не общалась с животными, конечно боялась.

— Я рада, что они никогда не узнают те мои мысли, — тихо ответила я.

— Будь я проклят. Похоже, он решил свернуться калачиком перед камином, как собака.

— Мне кажется, я тоже готова свернуться калачиком у камина, — сказала я и подошла к огню.

Спустя несколько минут мы все столпились вокруг камина, Кит подбросил дров и огонь заревел. Лобо прижался к моим ногам, тепло его большого тела мгновенно согревало меня. Я протянула руку, чтобы почесать его за ушами.

— Нам нужно поговорить, — сказал Кит.

— Согласна. Ты начнешь первым.

— Я знаю, что солгал, и это было неправильно с моей стороны. Совсем неправильно. Я очень сожалею об этом. — Кит встал и начал расхаживать по комнате взад-вперед. — Знаю, когда мы расстались в тот последний раз, ты сказала, что больше не хочешь меня видеть, но я хочу кое-что объяснить для начала, а потом ты сможешь решить, хочешь ли до сих пор расстаться.

Я открыла рот, чтобы сказать ему, что даже если бы ему осталось жить только день, я была бы с ним, но Кит прервал меня.

— Пожалуйста, выслушай меня.

— Ладно, — спокойно согласилась я.

<https://www.youtube.com/watch?v=m5N9IHqqGcA>

— Знаю, что я ушел без всяких объяснений, куда и зачем я иду, но тебе стоит понять, что есть вещи, которые я не могу тебе рассказать. Я никогда не смогу рассказать об этом. Мне придется сохранить эту тайну в себе, просто потому что... я дал присягу.

— Единственное, что я могу тебе сообщить — меня перебросили в другую страну. Это была опасная работа. Мы имели дело с людьми, которые готовы были отгрызть тебе руку за твои часы. Я бы хотел рассказать тебе больше, но могу сказать, что операция была частично успешной. Мы не заполучили самых плохих парней, но захватили оружие и наркотики.

Он помолчал.

— Во всяком случае, было много стрельбы и мешанины, и мой лучший друг... Роджер, я никогда не рассказывал тебе о нем, потому что он всегда был частью моей другой жизни. Не знаю, как рассказать тебе о нем, не рассказав все, но сейчас думаю смогу тебе кое-что сказать.

— Мы вместе с ним пошли в армию. Он был разведчиком очень долгое время, прежде чем перешел на темную сторону, как он любил говорить. Он работал со мной в спецназе под прикрытием. Он был такой же крутой, как и все мы. Мы вместе прошли через многое. Он был рядом со мной все время. В каждой миссии... он был рядом.

— Роджер был ценителем пива. Однажды он разбил свой байк, потому что машина резко затормозила перед ним, и он клялся мне, что это единственный раз, когда он реально увидел всю свою жизнь, пролетевшую перед глазами. После этого он был достаточно силен, обнаглел, я бы сказал, что готов был возглавить команду в самом аду, но при этом слишком мягок, чтобы опять сесть на мотоцикл.

Кит сел и вздохнул.

— У него были потрясающие карие глаза, которые обладали магнетизмом. Мужчина был просто монстр. Мы предпочитали посещать экзотические пляжи, где он всегда занимался любовью, иногда три или четыре раза за ночь, у меня же в большинстве своем, после этих ночных бдений, был песок во всех неправильных местах. Он... он был храбрым и сильным, но при этом плакал, как маленький ребенок, когда умерла его собака...

Кит сделал глубокий вдох.

— Он умер, Лара. Он умер на моих руках в этой последней поездке. Он стоял в неправильном месте в неправильное время, и мы не заметили противника, пока не стало слишком поздно.

Голос Кита был наполнен болью и грустью, и это разбивало мне сердце. Я никак не могла ему помочь. Его лучший друг никогда не вернется. Я протянула руку, коснувшись его плеча. Я почувствовала, как Лобо пододвинулся к нему поближе, и Кит положил руку на голову большого волка, а тот положил голову мне на колено.

— Он умер, и я не вернусь, Лара. Я ухожу из армии.

— Ты что? — Я не могла поверить, мысль сказала взад-вперед, как мячик в пинболе. — Что это значит?

— Это значит именно то, что ты подумала, — сказал он.

Мое сердце ухнуло от неверия.

— Я закончил со спецназом, — подтвердил он. — У меня есть несколько месяцев, чтобы подумать, буду ли повторно вербоваться. Но я не собираюсь возвращаться. Я думал... эта работа была всей моей жизнью. Но я понял, что не смогу жить другой жизнью, если я останусь в спецназе.

Я с трудом сглотнула. Я так сильно хотела, чтобы он ушел из армии, но...

— Кит, иногда мы принимаем поспешные решения, когда скорбим...

— Я знаю, но это не связано со скорбью о нем. Роджер и я пообещали друг другу, что мы уйдем в отставку вместе. Он не успел уйти, как хотел, но он заставил меня пообещать, что я должен... и я согласен с ним. Я закончил с этим, дорогая. Ради чего-то реального. Ради чего-то хорошего.

— Понимаю, что возможно на данный момент, для тебя это не столь важно, возможно ты до сих пор планируешь расстаться со мной. Это нормально. Я солгал тебе. Я скрыл от тебя важную часть своей жизни. Я все понимаю, даже если ты захочешь уйти, но должен тебя предупредить — я не смогу, я не смогу тебя отпустить. Никогда. Ты моя.

— Ты стала моей с того самого дня, как только вышла из синей Тойоты. Ты была такой непорочной и святящейся, как яблоко. Мне достаточно было одного взгляда на тебя, чтобы подумать: «Она слепая, но от нее исходит такой свет, а я зрячий, но живу в темноте». Я выжил благодаря тебе. Благодаря тебе я просыпаюсь каждое утро, Лара. Я буду настаивать и просить тебя выйти за меня замуж. Мои колени еще в хорошей форме, поэтому я могу достаточно долго простоять на них, умоляя тебя выйти за меня замуж.

— Кит. — Я сжала его плечо и притянула ближе к себе. — Теперь моя очередь говорить. Ладно?

Я несколько раз глубоко вздохнула, пытаюсь собраться с духом и надеюсь, что не буду плакать. Глупая идея, слезы тут же навернулись у меня на глазах и покатались по щекам.

— Я пришла к тебе домой тем вечером, потому что уже приняла решение. Благодаря Элейн я многое поняла, даже если бы тебе оставался один день жизни, я провела бы его с тобой. Не важно через какие страдания мне пришлось бы пройти, но каждая секунда с тобой, стоила любой боли.

Рука Кита крепче сжала мою.

— Только когда ты ушел, я только тогда поняла, насколько сильно тебя люблю. Я знала, что люблю тебя, но не понимала насколько сильно и глубоко. Я люблю тебя так сильно, что чувствовала, будто умираю без тебя. Я не могла есть. Я не могла спать. Я не могла ничего делать. Я просто сидела дома в пижаме, пока не пришла Элейн и не вывела меня из этого состояния, тогда я быстро оделась и попыталась сделать вид, что все нормально.

— Подожди... что ты сказала?

Я улыбнулась сквозь слезы.

— Очень смешно.

Кит повернулся и обнял меня, Лобо стал выбираться из наших объятий. Мне показалось, что он даже отчаянно вздохнул, как будто был человеком, который устал от нашей ерунды. Я услышала, как он направился к входной двери и лег там, и я представила, как он смотрит на нас, словно подросток, наблюдая за своими родителями, которые в его присутствие не стеснялись проявлять такие нежности друг к другу.

Я оторвалась от груди Кита.

— Кит, мистер Хавербрук сказал, что Соьер наложил в штаны и смысла из города, так

как выстрелил в меня, но я в это не верю. Я хочу сказать, что знаю, что он трус, но он бы решил, что все сможет исправить, как только женится на Кейли. Сойер же не уехал, да?

— Я никогда тебе не лгал, Лара, и не собираюсь делать это снова. Уверена, что желаешь знать правду?

— Да. Мы пройдем все вместе. Неважно. Если тебя арестуют, я тоже пойду с тобой.

— Я позволил ему уйти безнаказанным, когда он убил Чепи, но он перешел черту, когда оставил тебя умирать. Психопат не остановится ни перед чем, пока будет ходить по этой земле, я понял, что все, кого я люблю, подвергаются опасности с его стороны. Я не собираюсь ждать, пока шериф что-то предпримет. Поэтому я сам позаботился обо всем.

— Он мертв? — спросила я.

— Он ушел, Лара. Он никогда не вернется. Для меня важна ты и мои волки, которые будут целы и здоровы на этой земле. — Голос Кита изменился. — Пока я жив, никто не посмеет обидеть мою принцессу.

Сердцем я понимала, что Кит был прав. Сойер был по-настоящему безумен, и только Бог знал, что он мог в конечном итоге сделать с самой Кейли. А что если бы он выполнил свою угрозу и вернулся за мной? Я безмолвно с благодарностью прочитала молитву, что такого больше не произойдет.

— А что будет, если кто-нибудь узнает? — поинтересовалась я.

— Я предпринял некоторые шаги, гарантирующие, что никто не узнает. Земля сохранит мой секрет надолго, даже когда нас уже не будет в живых.

Кит притянул меня к себе и крепко обнял, мне даже стало трудно дышать. В конце концов, мне пришлось надавить ему на грудь обеими руками, чтобы немного отстраниться и глотнуть воздуха. Но я так и не сказала ему того, что хотела сообщить.

— Прости, — извинился он за свои крепкие объятия.

— Поэтому я решила, что я приму тебя такого, как ты есть и научусь справляться с твоей армией. Теперь, когда ты сказал мне, что демобилизуешься, я счастлива, потому что эти несколько дней, пока ты отсутствовал были ужасными, я не знала, жив ты или мертв. Но по любому, я сейчас здесь, и я не уйду.

— Повтори, это снова, — попросил он, и в его интонации слышались поддразнивающие нотки.

— Что я не уйду?

— Нет. Другое.

— Я очень люблю тебя, сексуальный красавчик.

Кит засмеялся и опять прижал меня к своей груди.

— Я тоже люблю тебя, дерзкая, сладкая, красивая. моя заноза в заднице. Ты даже представить себе не можешь, через что я прошел, когда увидел тебя, лежащую на крыльце. Бл*дь, снова через это я пройти буду не в состоянии. Я думал, что больше никогда тебя не увижу...

— Кит, — прошептала я ему в подбородок.

— Да?

— Теперь, пожалуйста, заткнись и покажи мне, как сильно ты меня любишь.

Он засмеялся в мои губы, прежде чем подняться, подхватил меня на руки, словно я ничего не весила. Уверенной поступью он направился на руках со мной к лестнице.

— Мы же не хотим, чтобы Лобо наблюдал за нами. Я не хочу тебя с ним делить. Ты моя, а ему следует найти себе волчицу, — сказал он.

Он опустил меня на кровать, и сразу же его руки стали расстегивать мою блузку.

— Разреши мне показать тебе, как сильно я тебя люблю, — сказал он, открывая пуговицу одну за одной и целуя появляющиеся участки голой кожи, двигаясь все ниже и ниже.

— Давай, — прошептала я, что он и сделал. Снова и снова.

<https://www.youtube.com/watch?v=vGJTaP6anOU>

— Хочешь пойти со мной или подождешь здесь? — спросил я Лару.

— Я подожду здесь. Иди и сделай все, что нужно, — сказала она и улыбнулась.

— Ладно, я не долго. — Я поцеловал ее и выпрыгнул из грузовика. Подошел к входной двери небольшого дома с безупречным газоном. Мне открыла дверь женщина.

— Привет, Марла, — произнес я.

Она в удивлении открыла рот.

— Кит. Что ты здесь делаешь?

— Я проезжал мимо и решил зайти. Где Майк?

— На работе, — медленно ответила она.

— Дети в школе?

— Да. Войдешь? — Годы изменили ее внешность, в ней появилось что-то печальное.

— Конечно, — сказал я.

— Кто-то остался в машине?

— Это моя девушка Лара.

— Она не хочет войти?

— Нет, она слушает Долли Партон. Кантри — музыка не для моих ушей, поэтому у нее сейчас отличная возможность ее послушать, когда меня нет рядом. — Я улыбнулся ей.

Возвратив мне улыбку, она открыла дверь по шире, я вошел внутрь. Здесь все было очень аккуратно, цветочные занавески на окнах подвязаны красивыми лентами, диваны выглядели, как миниатюрные копии реальных вещей. Все напоминало кукольный домик.

Она махнула рукой в сторону большого дивана.

— Хочешь что-нибудь выпить?

— Спасибо, нет, — ответил я.

Она кивнула и направилась к креслу напротив, цвета лосося. Прочистив горло, я опустился на диван.

— Так... что ты хочешь мне сказать?

— Я хотел рассказать тебе о Роджере.

Она нахмурилась.

— Роджере? А что с ним не так?

— Он умер. И просил тебе кое-что передать.

Ее руки устремились ко рту.

— Нет, — прошептала она.

— Мне жаль, Марла.

Она смотрела на меня в замешательстве.

— Как?

— Ты согласишься мне, если я скажу, что кто-то на парковке бара выстрелил в него из пистолета. Он получил ранение в шею и умер. Никто не знает, кто это сделал.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, мне придется назвать тебя лжецом. Никто не мог выстрелить из пистолета в

Роджера на стоянке бара. У него слишком быстрая реакция.

— Такова официальная версия.

Она посмотрела на меня, широко раскрыв глаза.

— Зачем для смерти Роджера нужна официальная версия?

— А как ты думаешь зачем?

Ее лицо побледнело, потом она прошептала:

— Я была уверена, что он покончил с армией.

Я посмотрел на нее, но ничего не сказал.

Она выдохнула:

— О Боже мой! Теперь все становится понятным.

— Мне очень жаль, Марла.

Она кивнула несколько раз. Где-то в глубине дома зазвонил телефон, она вскочила.

— Я должна ответить, — растерянно произнесла она.

— Конечно, давай.

Я услышал, как она взяла в коридоре трубку.

— Хорошо, — сказала она. — Это будет здорово. Да. Нет, нет, все нормально. Я в порядке. Я вытирала пыль в доме, видно наглоталась и в горле першит. Все нормально. Все просто отлично. Увидимся вечером. Что? Ах, да. Мясной рулет. Да. Все, что хочешь. Да. Я сделаю его. Конечно. Конечно. Нет. Думаю, есть еще одна коробка шоколадного мороженого в морозилке. Точно. Увидимся, когда вернешься домой.

Несколько минут не было ни звука, потом я услышал ее шаги, возвращающиеся в гостиную.

— Это Майк, — сказала она.

Я вежливо улыбнулся.

— Мне нравится Майк.

Я не знал, что ответить, поэтому кивнул.

— Я знаю.

— Он хороший человек. Он поддерживал меня. Я могу доверять ему. Тебе стоит сейчас уйти.

— Роджер просил тебе передать его последние слова.

Она разинула рот.

— Передать последние слова? Мне?

— Да, он умер на моих руках. Ты была последней, о ком он думал.

У нее подкосились ноги, и она рухнула на пол. Я бросился к ней, помогая присесть на диван.

— Я принесу тебе стакан воды.

— Нет, принеси мне вон ту бутылку виски.

Я подошел к маленькому подносу на маленьком кофейном столике, взял бутылку виски и повернулся к ней.

— А где стаканы?

— Просто принесите эту бутылку, — настойчиво произнесла она.

Я передал ей бутылку, и она сделала несколько глотков прямо из горлышка, как заядлый матрос. Должно быть, она выпил четверть содержимого. Потом закрыла глаза. Когда она открыла их, они были совсем другими.

— Что он хотел мне сказать?

— Он хотел, чтобы ты знала, что он любил тебя. Для него не существовало другой женщины, которую бы он любил как тебя. Никогда.

Она стала моргать.

— Тогда почему он меня бросил?

— Он хотел таким образом защитить тебя. Он понимал, что при его работе, ты можешь стать вдовой. Он не хотел, чтобы ты страдала.

Она начала плакать. Сначала тихо, потом все сильнее и сильнее.

— Он не имел право принимать такое решение единолично. Я потеряла все. Он разбил мне сердце, Кит. Он разбил мое сердце.

— Это все работа, Марла. Она разбила и покалечила нас всех.

— Знаешь, что он мне говорил?

— Что?

— Он говорил, что войн бы не было, если политикам пришлось посылать своих сыновей воевать.

— Да, он как всегда был прав.

Она сглотнула и встала.

— Спасибо, что пришел.

— Без проблем. — Я повернулся, чтобы уйти. — Слушай, я сам найду выход.

— Кит?

— Да?

— Помнишь, когда мы все поднялись на гору?

Я грустно улыбнулся воспоминаниям. Это был последний раз, когда мы были все вместе.

— Конечно.

— Мы поженились тогда, помнишь? Мы обменялись кольцами под луной, и он поклялся, что никогда не полюбит никого другого.

— Он сдержал свое обещание, Марла.

— Так же, как и я, — прошептала она, так тихо, что я с трудом расслышал.

<https://www.youtube.com/watch?v=jorJh8DTMVM>

— Там кто-нибудь есть? — спросила я.

Элейн подошла к двери и приоткрыла ее, выглянула внутрь церкви. Мы были в маленькой комнате внутри церкви. На самом деле эта комната была складом, но нам позволили воспользоваться ею для такого случая.

— Ну? — нервно переспросила я.

Элайн закрыла дверь и вернулась ко мне, встав передо мной. Ее голос слегка дрожал.

— Уверена, что хочешь узнать?

— Ты хочешь сказать, что никто не пришел? — потрясенно прошептала я, испытывая разочарование, несмотря на то, что другая часть меня бунтовала, чтобы горожане не смели приходиться ко мне на свадьбу. Меня это мало волновало... тогда. Мне казалось, что со своей напыщенной и высокой моралью, со своим чувством самодостаточности, они спокойно могут пойти прямо в ад. Сегодня я выходила замуж на мужчину своей мечты. Ничто и никто не испортит мне мой праздник.

Элейн взяла меня за обе руки.

— Никто не пришел?! Церковь заполнена до отказа, даже верхние ряды, Лара.

— Что?

— Я никогда не видела ничего подобного. Все пришли, чтобы увидеть, как ты выходишь замуж. Даже Ретт Хавербрук вместе со своей женой и шестью своими сорванцами. И эта задиристая корова Кейли выглядит так, словно съела пригоршню шершней, но она тоже здесь, в это воскресенье.

— Правда? — ахнула я.

— И угадай, кто еще пришел? Слабоумная Лютер. Сидит в первом ряду.

— Мэрибет Лютер тоже пришла, чтобы посмотреть, как я выйду замуж за нехристь?

— Ага. Сжимает четки в своих руках и молится за твое спасение, без сомнения.

Я вдруг занервничала. Уйма бабочек безумно запорхали у меня внизу живота.

— Ты видела Кита?

— Его невозможно не заметить. Он настолько выделяется, среди всех остальных.

— Что он делает?

— Он заметил меня, я бы сказала, что он с нетерпением ждет, когда ты появишься.

Я улыбнулась.

— Как я выгляжу?

— Как женщина, которая выходит замуж за нехристь, — защебетала она.

— Ты думаешь, красное платье — это перебор?

— Нет. Я думаю, оно прекрасно. — Она коснулась маленьких цветов, вплетенных мне в волосы. — Ты выглядишь завораживающе, как лесная сирена, которая заманивает людей на кровавую смерть.

— Элейн?

— Всего лишь пошутила. Ты самая потрясающая и красивая невеста, которую я когда-либо видела. Черт, я сама готова жениться на тебе, если бы Кит не был таким огромным и

свирепым.

Я хихикнула.

— Ты сумасшедшая.

— Ну, что ты готова?

Я кивнула.

— Тогда я пошла за своим отцом, да?

— Да.

Она ушла, а я неподвижно стояла одна в комнате. Я глубоко пару раз вздохнула, чтобы успокоиться, и произошла странная вещь. Мне показалась, что сейчас со мной моя мама. Это чувство было настолько сильным, что я даже произнесла:

— Ма.

Ответа не последовало, но мне показалось, словно до моего плеча дотронулось перышко.

Я стояла не шевелясь.

— Ма, — снова позвала я. Опять же, я почувствовала легкое прикосновение, но теперь на своей руке, и вдруг я поняла. Моя мать с небес благословляла меня в день моей свадьбы. Слезы благоговения и любви наполнили глаза, и стали стекать по щекам.

— Я люблю тебя, мам, — прошептала я.

Затем дверь распахнулась, и вошла Элейн со своим отцом.

— Боже мой! — с порога закричала она. — Не смей плакать. Ты разрушишь весь макияж.

— Прекрати издеваться над бедной девочкой, — произнес ее отец. — Она имеет полное право плакать в день своей свадьбы, если ей хочется.

— Па, сколько раз мама говорила тебе, держаться подальше от женских дел? — сказала она, и начала промокать мне лицо салфеткой.

Я схватила ее за руку.

— Моя мама была здесь, Элейн. Я почувствовала ее.

Она продолжала свои действия.

— О, Лара. Как это прекрасно, что это случилось в день твоей свадьбы!

— Да. Это было самое прекрасное, что когда-либо случалось со мной.

— Что ты почувствовала?

— Просто легкое прикосновение и ощущение, что она была со мной в этой комнате. — Я помолчала. — Она была счастлива за меня, Элейн. Очень счастлива. — И у меня потекло больше слез.

— Я так за тебя рада, Лара, но сейчас, ты должна остановить свой кран слез, иначе вся моя работа будет напрасной.

Я продолжала всхлипывать, пока она исправляла то, что я стерла своим слезами. Затем она сунула букет мне в руку и подвела меня к своему отцу. Я вложила свою руку в его, и он вывел меня в церковь, где мое прекрасное будущее поджидало меня с распростертыми объятиями.

Три месяца спустя

Волны ревели, постоянно двигаясь, накатывая одна за другой, создавая самый умиротворяющий и успокаивающий звук, который я когда-либо слышал. Я зарылся пальцами в песок и наблюдал за красивой женщиной в бикини, проходящей мимо. Затем я снова перевел взгляд вправо, несравненно красивая женщина в гладком цельном купальнике, лежала рядом со мной, ее волосы каскадом спадали на плечи, глаза были закрыты, а ноги она зарыла в песок, голову откинув назад, подставляя солнцу и легкому бризу.

Пока мы слушали, как накатывают волны, я рассказывал ей, все что видел вокруг: дамы в бикини, лежащие на красочных полотенцах на песке, серферы, пытающиеся поймать волну снова и снова, но это дерьмовое дело, поскольку сегодня погода не для серфинга. Я рассказывал ей о детях, строящих песочные замки на пляже. Я рассказывал, что небо было таким синим, почти нереальным, и если бы я долго смотрел на него, у меня бы начала кружиться голова.

По ведерку со льдом медленно стекали капли конденсата. Я пробежал пальцы по ним, а затем коснулся бедра Лары. Она подпрыгнула и засмеялась.

— Перестань быть таким коварным.

Я наклонился и поцеловал ее.

— Хочешь пива?

— Да, — ответила она.

Я с шипением открыл одну и передал ей ледяную бутылку. Потом открыл для себя и посмотрел на нее. Она потянулась с ним ко мне и чокнулась.

Ее обручальное кольцо блеснуло на солнце.

— За Роджера, — произнесла она.

— За Роджера.

— Мне хотелось бы познакомиться с ним.

— Ты бы ему понравилась. Может, даже слишком. Я бы приревновал.

Я наблюдал, как она долго потягивала пиво. Затем она небрежно протянула мне почти полную бутылку.

— Восхитительно, очень вкусно.

Я был озадачен.

— Всего один глоток?

Лара улыбнулась и откинулась на своем стуле.

— Как только я рожу ребенка, ты можешь принести мне ледяное пиво в роддом, и я обещаю, что выпью все.

Я тут же выпрямился, у меня сердце ушло в пятки.

— Что ты сказала?

— Ты меня слышал, — довольно ответила она.

Я внимательно посмотрел на свою жену. Она опять запрокинула голову назад и улыбалась солнцу. Эта новость ударила меня в живот и вызвала странное чувство теплоты, которое полностью отличалось от всего, что я когда-либо испытывал. Я протянул руку и взял ее руку в свою.

— Ты уверена?

Она кивнула и перевернула мою руку, поцеловав пальцы.

— И я подумала... если родится мальчик, мы назовем его Роджер.

Слезы полились у меня из глаз. Эта женщина принесла в мою жизнь все, о чем я мог когда-либо мечтать в своей жизни, а сейчас она готова была дать мне еще. Я посмотрел на ее плоский живот, поймав себя на мысли, с каким бы удовольствием наблюдал, как он будет расти.

— Я люблю тебя, — сказал я, собрав в себе силы.

— Я тоже люблю тебя, — ответила она, и мы сидели вдвоем на пляже, в нашем маленьком коконе счастья, с нашей маленькой тайной, начинающей расти у нее в животе, и где-то там мой давний друг Роджер смеялся, попивая пиво в нашу честь.

Прошло шесть месяцев

https://www.youtube.com/watch?v=Id_UYLPSn6U

— Привет. Как дела Клеунлэнд? — спросила я, как только услышала голос Элейн по телефону.

Клеунлэнд было прозвище Элейн в Голливуде. Когда она впервые приехала туда, она была ошеломлена насколько одинаково красивыми, светловолосыми и загорелыми были все женщины.

— Это шокирует, у них у всех белые зубы, — прошептала она в первый раз, когда позвонила. Она утверждала, что их зубы настолько ослепляли своей белизной, что ей пришлось купить темные очки.

За последние два месяца, это были ее слова, не мои, она работала своей задницей по двенадцать часов в день, шесть дней в неделю, делая все, кто бы ее не попросил, вплоть до художника-постановщика, не говоря уже о продюсере друге Хавербрука, но она была счастлива. Так счастлива, на самом деле, что даже забыла поинтересоваться последними сплетнями, не то, что мне они были очень интересны.

— Ты не поверишь, что со мной произошло, — визжала она, захлебываясь словами.

Я села.

— Что? — спросила я, улыбаясь.

— Мне кажется, я только что продала свой сценарий. Помнишь, я тебе говорила, что у продюсера есть друг?

— Да?

— Помнишь, что она пообещала сказать своему другу продюсеру, что у меня есть сценарий?

— Да?

— Продюсер попросил посмотреть сценарий.

Я закричала от радости.

— Так ты теперь работаешь с ним?

— Здесь все движется потихоньку, не так быстро.

— Что это значит?

— Я не хотела тебе говорить, поскольку не знала, как он отреагирует, он ведь мог сказать, что это полное дерьмо.

— Ясно.

— Но он сказал, что ему понравилась моя слепая героиня, но мне стоит переделать ей возраст не 17, а 13 лет, так она станет более привлекательной, чтобы этот фильм можно было продать на рынке.

— Твоя героиня слепая?

— Конечно.

— О чем сценарий?

— Это история о слепой девушке, которая находит больного олененка в лесу и спасает его от охотников.

— Я так счастлива за тебя, Элейн.

— Всем этим я обязана тебе. Спасибо, Лара.

— Мне обязана? Я даже не знала, что ты писала киносценарии.

— Ты сказала Хавербруку, чтобы он помог мне, не так ли?

— Ни в коем случае. Я даже не знаю этого человека.

— Лара. Ты не умеешь врать. Я имею в виду, по-другому ничего бы не вышло. Я сообщила тебе, что хочу поехать в Голливуд, и секретарь Хавербрука позвонила мне, предложив работу, которая ожидает меня в Голливуде, знаешь, в качестве кого? Да, ассистентки продюсера! — завизжала она.

— Если бы твой сценарий не понравился, продюсер не взял бы его. Ты знаешь это, не так ли?

Она рассмеялась.

— Да, знаю. Достаточно хорошо. Как дела с ребенком?

— Просто отлично. Мы ходили на УЗИ на 20 неделе. Кит говорит, что она великолепна. Он сказал, что у нее мой нос.

— Это хорошо. Его нос был бы слишком большим для девочки.

— У нее глазки были закрыты, но ресницы настолько длинные. Он сказал, что они почти дюйм длиной. Впервые в жизни мне было так грустно, что я не могу ее увидеть.

— О, Лара. Скоро ты ее увидишь.

— Да, я знаю. Я не могу дождаться, чтобы обнять ее маленькое тело, дотронуться пальцами до ее лица, ручек, поцеловать, почувствовать ее запах. Я уже считаю дни до родов.

— Ой, черт. Кто-то меня зовет. Я должна бежать, но позвоню тебе завтра.

— Ладно, и поздравляю тебя, Элейн. Я очень горжусь тобой.

— Спасибо, — пропела она, громко чмокнув в трубку, и отключившись. Я положила телефон обратно на стол и погладила живот. Услышала, как открылась входная дверь, и у меня тут же появилась улыбка на губах.

Кит шел ко мне. Он опустился на колени передо мной.

— Как сегодня поживают две мои девочки? — спросил он.

— Скучают, — прошептала я.

— У меня есть для тебя сюрприз, — ответил он.

Я усмехнулась.

— Какой?

Он взял мои руки и положил их мне на колени. Затем вложил пластиковый пакет.

— Что это такое? — спросила я.

— Это лицо твоей дочери.

Я нахмурилась.

— Что? Как?

— Оно сделано на 3D принтере. Я отправил твое УЗИ в Польшу, и они произвели его.

Дрожащими пальцами я сняла пластиковый пакет и приподняла лицо, ощупывая кончиками пальцев. Маленький носик, губки, глаза, а потом я заплакала от радости.

— О, Кит. Спасибо. Спасибо, — рыдала я. — Она такая красивая. Наша дочь — это маленькое чудо.

Он прижал меня к себе.

— Да, она такая же прекрасная, как и ее мать.

— О, нет. Она гораздо красивее, у нее такие ресницы. Боже мой! Я никогда не думала, что ребенок может иметь такие длинные ресницы.

— Я люблю тебя, моя милая и замечательная жена, — прошептал он мне на ухо.

— Я тоже люблю тебя, мой замечательный муж, и маленькую девочку Карсон — самое удивительное и прекрасное сокровище, о котором я когда-либо могла мечтать. Я так рада, что судьба забросила тебя в Дуранго Фолс, и ты решил оставить такое странное объявление на доске в библиотеке.

Я почувствовала его дыхание у себя на виске, потом он поднял меня на руки.

— Куда ты меня несешь? — смеясь, спросила я.

— Мне кажется, что нам стоит воспользоваться последними спокойными минутами, которых у нас осталось немного.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, пока он нес меня наверх.

— Мне кажется, что мне стоит положить тебя в кровать, чтобы ты смогла немного отдохнуть, миссис Карсон, так как ты должно быть устала, беременность и все такое.

Мистер Карсон был неправ. Оказалось, я совершенно не устала!

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Howdy doody-популярная тряпичная кукла-марионетка в 50-х годах

Дизастервиллю — игра слов Disaster ville (катастрофа и деревня)

Джон Уэйн Гейси-мл. — американский серийный убийца, изнасиловавший и убивший 33 молодых человека, в том числе нескольких подростков. Также известен, как «Убийца-клоун»

Kleinfeld — легендарный магазин свадебных платьев, основанный в 1941 году. Он самый большой в мире, самый известный и самый дорогой

три часа — направление под углом 90 градусов, справа от объекта, — военный жаргон